

Ольга
САМАРИНА-КИКИНА

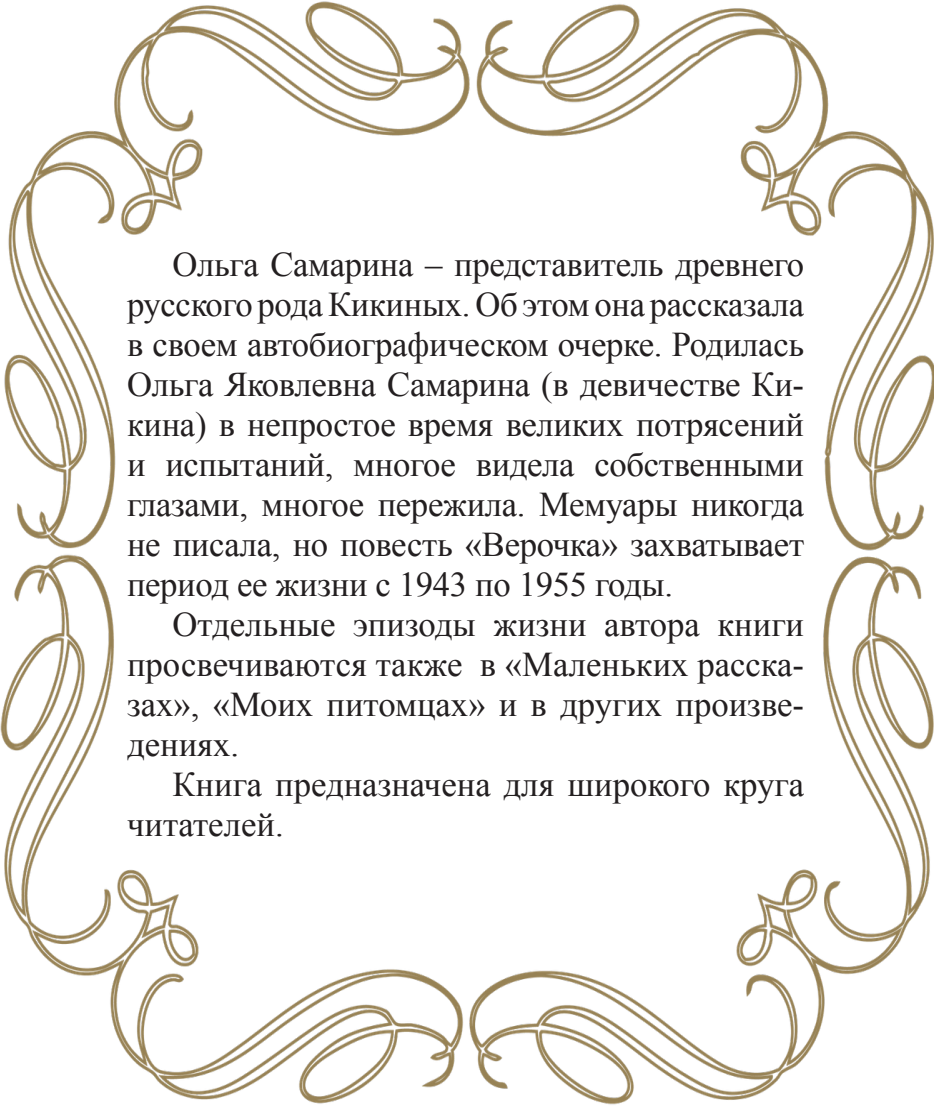

Найди себе
друга

Жлобин
2016 г.

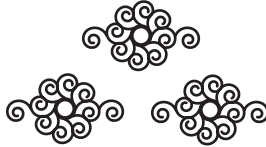
Ольга Самарина – представитель древнего русского рода Кикиных. Об этом она рассказала в своем автобиографическом очерке. Родилась Ольга Яковлевна Самарина (в девичестве Кикина) в непростое время великих потрясений и испытаний, многое видела собственными глазами, многое пережила. Мемуары никогда не писала, но повесть «Верочка» захватывает период ее жизни с 1943 по 1955 годы.

Отдельные эпизоды жизни автора книги просвечиваются также в «Маленьких рассказах», «Моих питомцах» и в других произведениях.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ДВОРНЯГИ

Любите наших братьев меньших, часто они становятся нашими преданными друзьями и помощниками. А главное, они не способны предать и любят нас бескорыстно.

СЭР

Как-то на вокзале мое внимание невольно привлек лохматый черный пес. Обычно, он спокойно сидел на платформе, а когда подходил поезд, неторопливо направлялся к определенному вагону и терпеливо ждал, пока откроются двери.

При появлении проводницы он приветливо шевелил хвостом. Именно шевелил, а не вилял, и делал это как-то снисходительно, словно одолжение делал. Та ставила перед ним картонную тарелку из-под шашлыка с едой, трепала за холку, улыбалась и что-то ласково говорила. Поезд стоял не долго. Приняв пассажиров, если они были, проводница махала рукой с флажком своему «приятелю» и закрывала двери.

Во время очередного их свидания я подошла ближе. Собака доедала небольшие кусочки чего-то мясного, причем, без жадности и очень аккуратно. Подумала, ему только салфетки не хватает!

Густые черные усы, нависшая над глазами челка, из-под которой на меня был брошен немного напряженный, внимательный взгляд карих глаз. Усы, как у шотландского терьера, шерсть, уши тоже, но откуда эта челка, да и рост великоват для этой породы. Явно, помесь, а короче – дворняга.

Видя, что я просто наблюдаю, пес успокоился, закончил трапезу и направился в сторону вокзала размеренным быстрым шагом, словно его ждали неотложные дела.

– А посуду кто уберет? – взяла пустую тарелку, бросила в урну и почему-то сразу решила, что он – Сэр. Больно уж важный и степенный.

Тогда я частенько бывала на вокзале, и всегда с интересом наблюдала вышеописанную сцену. С Сэром мы уже узнавали друг друга и даже здоровались. Я говорила:

– Приветствую вас, Сэр. Как жизнь?

А он в ответ слегка шевелил хвостом.

В тот жаркий воскресный день народу на станции было очень много. На восьмом пути у последнего вагона подошедшего поезда, где платформы уже не было, творилось настоящее столпотворение. Продавцы мягких игрушек атаковали вагон целой толпой, над которой возвышались зайцы, волки, медведи, обезьяны, слоны, собаки, и кого там только не было. Пассажиры выглядывали из тамбура и из открытых окон, но выходить, видно, не решались – стоянка была короткой.

Мальчик лет трех смиренно стоял в сторонке, но вот что-то его заинтересовало, и он подошел к самому колесу вагона. Объявили отправление, толпа отпрянула, состав дрогнул. У меня замерло сердце от страха, быстро сделала шаг в сторону поезда.

Сэр! Он опередил меня, молниеносно бросившись к ребенку, рванул за рубашку, малыш упал и заплакал. Я подхватила его, стала успокаивать и тут увидела бегущую женщину. В руках у нее была внушительных размеров горилла с зажатым в руке желтым бананом.

– Я тебе что сказала? Чтоб стоял на месте и не двигался! Она выхватила у меня мальчика и потащила его за руку к следующему подходящему поезду.

– Вот это да! Даже спасибо не сказала. А ты, оказывается, пес-то не простой, как быстро среагировал. Вы просто герой, Сэр. Приношу вам искреннюю благодарность за отважный поступок от имени этой непутевой мамыши!

На мою восторженную речь ответа не последовало, пес молча направился к платформе второго пути, куда должен был подойти его поезд.

Прошло десять лет. Я давно переехала в другой район города, на вокзале бываю крайне редко и Сэра ни разу с той поры не видела. Исчез пес. И вот однажды на рынке обгоняет меня очень уж знакомая псина. Точно, это он – Сэр, только сильно постаревший и поседевший. Я вспомнила:

– Приветствую вас, Сэр. Как жизнь?

Он остановился, повернул голову, посмотрел на меня уже подслеповатыми глазами из-под седой челки и деловито затрусил дальше. Остановился напротив мясного павильона, сел и застыл в гордом ожидании. Сэр, ты все такой же! Не изменили тебя годы!

Вот тебе и дворняга. А сколько достоинства. Одним словом, Сэр!

ЧЕРНУШКА И ЛАЙМА

Никто не помнил, когда эти две собаки поселились в подвале второго подъезда многоэтажки, думалось, что они жили здесь всегда. Веселая, золотисто-рыжая с белыми подпалинами, очень напоминавшая колли – Лайма, и немного меньшая ростом, с короткой густой шерсткой, абсолютно черная, медлительная и спокойная – Чернушка. Было в ней что-то и от добермана, и от ротвейлера, одним словом, беспородные дворняги. Кем они были друг другу неизвестно, но Чернушка выглядела старше и рассудительней. Мысленно я их воспринимала, как День – Ночь. Каждая сама по себе, но всегда рядом.

Неразлучная парочка обосновалась в подвале, разделенном на кладовки – занятые и свободные. Они переловили всех крыс, подружились с обитавшими там кошками и начали добросовестно охранять занятую территорию. Жильцов дома знали всех от мала до велика, но чужой никто войти в подвал не мог. Воровство сразу прекратилось, хотя раньше это было частым явлением, так как замка на двери не было. Жильцы подкармливали «сторожей», особенно старалось младшее поколение. Где-то они и сами добывали пищу.

Дети обожали собак, и любовь эта была взаимной. Умные дворняжки быстро поняли, чего от них хотят – принести мячик или палку, что-то или кого-то найти, догнать. Ребятишки играли с ними, а иногда просто ласкали, гладили, ведь в квартирах редко держат животных, а кому из нас в детстве не хотелось иметь собаку, кошку или хотя бы хомячка.

Были во дворе и породистые собаки, их редко спускали с поводка и держали подальше от дворняжек. Колли

– задиристая и злая, которая при случае кусала всех – породистых и беспородных, выражая этим преданность своим хозяевам. Маленькая, черная такса – она больше держалась в сторонке и при возможности старалась вырыть нору поглубже. Был еще карликовый пудель Чарли, который часто гулял один, всех любил, со всеми заигрывал и, вообще, был свой парень, породой не гордился, хотя его голубовато-серую кудрявую шерстку всегда стригли по последней моде. И, конечно же, Лорд – высокий коричневый доберман, его вообще с поводка не спускали, и свою территорию он метил вместе с хозяйкой.

А для Лаймы с Чернушкой каждый, кто жил в доме, был хозяином. Если во дворе не было детей, собаки играли сами – в догонялки или боролись, а устав, засыпали на траве в обнимку. Чернушка очень ухаживала за Лаймой, облизывала ее и даже репейники вытаскивала из ее густой длинной шерсти, словно она ее щенок, а может, так и было? Кто знает...

Когда у Лаймы появились щенки, ухаживали за ними вместе. Чернушка приносила в подвал косточки и вкусные кусочки, которыми ее угощали детишки, оставалась с малышами, когда Лайма выходила погулять. Подросших щенков, обычно, разбирали – кто увозил в деревню, кто на дачу.

Удивительные собаки эти бездомные дворняги. Очень умные, приспособленные к любым условиям. Их всему учит жизнь, они понимают тебя не то, что с полуслова – с одного взгляда, чувствуют хороших и плохих людей, любую опасность, а уж как дорогу переходят – понаблюдайте – некоторым пешеходам не мешает у них поучиться.

Как-то соседка из подъезда рассказала такую историю. Поздно, во втором часу ночи позвонила ей подруга, попросила прийти, так как почувствовала себя очень плохо. Жила она недалеко, но совершенно одна.

– Вышла я из подъезда – темно, пустынно, страшно-вато, хотя дойти нужно только до соседнего двора. Стою, смотрю, Чернушка с Лаймой из подвала вылезли. Пошла, а они со мной рядом идут – вот, думаю, и охрана моя. Дошли до нужного мне дома, я говорю: «Спасибо, проводили, может, подождете – я не долго». Долго – не долго, а часа два прошло – пока «скорую» вызвала, побыла еще у нее, светать уже стало. Выхожу, а провожатые мои не ушли, сидят, меня дожидаются. Очень я удивилась. Домой вместе пришли. Вынесла я им косточек да кусочек колбаски – отблагодарила.

Все было хорошо, но как-то в воскресенье, очень рано, когда все еще сладко спали, во двор въехала легковая машина. Вышли из нее двое вооруженных мужчин, и загремели выстрелы. Лайма и Чарли погибли сразу. На песке, повизгивая, лежала в луже крови раненая Чернушка.

Спасти собаку пытались все – и взрослые, и дети. Они собрали деньги на лекарства, привели врача из ветлечебницы. Женщина с пятого этажа в крайнем подъезде забрала ее к себе в квартиру и обещала делать уколы, как сказал врач.

Раненая не поправлялась, вела себя беспокойно, ей стало хуже. Не привыкла она жить в квартире, и решили вынести ее на воздух, положили в тень под балконом первого этажа. Ничего не помогало, и в это теплое, раннее утро Чернушка умирала. Она смотрела на окружавших ее ребятишек грустными глазами и, казалось, хотела спросить – «Люди, за что?»

Дети плакали, они искренне любили своего четвероногого друга еще не очерствевшими, нежными сердцами, и тоже не понимали – за что и зачем?.. Они похоронили ее на пустыре и украсили рыхлую землю полевыми цветами.

ЧАРА

Я шла через поле на свой огород, что был через дорогу от микрорайона. Услышав звонкий лай у себя за спиной, оглянулась и вижу – прямо ко мне несется какая-то странная собака. Видя, что я остановилась, она тоже затормозила, но продолжала меня облаивать. Конечно, от незнакомой собаки всего можно ожидать, но рассмотрев ее вблизи, я почему-то не испугалась, а чуть не рассмеялась – такая она была несуразная и смешная.

Небольшая, но на очень длинных тонких ногах, шерсть непонятного серо-седого цвета, местами выстрижена и торчит пучками вверх, как у ежика. Головка маленькая для такого туловища, и какие-то склеившиеся лохмы почти глаза закрывают. На шее свободно болтается ошейник, сделанный из ремешка с пряжкой, отрезанного, скорее всего, от старого ранца или сумки.

На помощь мне спешил мальчик лет семи-восьми, в руках у него был импровизированный поводок из бельевой веревки, который, по-видимому, привязывался к этому ошейнику.

- Ты кто?
- Толик.
- Твоя собака?
- Моя.
- Что же она на всех кидается?
- Она меня защищает.
- Понятно. И как же ее зовут?
- Чара.
- Почему Чара?

- Она же черная.
- Не черная она, а скорее серая.
- Нет, черная.
- Тогда ее нужно звать Чера, а не Чара.
- Чара звучит лучше.
- Ну, если звучит, тогда конечно. Значит, это Чара лает по ночам и мешает всем спать?
- И вовсе не мешает, она двор охраняет.
- Кто же ее так подстриг?
- Это я репы вырезал, а сейчас мы идем на Днепр купаться.

На том и расстались. Двор наш небольшой, квадратный, между четырьмя домами, и только на нашем – крылечки. Эти злополучные крылечки, сделанные с противоположной стороны фасада, всем порядком надоели, особенно жильцам первого и второго этажей. Для чего они предназначены – непонятно, возможно, для красоты? Подростки прячутся на них от дождя, курят, пьют пиво, обсуждают громогласно свои дела. Младшие днем кричат, визжат, играют – девчонки в «дочки-матери», мальчишки в войну. Бетонные ступеньки ухитрились растащить, и под крылечками устроили настоящие блиндажи. Шум и гам стоит невероятный. Уговоры мало помогают, более решительные меры прекращают все это ненадолго. В непогоду находят там убежище бездомные кошки и собаки.

В это лето во дворе постоянно обитала только Чара, которая усердно лаяла по ночам, охраняя свою территорию. Забегали и другие собаки, но они были временные, побегают, пошныряют по мусоркам и до свидания.

Эта «сторожиха» двора тьякала так громко, регулярно, подолгу и в самое неподходящее время, что я думала – однажды у кого-нибудь лопнет терпение, и придется ей

улепетывать с захваченной территории. Но этого не случилось, и Чара продолжала гавкать. Возможно, все уже привыкли и спали под этот лай, как под стук колес поезда.

В ту ночь я проснулась от тишины. Продолжалось это и в следующие ночи. Что ж, видно, сменила место жительства наша охранница. Как-то, уже поздно вечером возле крыльца, которое находилось рядом с моим окном на первом этаже дома, начался настоящий базар. Ребятишек собралось человек десять-двенадцать. Они кричали, размахивали руками, что-то доказывая друг другу. Решила пойти разобраться, в чем там дело.

– Что происходит? Почему такой крик?

Вижу, здесь и мой знакомый – Толик.

– Может, ты объяснишь, в чем дело?

– Чара под крыльцом оценилась и своих щенков закапывает, а мы их спасаем.

– Не может этого быть. Дай мне фонарик.

Я полезла в «блиндаж».

Собака действительно пыталась закопать щенка и рычала на мальчика, в руках которого был другой.

– Оставь его и пошли отсюда быстрее.

– Она же их закапает!

– Закапает, если мы отсюда не уйдем.

Мы вылезли из-под крыльца.

– Ну что? Она, правда, их закапывает?

– Она просто хочет их спрятать от вас. Не надо туда залезать и трогать щенят. Если хотите помочь, то нужно хорошо кормить и поить Чару. Сейчас принесу воду и миску для еды. Воду буду менять сама, а еду приносите все понемногу по дороге в школу или когда выйдете гулять. А сейчас пора по домам, уже поздно.

Дома я отрезала нижнюю часть от пластиковой пятилитровой бутылки, налила воды, прихватила старую эмалированную миску, вернулась и поставила все у входа в «блиндаж».

Утром пошла проведать «мамашу». В миске лежало несколько бутербродов с колбасой и сыром, котлета и даже половина яблока. Заглянула под крыльцо. Чара лежала спокойно, и щенята всю сосали молоко – завтракали. Их было много. Хотела посчитать, но не стала волновать собаку.

У Чары были прекрасные шефы. Они так обильно и вкусно ее кормили, что она поправилась, обросла волнистой шерстью и выглядела теперь вполне симпатичной собачкой, а главное усердно кормила свое обильное потомство. Скоро у малышей открылись глазки, и девочка Таня очень захотела взять одного домой.

– Рано еще, ему будет холодно одному и плохо без материнского молочка, он будет пищать, и ты завтра же принесешь его обратно.

Она не послушалась, но утром малыш уже был возвращен на место.

Начались летние каникулы. Щенята вполне подросли, и дети стали выносить их на солнышко, на зеленую травку. Малыши были прелестные – все девять. Ай, да Чара! Сама небольшая, а такой обильный приплод! Без помощи «спонсоров» ей бы, конечно, всех не выкормить.

Пушистые, косолапенькие и такие разноцветные – черные, коричневые и серые. У некоторых светлое пятнышко на грудке, как бантик, а один в настоящих белых носочках. Дети уже распределили их между собой, и каждый смотрел за своим, чтобы далеко не уползал, не запутался в траве или не упал в ямку. Сколько было радости и восторгов!

Чара стала отлучаться все чаще и на дольше от своих детишек. Выкормив щенков, собаки обычно уходят от них и быстро забывают о родстве. Чего не скажешь о волчице или медведице. Скоро ребяташки разобрали щенков, и у крылечка установилась относительная тишина. Чара в нашем дворе больше не появлялась, двор никто не сторожил, и по ночам все спали спокойно.

Через несколько лет, стоя на автобусной остановке у продуктового киоска, заметила собаку, лежащую около большой лужи. У нее, по-видимому, были парализованы задние ноги. Худая, грязная, с свалывшейся шерстью, ее сильно трясло. Чем-то она напомнила мне Чару, но полной уверенности не было. На имя не отреагировала, наоборот, я ошиблась.

Подлетела ворона. В клюве у нее был приличных размеров засохший кусок хлеба. Не сыр, конечно, но тоже еда. Опустила его в воду и даже лапой придавила, чтобы быстрее намок. Сообразительные и нахальные эти птички. Из урн вытаскивают мусор в поисках съедобного, дворникам с ними сущее наказание. Не раздобудут сами – отнимут у более слабого. Не раз наблюдала, как воробей с лакомым кусочком в клюве спасался от преследования, залетев на остановку к людям.

В общем, ворона, полностью игнорируя беспомощную собаку, продолжала долбить клювом уже вполне размочивший сухарь. К остановке подошли трое подростков. Вели себя шумно, толкали друг друга, громко говорили и смеялись. Направились к собаке. Я уже настроилась защищать беспомощное животное. Она смотрела на них затравленным взглядом и тряслась мелкой дрожью.

– Что это ее колотит, как от холода?

– А может, от голода.

Парни вернулись и подошли к киоску. Один из них что-то покупал, когда обернулся, в руках у него была банка мясных консервов, он вскрыл ее перочинным ножом, и вытряхнул перед собакой.

– Ешь, не стесняйся.

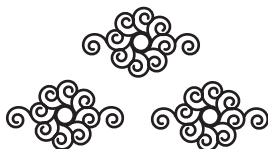
Товарищи его засмеялись:

– Смотрите, нашелся защитник животных.

Подошел автобус, ребята уехали. Ворона боком, боком, забыв про сухарь, стала подбираться к аппетитному блюду.

– Что, плутовка, тоже хочешь полакомиться?

Тепло и радостно стало на душе – немало еще доброты в сердцах людских. И это замечательно, ведь животные – это братья наши меньшие. Любите их и знайте – они любят вас, они могут быть верными, преданными друзьями, они помогут вам стать добрыми, заботливыми, терпеливыми, а это то, чего нам часто не хватает в нашей человеческой жизни.

АГАЙ

*Опять я мучаюсь ночами,
Непостижимо то уму,
Зачем все это было с нами?
Так до сих пор и не пойму...
Не легавый, не овчарка,
Очень странный рыжий пес.
В общем, попросту – барбос.*

Низкорослый, с кривыми ногами, длинным носом, вроде на таксу похож, уши торчком, а шерсть длинная, волнистая, золотисто-рыжего цвета. Какой породы был этот Агай – неизвестно. Откуда он, и что означало в переводе имя Агай – тоже никто не знал. А вот о том, что он лучше всех других четвероногих умел обнаружить мины или снаряды, даже на глубине двух метров под землей – знал весь взвод минеров-разведчиков.

Собаки были незаменимыми помощниками, когда приходилось проверять маршрут, по которому пойдет колонна машин или тяжелой военной техники. Собак содержали в особом помещении, но каждая закреплялась за определенным человеком. Агай работал с Сергеем – молчаливым черноволосым парнем с задумчивыми серыми глазами.

Ребята шутили:

– Не та собака тебе, Сергей, досталась. Поменяй своего рыжего на Степанову черную Найдку!

Рыжеволосый Степан смеялся:

– Ишь, чего захотели: «Сам я рыжий – рыжую взял». Не выйдет, я свою Найдку ни на кого не сменяю.

Сергей только улыбался, поглаживая Агая по золотистой кудрявой шерсти.

Друг был у Сережи – Антон. Дружили с первого класса, сидели за одной партой, школу закончили и оба в институт по конкурсу не прошли. Мечтал один хирургом стать, другой – геологом, да жизнь иначе распорядилась... Вернулись из Москвы в родной город – красивый он, уютный. Стоит на берегу реки, и не поймешь, кто кого украшает – город реку или река город – оба хороши.

Направил военкомат парней обучаться на курсы шоферов, а через семь месяцев призвали их в армию, и стали они оба – солдатами срочной службы, сказали, что служить, скорее всего, будут на юге. Размечтались ребята о Крыме или Украине. Уже когда были на призывном пункте, подъехали «заказчики» или «покупатели» - как их там называют, отобрали тридцать человек, увезли в Ташкент, а потом в Афгане оказались... Ничего не скажешь – тоже Юг.

Сразу-то вместе были, а потом разлучили друзей – Серегу в разведроту оставили, а Антона за баранку – шофером. Вначале работал Сергей с опытным минером, освоил все быстро, а уже после с Агаем. Привязались они друг к другу, только что спали не вместе. Все лучшие куски от обеда парень собаке скармливал, а иногда и в магазинчике чего-нибудь ей прикупал.

Командир ругался:

– Не балуй ты его, не положено это.

Агай свое отрабатывал. Нюх у пса был исключительный. Однажды указал он место, но ничего там не нашли, осторожно внутрь копнули – тоже пусто, а потом в стороне ход обнаружили, вел он в небольшую пещеру, а в ней настоящий склад оружейный, и все это на глубине двух метров, как раз под тем местом, что Агай показал.

Много жизней спасли Сергей с Агаем. Пес находил мины, Сергей обезвреживал, все благополучно обходилось. Только в тот злополучный день, когда проверяли они дорогу, с противоположной стороны начался обстрел. Снаряд разорвался рядом с заложенной миной, и она «сработала». Взрывом Сергея отбросило в сторону, он упал, придавив своим телом собаку, потому пес не пострадал, зато сам получил множество серьезных осколочных ранений.

Ночью всех тяжелораненых вертолетом эвакуировали через границу в Узбекистан. Как при загрузке проник на борт Агай – никто не знал. Заметили его уже на месте, вертелся около машины скорой помощи, куда переносили раненых. Госпиталь был на окраине города, добрался туда и пес.

Сергею сделали несколько операций, но ранения были слишком тяжелыми, как говорят – не совместимыми с жизнью. Через три дня он умер, не приходя в сознание.

Рыжего, лохматого пса видели на территории госпиталя, иногда у пищеблока, потом около морга. Пытались прогнать, но он опять появлялся, видно, нашел дыру в заборе. Потом исчез и появился уже на кладбище.

Когда матери сообщили о случившемся, ее нездоровое сердце не выдержало, и с инфарктом она попала в больницу. Других родственников не было, всегда сыну говорила: – Одни мы с тобой на этом свете.

Похоронили Сережу на кладбище города, где был госпиталь. После выхода из больницы, мать приехала на могилу сына. Военкомат помог ей поставить памятник. Возле могилы все время находилась рыжая собака. Женщина обратилась к кладбищенскому сторожу:

– Это ваша?

– Нет, но от могилы не отходит со дня похорон, стал уж ее подкармливать, чтобы не подохла. Так и живет здесь.

Мать ненамного пережила сына. Умерла от сердечного приступа на своей даче. В выходные соседи заметили, днем в домике свет горит, зашли, а она за столом сидит, голову на руки положила и уже окоченела.

Через год, после легкого ранения в ногу, Антон вернулся в родной город. Живой и здоровый вроде, но родные и знакомые его не узнавали, мрачный стал, нелюдимый. А какой зубоскал и шутник был в отличие от своего молчаливого друга... Разузнал в военкомате, где Сергей захоронен, полетел навестить, посмотреть как там, что, и все ли в порядке. Подходят со сторожем к могиле, а там у оградки лежит пес рыжий, рыжий...

– Агай! Ты как здесь оказался?! Глазам своим не верю! Откуда он?

– Не знаю, вот как парня схоронили, он тут и поселился, никуда не уходит. Подкармливаю его, будочку у своей сторожки поставил. Приходит туда только в сильный холод и непогоду, а так все здесь, как на карауле, иногда на могилке лежит. Хозяин он ему что ли был?

– Хозяин? Нет, скорее, друг верный, вот кто.

Антон погладил собаку, пес прижался к его ногам и жалобно заскулил.

– Ну, что, дезертир? Сбежал, значит, с горячей точки? И кто это тебя сюда перетащил? Не пойму. Мне тоже, брат, тяжело, хоть волком вой, да ничего уж не исправишь. Хочешь, заберу тебя с собой?

– Нет, - сторож покачал головой. – Он за ограду даже не выходит, а ты – уехать отсюда... Нет.

– Значит, не хочешь уйти со мной. А как много ты бы мог еще сделать... Но выбрал этот пост, видно, он для тебя – пост номер один до конца твоей жизни.

Покрасили оградку, скамеечку со стариком сделали, свежие цветы положили. Антон посмотрел на эмалевую фотографию друга. На ней Сережка улыбался, что при жизни случалось не часто.

– Не скучай, Серега, пока жив, я буду приезжать, а Агай с тобой навсегда, я понял это.

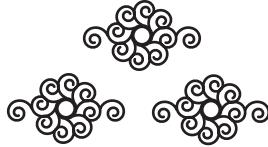
Он попрощался со сторожем, оставил денег, чтобы тот за могилой ухаживал и собаку кормил.

Антон уходил, не оглядываясь, чуть прихрамывая, тяжелым, медленным шагом, сжималось горло, душили слезы, он словно оставлял здесь кусочек своего сердца. А в голове, словно маленький молоточек выстукивал: зачем, зачем это случилось с нами? Зачем и кому это было нужно?

МОИ ПИТОМЦЫ

МУРКА И ДИНГО

На свет он появился одиннадцатым номером. Для породистой охотничьей собаки, это рекордное число. Обычно оставляют не более семи щенков, чтобы они выросли крепкими и здоровыми.

Хозяин Дины оставил всех, а «лишних» стал дарить своим друзьям еще слепыми.

Когда мой отец принес этот «подарок» домой, он уместился у него на ладони, жалобно пищал и дрожал от холода. Поместили его в корзину, где лежал серый пушистый комочек – единственный котенок нашей Мурки. Когда она явилась, то просто оторопела, увидев в своем «гнездышке» это плюшевое рыжее чудо с чуть приоткрытым одним глазом.

Возможно потому, что щенок уже успел «пропитаться» кошачьим запахом, особенно возмущаться она не стала и осторожно легла рядом с этой необычной парочкой.

Не знаю, позволяла ли ему кошка сосать молоко, но облизывала и грела их с одинаковым усердием. Папа подкармливал щенка какой-то смесью из бутылочки с соской. Он никогда не скулил, значит, был сыт, обогрет и доволен жизнью.

Скоро котенка забрали, и щенок остался полноправным хозяином корзины. Мурка продолжала за ним ухаживать и вроде не очень расстроилась из-за отсутствия котенка.

Щенка назвали Динго. Во-первых, имя по правилам должно было начинаться с первой буквы имени матери, а во-вторых, я как раз читала книжку про «дикую собаку Динго», и никто в семье не стал возражать против такого выбора.

Скоро Динго догнал по росту свою приемную мамашу. В корзинке им уже стало тесновато, но зато тепло, и щенок не хотел переселяться на коврик, который папа для него приготовил.

Они так забавно играли, гонялись друг за другом, боролись, но когда неутомимый щенок начинал слишком уж «доставать» кошку, она немного выпускала коготки, била хвостом по полу, а потом вообще уходила на улицу.

Прошло еще какое-то время, и Мурка стала учить его охотиться. Однажды я увидела, что она притащила полуживую мышь и положила под нос щенку. Сама легла рядом, равнодушно отвернувшись. Через некоторое время мышь стала потихоньку отползать в сторону. Видя, что «ученик» никак не реагирует на добычу, она быстро лапой вернула мышь на место. Но щенок, не понимая, чего от него хотят, с недоумением смотрел на свою «мамашу».

Другой раз она привела его в кладовку, где в рядок было уложено несколько мышей. В кладовке их было достаточно много, и когда Мурка была сыта – оставляла их «про запас». Но и этот «сюрприз» оставил щенка безразличным. Хотя ростом он стал большой, но был еще совсем глупеньким, чтобы начинать чему-то учиться. Заниматься с ним отец стал, когда ему исполнилось шесть месяцев, и учил его не мышей ловить, а выслеживать, «поднимать» и приносить застреленных пернатых.

Мурка скоро тоже поняла, что «мышелов» из Динго не получится, и бросила эти бесполезные занятия.

А пока он просто жил весело и беззаботно. Играл со мной и с моим младшим братом и, конечно, с Муркой, когда она разрешала. Ее он еще до сих пор слушался и даже побаивался, хотя ростом стал в два раза больше, чем она. Нюх имел отличный. Часто с братом, спрятав

какие-нибудь вещички, заставляли его искать. Находил он быстро. Мы иногда и спрятать-то еще не успевали, тогда Динго нагло лез в карман за «находкой» и лаем требовал немедленного вознаграждения. А уж совать везде свой длинный любопытный нос и «унюхивать» что-нибудь вкусное – ему не было равных.

Как-то папа уехал в длительную командировку, а мама тяжело заболела и попала в больницу. Я осталась дома за хозяйку. Тогда еще о холодильниках не слыхали. Продукты и еду оставляли в кухонном столе. Туда и ухитрился забраться шустрый Динго – слопал винегрет и большой кусок масла. Результат был потрясающий. Мне пришлось вести его к ветврачу. Еле спасли «лакомку». Отцу об этом я ничего не рассказала.

Из слабенького «последыша» вырос отличный охотничий пес – рыжий ирландский сетр Динго, и немалая заслуга в этом принадлежала нашей полосатой кошке Мурке.

ДИНГО И ТЮЛЯ

Я увидела цыпленка на огромной навозной куче – такой желтый крошечный комочек. Он возмущенно пищал, трепыхался и тарасился на меня своими черными, круглыми бусинками.

Место ему нашлось в старой коробке из-под обуви. Вначале он ел только вареное яичко и пшено, а потом уже и от червяков не отказывался.

Рос Тюля быстро, начал обрастать настоящими перышками и совсем не боялся огромного рыжего сетра Динго. С ним у Тюли скоро сложились добрые отношения. Когда пес лежал, развалившись на солнышке, Тюля смело забирался на него и усиленно копался в густой золотистой шерсти. Не знаю, чего он там искал, но Динго это очень нравилось, он лежал, не шевелясь и закрыв глаза от удовольствия.

Меня цыпленок обожал и ходил за мной буквально по пятам. Есть такое выражение – «Ума, как у курицы». Чем дольше я наблюдала за Тюлей, тем больше в этом сомневалась. Жили мы тогда в Средней Азии, в старом саманном бараке. Маленькая комнатка и совсем крошечные сенцы с кладовкой. Когда заходили в комнату, дверь сама потихоньку захлопывалась. Цыпленок вечно бегал за мной, и однажды я едва успела спасти от перелома его хрупкие маленькие лапки.

Увидев, как после этого Тюля стал «общаться» с дверью, очень удивилась. Когда дверь начинала закрываться, он останавливался, внимательно на нее смотрел и, если расстояние было достаточно большое, молниеносно проскакивал в комнату.

Я просто со смеху умирала, глядя, как он это проделывает.

Надо сказать, что это был не только сообразительный, но и очень смелый, даже бесстрашный цыпленок. Он абсолютно никого не боялся, даже нашу Мурку, а это была хитрая, ловкая охотница на мышей и воробьев. Вначале он прибегал к защите пса, так как Мурка когда-то выкормила и вынянчила его вместе со своим котенком. Видя, под чью опеку Тюля попал, кошка просто перестала его замечать, чему он был несказанно рад.

Со своими соплеменниками Тюля не общался, даже игнорировал их. И хотя в сарае у нас было несколько кур, он не хотел уходить из дома.

Когда Тюля достаточно подрос, я сделала ему маленький насест в кладовке, куда он торжественно удалялся, едва только смеркалось.

Как-то днем я вдруг услышала громкие, возмущенные крики своего питомца, а когда вышла на улицу – увидела, что Тюля яростно атаковал большую серую гадюку. Испуганный пес стоял в стороне, с недоумением глядя на эту сцену. Пришлось помочь моему маленькому герою, применив тяжелый текмень (тяпку).

Больше всего Тюля любил гулять со мной в небольшой роще. Когда я туда шла, удобно устраивался у меня на плече, а потом, как ребенок, резвился на зеленой траве, что-то искал, кого-то ловил, в общем, радовался.

Осенью я уезжала к дяде в Москву. Больше я Тюлю не видела.

Когда родители переехали (мой папа был военным, и переезжали они часто), мама отдала цыпленка знакомым. Это была семья переселенцев из Эстонии. Мама долго с ними переписывалась и узнала, что цыпленок вырос и превратился в чудесную курочку Рябу. И несла она яички не золотые, но очень вкусные. Вот и вся история.

ДИНГО, КИСА И ДРУГИЕ

Когда я в следующий раз приехала к родителям, они жили в Тамбовской области. Разместили их в большом деревянном доме. Кухня была огромная, в центре настоящая русская печь с лежанкой. Мама, хотя никогда с такой печкой не общалась, очень быстро научилась печь вкусные румяные хлебы. И еще, так как взяли хозяйство, пришлось ей освоить специальность доярки, ухаживать за пятью милыми овечками, сбивать масло в маслобойке, делать творог, плавленый сыр и брынзу. В общем, вести настоящее натуральное хозяйство. В 1949 году это было «кстати».

В доме была большая комната, вторая поменьше и три небольших коридорчика с выходом на крыльцо. Под окнами росли роскошные кусты сирени, и когда окна открывали, грозди цветов прямо вламывались в спальню, и пахло, как в парфюмерном магазине.

Место, где отец тогда работал (он военный строитель), было далеко от основного района, и в школу (я в тот год не уехала в Москву) ученики после четвертого класса ходили за семь километров. Нас было пять человек. Вставали в пять часов утра, было еще совсем темно, и топали в любую погоду через поле. Опаздывали на занятия редко, только когда метель мешала идти.

Природа в тех местах чудесная – леса, поля, озера. Недалеко от нашего дома был большой пруд. Мы с братом часто ходили туда ловить раков. Ловил-то он, вернее, вытаскивал их из нор под берегом, а я ходила за ним с ведром. Дома мама варила раков в большой кастрюле с укропом и солью, укладывала на блюдо, и начиналось пиршество. Ели клешни и хвосты – такой вкуснятины я больше никогда в жизни не пробовала.

В этом пруду я очень любила плавать вечером, на закате солнца. Тихо, нигде никого. Вода теплая, густая, как кисель, обволакивает тебя нежно и, кажется, держит, когда плывешь тихо, едва шевеля руками и ногами.

Однажды во время очередного купанья я вдруг заметила на воде плавающий, вернее, кружащийся на одном месте, серый шарик. Подплываю и вижу, что шарик покрыт серым пухом, имеет клювик, маленькие перепончатые лапки и даже иногда жалобно попискивает.

Тихонько стала подгонять его в сторону берега. Когда мы, наконец, выбрались, было уже совсем темно, солнце зашло, и лишь на западе виднелась узкая красноватая полоска. Свою «находку» я завязала в косынку и понесла домой. «Шарик» оказался совсем крохотным гусенком и был совершенно слепым. Наверное, таким он вылупился из яйца и отстал от выводка при первом же «походе» на воду.

Первое, что пришлось сделать – это научить его есть и пить, особенно, есть. Конечно, можно было просто совать ему еду в клюв, но мне хотелось, чтобы он делал все сам, без моей помощи. Еду клала в алюминиевую миску, стучала по ней ложкой, пригибала его головку, стучала клювом по доньшку, немного пищи попадало ему в рот. Скоро он все понял, и стоило мне постучать по чашке, гусенок спешил что-то там найти или даже поймать. Потом травку щипать научился, хотя дергал ее так сильно, что садился на землю.

В то же время мама принесла совсем маленького котенка. Динго обнаружил его под кроватью. Я испугалась, думала – проглотит. И вдруг вижу, как он осторожно лапой выталкивает что-то непонятное, похожее на изогнутый баранок с торчащими пушинками, только у «баранка» почему-то были маленькие ушки, хвостик, и шипел он, как настоящий змей Горыныч. Это было их первое знакомство. «Баранок» скоро превратился в красивую серую

кошку. Имени у нее не было. Все называли ее просто Киса. Динго, с детства привыкший к «кошачьему обществу», быстро с ней подружился. Разрешал есть из своей миски даже одновременно с ним, но и сам частенько вылизывал ее блюдце, особенно, когда находил в нем что-нибудь вкусненькое.

Киса и Тюля (гусенка я назвала так в память о Тюле-цыпленке) росли вместе с очень раннего детства и, конечно, дружили. Интересная это была компания. Я не боялась оставлять их под присмотром Динго. Он отгонял собак, если они загоняли кошку на дерево. Киса спускалась вниз и, благодарно мурлыкая, терлась о его лапы.

Гусей вообще к дому не подпускал, защищая Тюлю, лаял так, что любое гусиное «войско» с позором отступало, пятясь назад, злобно шипя и вытягивая длинные шеи.

Гусенок вырос. Теперь это был большой белый гусь. В жаркую погоду я сажала его в корзину или мешок и, сопровождаемые Динго, мы отправлялись на пруд. Воду Тюля очень любил. Начиная махать крыльями, кричать, плавал рядом со мной или вокруг меня, у берега нырял и искал чего-то на дне. Динго купался не долго, больше лазал в камышах или бегал по берегу.

Вечерами Киса и пес устраивали настоящий цирк. Коронным был номер, когда кошка засовывала голову в пасть Динго и еще лапами била его по длинному носу. Никогда он не делал ей больно. Убегая от него, Киса часто прыгала на кровать, и пес отчаянно тормозил, так как для него это была запретная зона.

Динго заболел чумой. Раньше не делали прививки против этой болезни. Нюх он не потерял, но ему парализовало лапы. Тогда я впервые увидела, как животные могут ухаживать друг за другом, помогать и лечить. Киса от него не отходила, ласкалась и все время ложилась на

больные лапы. Пес очень мучился, и отец уже решил его пристрелить, но мы всей семьей просили подождать, все еще надеялись, что он выздоровеет. И чудо произошло.

Динго уже давно ничего не ел, рядом стояла миска с мясным бульоном, на которую он даже не смотрел. Подлетела муха, села на ее край и стала подбираться к пище. Динго вдруг возмутился (надо сказать, что мух он ненавидел), зарычал, оскалил зубы и медленно пополз на защиту своей собственности. С этого дня началось выздоровление, он начал есть, ползать, а потом и на ноги встал.

Недалеко от пруда, где я нашла Тюлю, стоял не очень большой, но крепкий домик с красивыми крылечками и настоящей голубятней на крыше. Высокий забор огораживал двор, сад, несколько сараев и весь был увит плющом, вьюнком, вьющимися розочками и не знаю чем еще, но все сплелось, наверное, для того, чтоб никто не догадался, из чего он был сделан.

Хозяйство называли птичьим двором, и жила там баба Нюра. Разводила она только птиц. Это был даже не двор – это было птичье царство. Ни скота, ни кошек, ни собак – только пернатые.

Гуси, утки всех пород с утра уходили на пруд и возвращались только вечером. Куры, индюшки, голуби, а также залетные воробьи, синицы, вороны располагались в обширном дворе. Под стрехой дома лепились ласточкины гнезда, а на крыше и нескольких деревьях в саду красовались скворечники. По всему двору стояли кормушки и поилки. В сараях удобные насесты и множество гнезд для кладки яиц.

Разные истории ходили про бабу Нюру и ее питомцев. Рассказывали, как однажды индюшки наклевались ягод, которые она выбросила из бутылей, когда слила настойку.

Увидев, что пять птиц лежат бездыханные на мусорной куче, она очень расстроилась. Но, что же делать, решила хоть пух немного с них общипать, и оставила тушки в сарае. Была уже поздняя осень, ночи стояли холодные. А утром чуть не упала в обморок, когда увидела, что все пять полуобщипанных индюшек, дрожа от холода, чинно шагают к крыльцу дома на кормежку. Пришлось срочно их ликвидировать и везти на рынок.

Не ручаюсь за правдивость этой истории, зато «историю» с петухом я наблюдала собственными глазами. Петух был действительно необыкновенный – первый красавец на весь поселок. Даже описать трудно эту красоту. Грудь огненная, и каждое перышко по краю с черной отводкой, словно черное кружево на золотую ткань наброшено или кольчужка сказочной красоты. Сверху на шее горжетка из перышек красно-черных. Сам весь черно-зеленый, крылья тоже черные с зеленым отливом, а снизу желто-оранжевые. Хвост, как букет – тут уже все цвета перемешались, и пара черных перьев над этим букетом возвышается. Гребень высокий и длинная борода – ярко-красного цвета, сережки белые, а шпоры настоящие, гусарские. Голос имел громкий, утром как кукарекнет – всех соседей разбудит, и будильник не нужен. Соперников не терпел. Был во дворе еще белый петух, но красавец чуть до смерти его не забил – пришлось соседям подарить. И остался он единственным хозяином куриного гарема. После того и прозвище получил – Султан.

И вот случилось – однажды он заболел. Тогда про «птичий грипп» не слыхали, а какая-то «холера» посещала иногда птичье племя. Посоветовали бабе Нюре влить Пете в глотку немного водки с каким-то лекарством, что она и сделала.

Тут и началось представление. Все соседи собрались, хохотали до слез, особенно мужчины. Султан такие кренделя по двору выписывал, за курами гонялся, лез в драку с индюками и гусями. Потом с нескольких попыток ухитрился на забор взлететь, крыльями махал и орал во всю свою куриную глотку, пока замертво под забор не свалился. Думала баба Нюра, что конец пришел ее любимцу, ан нет – утром поднялся, ходил по двору, пошатываясь, как мужик с похмелья, потом водички попил, оклемался потихоньку, только петь долго не мог – хрипел, видно, голос сорвал.

Отца перевели на новое строительство. Опять в дорогу. Тюлю я отнесла на птичий двор, откуда он когда-то и появился. Баба Нюра обещала, что будет о нем заботиться и в обиду никому не даст. Я ей поверила. Киса осталась в доме с новыми хозяевами.

Ехали на грузовых машинах со своим нехитрым скарбом. Мебели не было, обычно нам давали казенную на новом месте жительства. Путь неблизкий, до самой Липецкой области в маленький городок Данков, что на берегу Дона.

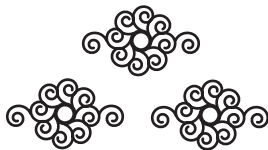
На нчлег остановились в деревне под Мичуринском. Когда слезли с машины, я не могла стоять на ногах, кружилась голова и тошнило. Здорово меня укачало и Динго тоже.

В просторной горнице теплилась лампада, посередине – длинный стол, вдоль стен – широкие деревянные лавки. Мама стала укладывать спать брата. Было жарко и душно, пахло протопленной печкой и хлебом. Вернулась во двор. Хозяйка отвела нас с Дингой в сарай, полный душистого сена, бросила на него какую-то дерюжку, на которую мы плюхнулись и моментально заснули. Прснулась я от холода и глухого рычания. Это Динго отгонял от меня большую серую жабу, которая, приняв воинственную позу, приподнявшись на все четыре лапки, не желала уступать и тарасила на него выпученные глазищи.

Пахло сеном, во все дырочки в нас стреляли солнечные стрелы. Не хотелось, но пришлось встать и отнести серую «красавицу» в дальний угол. Жаб я всегда уважала – это первые помощницы в огороде. Было еще очень рано. Пес носился по двору и старательно метил территорию. Выходило солнце, и всю росу превратило в бриллиантовую россыпь, а паутину на сарае в ожерелья из драгоценных камней.

О самом дорогом бриллианте говорят – «он чистой воды». И действительно, что может быть чище росы, ярче солнца, белее облаков, голубее неба – всей этой Божественной красоты? И что может быть прекрасней ощущения той радости, которая звенит и трепещет во всем твоём существе?! Когда тебе двенадцать, и когда впереди тебя ждут новые события, новые друзья, новые страницы самой удивительной книги, название которой – жизнь!

ВСЕ ПРО ДИКА

Знакомство

Дети давно хотели собаку. Но, зная, как тяжело держать ее в квартире, я упорно сопротивлялась. Однажды, когда вернулась из командировки, ребята встретили меня радостными криками:

– Мама, мама, а мы тебе сюрприз приготовили!

«Сюрприз» стоимостью 50 рублей застенчиво и очень неохотно выползал из-под кровати. Большие толстые лапы, непомерно длинные уши и очень озорные, блестящие черные глазки. Они как будто говорили: «Здравствуйте, доберман-пинчер, собственной персоной...» Таких в моей жизни еще не было, родословная богатая: московские заводчики, в роду элита!

- Ну, что же, посмотрим, каков ты сам и что из тебя получится.

Имя дали звонкое – Дик. Пока еще не поздно, поехали в ветлечебницу. Подрезали ушки, наложили швы. Больше двух недель берегли, носили на руках, чтобы головой особо не мотал и не содрал бинты. Швы решили снять сами. Дик отчаянно сопротивлялся. Всей семьей не могли справиться. Пришлось лапы связать полотенцем. И вот он, наш красавчик: ушки торчком, хвостик (обрезали еще в три дня от роду) пяточком – все, как положено.

Дети играли со щенком, но заботиться о нем надоело очень скоро. По возможности, пришлось делать это самой.

Дик был умный и «сообразительный мальчик», но слишком уж энергичный и шустрый. Он быстро усвоил команды «сидеть», «лежать», «голос», не брать пищу без разрешения, приносить разные вещи – «апорт», запрет

– «фу», взять – «фас», «место», «вперед», «барьер», «к ноге» и другие. Но так и не научился ходить рядом, не бросаться на кошек и не охотиться на ежей. Несмотря на ужасные колючки, он приносил их мне в своей огромной пасти, а потом отплеывался и жевал какую-то траву.

На первой же выставке, куда я с ним пошла, Дик получил малую золотую медаль. За десять лет, что он у нас прожил, с ним многое случилось. Был Дик из тех, с кем не соскучишься. Некоторые истории из этой беспокойной собачьей жизни я хочу рассказать.

Ужасный задира, он нападал часто сам. Еще на выставке мы познакомились с огромным черным догом, «соседом» из ближайшего к нам дома. Это был медлительный, толстый и неповоротливый молодой пес весом более ста килограммов. Дик сразу его невзлюбил. Очень скоро на прогулке, когда мы спустили их с поводков, он набросился на эту громадину. Хозяин дога был совершенно спокоен, а я заволновалась. Но, оказалось, совершенно напрасно. Мой «подопечный» волчком вертелся вокруг своего противника, и пока тот разворачивался, трижды успел ухватить его за зад. Мне пришлось срочно брать своего пса на поводок и уводить от обиженных соседей. Зато, когда он кинулся на взрослого матерого боксера, тот мертвой хваткой ухватил «молокососа» за шею. Пришлось разливать их водой.

Шея была еще слабовата, но в дальнейшем она так окрепла, что мои сыновья цепляли за его ошейник самодельные сани, сваренные из металлического уголка, и он носил их по микрорайону, как настоящий северный олень. А вообще, пес он был дружелюбный, и друзья у него тоже были. Например, овчарка Цезарь – собака друга моего младшего сына, с которой тот сам гулял редко, предоставляя эту «радость» своей маме. Дик с Цезарем примерно одного возраста и дружили, можно сказать, с детства.

Как-то на прогулке хозяйка Цезаря приласкала Дика. Цезарю это не понравилось, и они тут же сцепились. Женщина бросилась их разнимать, и все трое живым рычащим клубком покатались в сугроб. А когда разобрались, у хозяйки Цезаря оказалась прокушена рука. Она даже не поняла, кто из собак ее укусил.

Вот так! Дружба дружбой, а ревность и любовь – совсем не чуждые собакам чувства.

Похититель

Не знала я, что у соседей сверху появилась собака. Когда они залили потолок в нашем коридоре, и я спросила: «В чем дело?». В ответ услышала: «Наверное, Муха написала...»

Увидев эту Муху, гуляющей во дворе, я не могла удержаться от смеха – от кончика носа до кончика хвоста в этой Мухе было не более 25 сантиметров. В «собачьем царстве», как я скоро убедилась, женский пол царствовал независимо от размера. Стоило этой «мухе» визгливо тявкнуть – Дик отскакивал от нее, как ошпаренный, и, почтительно вытянувшись, замирал в сторонке, с умилением на нее взирая.

Баллонов-кобелей он просто не замечал. А если они нападали, расправлялся молниеносно и безжалостно. В основном же Дик не трогал «всякую мелочь», если она его не задевала. Но если...

Однажды зимой ребята с собакой пошли гулять в наш лесопарк. В выходные дни там было много отдыхающих и прогуливающих со своими «братьями меньшими». Впереди шла солидная пара, рядом бежал пушистый баллон, который не преминул обляять Дика. Оскорбленный, тот за ним погнался, но хозяйка, заметив большую собаку, на всякий случай взяла своего питомца на руки. Чувствуя себя в безопасности, тот еще пару раз визгливо

тявкнул. Дик спокойно побежал по соседней дорожке. И вдруг стремительно подбежал к женщине, выдернул у нее из-под мышки баллона за соблазнительно торчащий зад и понесся по сугробам, мотая псиной из стороны в сторону, как тряпкой или победным флагом. И тут такое началось! Настоящее кино...

Дик скакал, как олень, за ним неслись ребята, за ними солидная пара. Баллон визжал, хозяева вопили не своим голосом, ребята орали, пытаясь командой остановить собаку...

Когда беглеца, наконец, настигли, получилась «куча мала» в снежной каше. Хозяйка ухватила свою собаку за передние лапы, пытаясь вырвать ее из «крокодиловой» пасти похитителя, дети тоже кричали и старались оттащить этого похитителя. Крики и визг оглашали весь лес. В конце концов, баллон был спасен. Хотя и здорово помятый, он жалобно скулил, а хозяева кричали и ругались на моих мальчишек.

Винючник же этого переполоха быстренько «смылся» с места происшествия и удалился в сторону дома.

На другой день ко мне на квартиру пришла хозяйка баллона и потребовала справку о прививке против бешенства нашего пса. Она показала мне прокушенную ладонь, утверждая, что ее укусила наша собака. Посмотрев на мелкие ранки, я сразу поняла, что укусил ее собственный питомец во время освобождения. Хотелось мне сказать, что было бы с ее ручкой, попади она в пасть Дика, но я не стала спорить и показала ей требуемые документы. Вот так. Ведь она была потерпевшей стороной.

Телепат

Не хочу говорить о всех собаках или даже о тех, которых я знала, но Дик обладал удивительной способностью: он «понимал», «улавливал», «ощущал» (не знаю даже, как это назвать) те же чувства, какие испытывал в

какой-то момент находившийся с ним близкий ему человек. Хотя ни голосом, ни видом их не выражал.

Обычно, пес очень благожелательно приветствовал всех наших хороших знакомых. Как-то я обратила внимание, что одного из товарищей моего младшего сына он всегда встречает глухим рычанием.

Я поинтересовалась:

– Может, он когда-то обидел Дика?

– Нет, – ответил сын. – Но, признаться, я и сам его недолюбиваю...

Тогда мне все стало понятно: собака, словно «уловила» волны неприязни, исходившие от хозяина.

Помню, знакомый пригласил нас «по грибы» к себе в деревню, на Брянщину. Машиной он никогда туда не ездил, и скоро мы поняли, что дорогу туда он толком не знает.

Ехали долго. Под колесами сплошной песок. На одной из песчаных горок машина села на нее брюхом, и колеса беспомощно завертелись в воздухе. Я вышла прогуляться, а мужчины начали усиленно выгребать песок из-под машины. Дик погулял со мной, а потом вернулся к хозяину. Оглянувшись, я увидела замечательную картину: из-под машины торчали два мужских и один собачий зад с обрубком хвоста. Песок летел в разные стороны, особенно старался Дик, и у него это неплохо получалось. Скоро машина встала колесами на землю, и мы, наконец, поехали дальше. Уже смеркалось. Вдруг я заметила бегущую недалеко от машины пару волков. Окна были закрыты, и Дик не учуял опасного соседства, иначе не знаю, чем бы это кончилось.

Наш «Сусанин» указывал то одно, то другое направление, и муж молча и терпеливо вел машину. Дик сидел на переднем сиденье между мужчинами. Вдруг он начал рычать и даже скалить зубы. Пришлось мне пересадить его

к себе, а потом даже надеть ему намордник. Стало совсем темно, и скоро мы поняли, что ездим кругами, что окончательно заблудились. Ночевали в лесу и только утром нашли эту злополучную деревню.

Когда возвращались домой, я спросила у мужа:

– Что случилось с собакой?

– Не знаю...

Но когда терпение мое кончалось и внутри поднимался гнев, Дик начинал рычать. Молчание его не обманывало, он чувствовал, как я злюсь.

Может, вы не поверите, но некоторые несложные команды можно было давать ему мысленно: пристально на него смотреть и самому очень хорошо представить, чего ты от него хочешь? У меня это иногда получалось.

Когда мы с детьми гуляли в лесу, то часто играли в прятки. Главным «искальщиком» был Дик. Кто-то один прятался, а остальные давали команду: «Ищи!» Обычно, поиск был недолгим, уже через несколько минут раздавался громкий лай: «Нашел!»

Как-то раз, когда Дик меня обнаружил, я приложила палец к губам и мысленно послала его «прочь, назад». Он замер, долго смотрел на меня, потом убежал. Так повторилось дважды. В третий раз пес тихо подкрался сзади и, быстро сдернув с моей головы косынку, умчался к детям.

Через короткое время послышались их возмущенные крики:

– Мама! Это нечестно!..

Потом мы все смеялись, а Дик радостно лаял и прыгал.

Ребята научили его снимать с головы шапки, и однажды, стаскивая с меня платок (так как шапки на голове не оказалось), чуть не снял вместе с ним мой скальп. Я, конечно, обиделась, и он долго ходил за мной с опущенной головой, прося прощение. Пришлось отучать его от этой нехорошей привычки.

Кошки – злейшие его враги

Итак: с кобелями Дик сражался, «дам» обожал, на ежей охотился, кошек ненавидел и преследовал всегда и везде. И вообще, кошки – это злейшие враги. Утром, на прогулке, стоило ему увидеть кошку, он бросался за ней в погоню. Я летела сзади на поводке, как бабочка на ниточке, так как вес у него был почти семьдесят килограммов, а у меня чуть больше пятидесяти.

Как-то друг мужа Слава засиделся у нас допоздна, и провожать его он пошел вместе с Диком. Подходят к подъезду дома, и вдруг откуда-то выскакивает кошка. Дик, конечно же, ее схватил, а друг, конечно же, бросился ее спасать. Пока он вытаскивал кошку из собачьей пасти, та в благодарность ободрала и искусала ему все руки. Взбежав прыжками на третий этаж, Слава стал барабанить в дверь соседям, и когда испуганная женщина ее открыла, ворвался в комнату и заорал:

– Мочи мне! Мочи скорее!..

У соседки было четверо маленьких ребятишек, и они быстро наполнили горшок, куда он опустил свои окровавленные руки. Надо сказать, что все обошлось благополучно, и уже через три дня раны на руках начали затягиваться, зажили быстро и хорошо.

Кошки, кошки... В конце концов, какая-то из них повредила Дикю глаз, и до конца жизни он остался с бельмом.

Дик и еж

Я уже упоминала, что Дик любил поохотиться на ежей. Весной, когда они только вылезали из своих зимних убежищ, еще полусонные и медлительные, охота была особенно удачной. Я всегда отказывалась принимать эту «добычу» и с большим трудом заставляла его оставить ее в покое. Он же снова ловил отпущенного «пленника» и, догнав меня, тыкал колючим шаром в мои ноги.

Поэтому, когда в «домашнем зоопарке» (иначе нашу квартиру и не назовешь) появился ежик, я очень забеспокоилась, как он уживется с собакой? Но, как ни странно, к этому «домашнему ежу» Дик отнесся довольно равнодушно, только рычал, когда тот пытался к нему приблизиться, и отходил в сторону.

Ежик был молодой, очень забавный и почему-то никого не боялся. Если я что-то делала на полу, сидя на маленькой скамейке, он обнюхивал мои ноги, руки или овощи, если я их чистила, и очень смешно фыркал. Даже когда я переворачивала его на спинку, он не сворачивался, а махал своими короткими лапками, стремясь принять прежнее положение. Днем он, в основном, спал. Зато ночью носился по квартире, стучал по полу острыми коготками и иногда урчал, когда пил воду или молоко, которое я оставляла ему в миске.

Мой младший сын возмутился:

– Мама, какой толк от этого ежа? Днем, когда я играю, он спит. Ночью, когда я сплю, он бегает, а утром мне приходится за ним убирать.

Однажды ежик исчез. Иногда он забирался в коробку из-под обуви и зарывался в клочки старой пожелтевшей бумаги. Коробка стояла на краю нашего открытого балкона с редкими перилами. То ли еж сам ее опрокинул, то ли Дик ее подтолкнул и помог ежику «катапультироваться» – не знаю. Жили мы на втором этаже, внизу земля мягкая и трава. Думаю, что «приземление» было благополучным.

Дик-гаишник

Гаражи, гаражи... Это самые любимые места наших мужчин, после диванов. Там они проводят большую часть своего свободного времени. В этот вечер Дик удостоился чести посетить эту «священную мужскую обитель» – хо-

зяин, забежав после работы домой, взял его с собой. Рядом с гаражами был овраг и большое поле, где пес мог вволю носиться и гонять сусликов.

Напротив нашего гаража сосед трудился, заканчивая ремонт своего мотоцикла с коляской, на котором собирался утром ехать на юг отдыхать. Когда завершающий лоск был наведен, шел второй час ночи, и он предложил моему супругу подвезти его до дома – мы и там были соседями.

Будучи очень высокого роста, тот с неохотой, но все же согласился, с трудом втиснувшись в коляску. «Сложился» вдвое: колени к подбородку, в руках – оставшаяся не выпитой бутылка пива. Ехали медленно по пустынным улицам. Дик бежал рядом.

Вдруг из переулка выскакивает микроавтобус и поддает под зад почти проехавшему мотоциклу. Дик успел отскочить и приземлился на газон на все четыре лапы. Сосед, пролетев приличное расстояние, врезался головой в ближайшее дерево и на время отключился. Муж, сделав из коляски «кульбит» и благополучно приземлившись, продолжал движение по дороге на животе, крепко держа в руках бутылку с пивом. Мотоцикл кувыркался вслед за ним, грозя накрыть его всей своей железной массой.

Слава Богу, этого не случилось. В конце концов, движение и грохот прекратились, и на мгновение все замерли, как в остановившемся кадре немого кино. Госавтоинспекция, как всегда, появилась быстро, несмотря на позднее время. Начали измерять какие-то расстояния, осматривать следы и т.д. и т.п. Мужчины ничего не могли объяснить толком. Они не рассмотрели, кто их толкнул и куда уехал. И тут послышался яростный лай. Дик облаивал маленький автобус «Нюшу», который стоял недалеко от места аварии, под тенью деревьев.

Когда «гаишники» подошли и открыли дверцу, оттуда просто вывалился шофер. Он был настолько пьян, что не мог слова вымолвить.

Дик с хозяином явились домой уже утром. Пес смотрел победителем, а хозяин держался за свой живот, который находился в плачевном состоянии после «прогулки» по асфальту. А вот бутылка с пивом почти не пострадала, если не считать, что половина содержимого сквозь пробку вылилось на дорогу.

Дик-сторож

Замок был «самозакрывающимся». Частенько дети, уходя в школу, недостаточно сильно хлопали дверью, и она оставалась открытой. Я особенно не беспокоилась. Если кто и входил в квартиру, обратно Дик никого не выпускал. Он не лаял, а молча ложился у порога.

Как-то раз муж, собираясь на партсобрание, заехал домой переодеться и побриться. Открывает дверь в ванную (у нас туалет с ванной был совмещенный), а там на унитазе сидит испуганная молодая цыганочка. Мой благоверный просто обалдел от неожиданности:

– Что вы тут делаете?

– Да вот... Дверь была открыта. Я зашла на кухню, а из комнаты – собака... Я сюда и спряталась, сижу...

Муж освободил «пленницу», предварительно осмотрев ее сумку. Думаю, с тех пор она не так смело заходит в открытые двери.

Он ушел навсегда

Начало весны... «Собачьи свадьбы». И, конечно, Дик во главе «свиты», сопровождающей «невесту». Выбор за ней, и любой, пытающийся приблизиться против ее воли, тут же наказывается соперниками. И, конечно, она выбрала его. А как же иначе? Ведь он был самый сильный, самый красивый, самый нежный и вообще – самый, самый, самый...

И вот счастливая парочка уже мчится в сторону леса по первой травке, по последнему снегу, по холодным весенним лужам. Первую ночь меня не волновало его отсутствие, не первый раз такое происходило. Когда он не вернулся на следующий день, я забеспокоилась. Вторую и третью ночь уже не спала. Занималась на кухне какими-то делами, оставив приоткрытой находящуюся напротив входную дверь. В третьем часу ночи она начала медленно открываться, и вполз Дик.

Он лежал на полу весь окровавленный, изо рта сочилась сукровица. Я налила в миску холодной воды, приподняла его голову, и он начал пить. Поняла, что бешенства нет. У него явно было повреждено горло – глотал он с большим трудом. На груди, голове, боках и передних лапах – множество колотых ран. Промыла их, смазала йодом.

Утром вернулся с завода муж, и мы повезли Дика в ветлечебницу. Он пробыл там десять дней. Ездили к нему ежедневно, привозили жидкую пищу, кормили, помогали врачу делать уколы и уговаривали потерпеть. Он смотрел на нас грустными глазами, он не хотел оставаться здесь, в этой страшной железной клетке. Когда уезжали и подъезжали к лечебнице, слышали его возмущенный и одновременно жалобный вой.

Наконец, он дома. Долечивала его сама. Много позже я узнала от знакомого лесника, что же случилось с Диком. В нашем лесу было много лосей и особенно диких кабанов. Ходят они, обычно, семьями и очень агрессивны. Видно, Дик со своей «подружкой» столкнулся с такой семейкой. Пес он был задиристый и смелый, отступать не любил, сражался до последнего. Лесник – свидетель этой битвы, конца ее не видел, так как был не вооружен, а встретиться с разъяренным хряком, конечно же, не отважился.

Дик выздоравливал, но я чувствовала: что-то с ним не так. Периодически на хрящевой части носа, в местах проколов, появлялись шишки, которые лопались сами или приходилось их вскрывать.

Следующей весной я попала в больницу с производственной травмой. Сшивали поврежденную артерию на виске. Пролежала около месяца. Когда дети меня навещали, передавала Дику «гостинцы». Собирали всей палатой остатки колбасы и другую вкуснятину.

Как-то сын мне говорит:

– Мама, ничего не нужно, мы тебе не говорили, но Дик уже неделю, как исчез.

Муж поехал с другом в деревню и взял его с собой погулять. Был сильный гололед, машина на пригорке забуксовала, вышли, стали ее толкать, а пес побежал в лес. Больше они его не видели. Искали, звали, три дня приезжали на это место, но все напрасно.

Прошло почти два года. Я все еще надеялась, а вдруг вернется... Иногда видела его во сне – пришел, нашелся, здоровый, веселый, как раньше... Однажды, когда рассказала очередной свой сон, муж сказал:

– Не жди, не придет он... Я нашел его через год после исчезновения, вернее, то, что от него осталось. Лежал на пригорке в лесу, я даже ошейник не стал брать, чтобы тебя не расстраивать, думал, ты быстрее забудешь...

Верный, преданный друг! Наверное, он тоже не хотел всех нас огорчать, потому и ушел умирать в лес... А может, хотел сам полечиться травой? Но ее еще не было, весна только начиналась. Не знаем мы, почему... И теперь уже не узнаем.

Он ушел... Ушел навсегда. Дику было десять лет. Говорят, что доберманы живут не долго. Я думаю, он прожил бы еще немало, если бы не вступил в единоборство с этой «свинячьей бандой».

СЛАДКАЯ ПАРОЧКА

Попугаев привезли с Кубы мои сослуживцы, которые работали там в течение двух лет. Это были белоголовые кубинские амазоны. Размером немного больше голубя, с мощным клювом, способным перекусить карандаш. На головке белоснежная шапочка, розово-алая грудь, сами изумрудно-зеленые, низ крыльев голубой, а в хвосте красные, желтые, голубые и зеленые перья – красота необыкновенная!

Имена у этих «иностранцев» были довольно русские – Боря и Сильва. Держать птиц было негде, и начались их скитания по знакомым. Сильва сразу подружилась с новыми хозяевами, тем более, что это было женское общество. Вот только имя Сильва никому не понравилось, и она получила новое – Марго, ласково – Маргуша, к которому быстро привыкла.

Мой муж давно мечтал купить больших попугаев, и когда я попросила свою сослуживицу продать мне Сильву-Маргушу, она сразу согласилась.

А Боря, пока поселился у нас, сменил восемь хозяев. Дело в том, что он обожал мужчин и терпеть не мог женщин. Каждое его проживание в квартире кончалось моральной, а главное, физической травмой хозяйки, после чего он переселялся к очередному хозяину. Предпоследним хозяином оказалась пожилая одинокая женщина. Там он задержался немного дольше.

– Не хочет он со мной дружить, - жаловалась она. – Все время выбирает момент, чтобы напасть и клюнуть. Кормлю его в толстых кожаных перчатках.

Однажды к ней в квартиру пришли двое мужчин, водопроводчики. Когда попугай их увидел, с ним началось

что-то невообразимое. Он кричал, махал крыльями, бился грудью о клетку, пока не свалился на дно почти без сознания. Боря определенно был «голубой».

После этого случая мои друзья, которые собирались ехать работать на Север, предложили мне забрать его для компании с Маргушей. А Маргуша к тому времени уже жила у нас. В отличие от Бори она уж точно была «розовой» – лесбиянкой. Признавала и любила только меня. Мой муж, сыновья и все их приятели ходили с «прокушенными пальчиками», которые совали в клетку, чтобы почесать покорно склоненную шейку красивой, но очень коварной птички.

Странная это была парочка. В энциклопедии я прочла, что эти попугаи живут очень долго, и пары у них складываются на всю жизнь. Боре было уже за 60 лет и он в свое время, по-видимому, имел пару. Маргуше было не более двух-трех лет – совсем еще «девочка». Он такой степенный, медлительный, после еды любил подремать на своем «насесте». Она – шустрая, шаловливая, как ребенок, кувыркалась на палке, лазала по всей большой клетке и болтала, так как слов знала довольно много.

Первое время Маргуша остерегалась своего сильного соседа и особенно ему не докучала. Когда через пару лет она повзрослела и окрепла, для него настала «трудная» беспокойная жизнь. Чего она только над ним не вытворяла! Иногда, обманутый ее спокойным видом, он наклонял шею, чтобы она ее почесала. Марго вытягивала когтистую лапку, несколько раз спокойно проводила по перышкам, а потом так сильно ударяла клювом по голове, что Боря падал с насеста. А Марго, сжав «пальцы», грозилась кулачком и при этом так кричала, что приходилось ее уговаривать,

не делать этого. Или, раскачиваясь на одной ноге, била своего соседа в брюшко.

Насесты у них были напротив, на одном они не сидели. Бывало, Маргуша нисходила до того, чтобы попросить Борю почесать ей шейку, и он делал это с большим удовольствием. Чаще она сама себя обслуживала: зажимала в кулак палочку или спичку и начесывала свою голову, спину и все, что хотелось. Очень интересно было на это смотреть.

Кушали они, держа все в одной лапке. Жаль, что не было у меня фотокамеры или хотя бы фотоаппарата, чтобы заснять эти сценки.

Даже купались они по-разному. Большая миска с водой служила бассейном, куда Марго залезала и усердно полоускала свои «штаны» и мыла голову. Боря предпочитал душ, и мы брызгали на него из брызгалки, чего соседка его терпеть не могла. Она кричала и старалась найти местечко, куда не долетали брызги. Потому муж брал Борю, сажал в ванну и устраивал ему «тропический ливень» из душа.

В отличие от соседа-домоседа Маргуша обожала путешествовать по квартире. Летала по всем комнатам, «охотилась» за моими мальчишками. Когда это получалось, старший кричал младшему: «Воздух!» И ребята дружно ныряли под одеяло. Издавая ликующие крики, Маргуша победоносно расхаживала по одеялу, пока что-то или кто-то не отвлекал ее внимания.

Ловили птичку в отцовских кожаных перчатках и защищались шваброй, на которую она, в конце концов, садилась, и тогда ее торжественно водворяли в клетку. Если это не удавалось, выскакивали из квартиры, и оставшись одна, Марго устраивала настоящий погром.

На балкон вылетала, чтобы походить по натянутым там веревкам и передразнивать играющих во дворе ребят. Когда дети звали кого-то из родителей – «мама», «папа» – она кричала это еще громче. А свистеть научилась от рабочих, которые строили напротив девятиэтажный дом. Да так пронзительно, как боцман на корабле.

Когда ребята дразнили ее (мы жили на втором этаже), кричала свое неизменное – «попка дурак». Возвратить ее в клетку было непросто, и если дети уходили в школу, оставив «хулиганку» на свободе, я приходя с работы, заставала там полный беспорядок. Оставленные на столе ложки, ножи, вилки – все это она сбрасывала на пол. Хлеб в хлебнице крошила на кусочки. На наволочках и рубашках ломала или отрывала пуговицы (клюв у этих попугаев очень сильный), грызла карандаши, «читала» газеты и книги. Как-то ухитрилась затащить в кухню оставленный в комнате на полу утюг, прокусить провод и испортить вилку.

Однажды мне на работу позвонил сын и сообщил «приятную новость» – Маргуша улетела с балкона и летает по микрорайону. По чистой случайности «приземлилась» она на балкон моей подруги и до моего и ее прихода успела там подстричь все цветы и растрепать веник.

В выходные дни, когда обедали всей семьей, Марго обязательно забиралась на стол. Ухитрялась стащить у кого-нибудь с тарелки кусок мяса, колбасы или яичницы (это были ее любимые лакомства), или засовывала голову в чашку, чтобы допить остатки кофе. Если в такой момент ее окликали по имени, она издавала такие звуки, что все мы покатывались со смеху.

Меня Марго очень любила. Могла часами сидеть на плече, пока я готовила или занималась другими делами. Перебирала своим клювом волосы тна моей голове, нежно

щипала за ухо, трогала его длинным, круглым, как трубочка, язычком и что-нибудь тихонько «говорила», вернее, бормотала непонятные слова. Вот такая она была – «королева Марго».

Когда Боря только появился у нас в квартире, муж был в командировке, ребята в пионерском лагере, и ему пришлось довольствоваться моим обществом. Нужно сказать, что вел он себя довольно мирно. Даже залезал мне на плечо и тихонько трогал за ухо, брал пищу из рук. Но, зная его повадки, я ждала, что в любой момент он может проделать мне вторую дырку для сережки, и очень боялась. Потом успокоилась, решив, что не похожа на его прежних хозяек, раз он снизошел до дружбы со мной – о чем скоро пожалела.

Вернувшийся из поездки муж, нарушил нашу идиллию. Боря несказанно обрадовался появлению в доме мужчины. Ходил вокруг него кругами, залезал на плечо, что-то бормотал и хохотал, как человек. Не кричал, не свистел и даже не смеялся, а именно хохотал очень громко. Это было единственное, что он умел делать. Хотя нет, иногда выкрикивал какое-то иностранное слово, но что оно означало, мы не знали, а он прибыл с Кубы без переводчика.

Как-то вечером я любезно протянула ему ягодку клубники, и он тут же прокусил мне палец. Я поняла, что наши дружеские отношения закончились. Боря радовался, обретя хозяина-мужчину. Но радость была недолгой. Вскоре муж уехал работать в другую страну надолго. Боря загрустил, а потом заболел. Плохо ел и не мог удержаться на насесте, падал. В ветлечебнице ничего не знали о болезнях птиц, и я обратилась за помощью к голубятникам. О причинах болезни они тоже были не в курсе, но сказали:

– Раз не может сидеть на насесте, это уже конец.

Я не знала, как ему помочь. И тут началось что-то удивительное. За Борей начала ухаживать Маргуша. Она его кормила, отрывая пищу, как делают некоторые пернатые, когда кормят птенцов. И даже делала массаж – тихонько щипала клювом ножки, особенно на суставах. Только ничего уже не помогло. Скоро Бори не стало.

Дети очень о нем жалели, завернули в кусок ткани и похоронили, даже не взяли ни одного его красивого перышка. У нас было много перьев, которые они сами теряли, уже накопилось на целый индейский убор.

Кроме амазонов у нас жили еще две пары маленьких певчих попугаев и парочка неразлучников. Певчие (не знаю, почему их так называли) никогда не пели, зато громко кричали и вечно ссорились из-за домика. В клетке он был один, и когда самки собирались завести птенцов, и одна из них его занимала, вторая вытаскивала ее оттуда за хвост. Потом история повторялась. Второй домик мои мужчины так и не построили, и поэтому птенцов попугайчики ни разу не высидели.

Клетка с попугаями висела высоко, и полетать их выпускали редко, когда Марго находилась в своих апартаментах, иначе от птичек летели бы пух и перья.

Клетка неразлучников стояла у ребят в комнате. Зеленые с красными головками, они вечно сидели рядышком на жердочке и ничего не делали. Маргуша иногда залезала на верх их клетки и почему-то грозила им кулачком. Нашу собаку добермана Дика она не задевала, и когда проходила мимо коврика, на котором он лежал, только кокетливо повернув головку, косилась на него своим единственным глазом. Я забыла сказать, что один глаз у нее не видел, видно, от рождения.

Дик ко всей живности, которая находилась в нашей квартире – хомяки, ежи, птицы, рыбки – относился очень лояльно, никогда никого не обидел. Он кошек не любил, а их у нас не было.

Марго уехала с нами в Белоруссию. Она умерла через 20 лет. Боря прожил у нас недолго, а Маргуша – больше сорока лет. Чудесная была птичка, мы все очень ее любили.

В книгах о попугаях написано, что они, как и большинство птиц, редко болеют, а если это случается, обычно, погибают. Не знаю, что случилось с нашими питомцами. Может, они умерли просто от старости. Ведь мы точно не знали, сколько им было лет, когда их привезли.

ТИГРА

«Век живи, век учись и дураком помрешь». Очень верно сказано.

Брат с женой уехали в санаторий, а меня на хозяйстве оставили. Я к ним погостить приехала. Хозяйство небольшое – песцы в клетках да куры. Предупредили меня, что петух очень злой, на всех кидается. В курятник с палкой ходила, оборонялась от него.

Весна приближалась, природа пробуждалась и чувства обострялись. Перелетел через забор соседский петух (своих кур что ли мало?). Наш Султан, конечно, возмутился, и началось сражение не на жизнь, а на смерть.

Подтаяла уже земля – хоть и Сибирь, а солнышко горячее. Оба петуха в грязи, в крови, орут. Взяла я дрын хороший и бросилась их разнимать. А они сиганули через забор и скрылись в неизвестном направлении. Очень я расстроилась. Что хозяевам скажу?

Когда вернулись, извинилась:

– Не уследила, петух ваш сбежал.

Невестка говорит:

– Ну, и что? Невелика потеря.

– Так куры теперь нестись не будут.

– Это почему?

– Кто же их топтать будет?

– А при чем здесь петух? Яйца нести они все равно будут, только без зародыша. Цыплят из них не получится.

Сижу я с открытым ртом, а брат с женой смеются:

– Ты что, до таких лет дожила и не знала об этом?

– Не знала, и что тут смешного? Я хоть и в возрасте, а городская девочка.

Зато еще девчонкой я узнала, что иногда рождаются животные с «криминальным талантом». Сейчас расскажу.

Заканчивала я уже десятый класс. Подарила мне одна знакомая маленького котенка.

– Принесла наша Мурка всего двоих. Котика себе оставили, а кошечку возьми, не топить же ее.

Согласилась, хотя не очень уважала кошачье племя, собак люблю.

Расцветка у котенка очень интересная – полоска белая, полоска темно-рыжая. Настоящий тигренок. Так и назвала – Тигра.

Характер свой эта зверушка сразу показала. Спать со мной напросилась, и не в ногах ложилась, а на подушку. Носом мне в шею уткнется и спит. Однажды вцепилась когтями, видно, пульс почувствовала. Хорошо еще, что очень маленькая была, только поцарапала. Больше ночью к себе в комнату ее не пускала.

Устроила ей гнездышко в кухне у батареи. Утром прихожу – нет котенка. Всю квартиру обыскала, не нашла.

Пошла к знакомой в соседний подъезд:

– Пропал у меня твой подарок.

Рассказала ей все, она говорит:

– Загляни в кухонный стол, где у вас кастрюли стоят. Мы стелили им что-нибудь теплое в старой плоской кастрюле, там они и спали.

Пришла домой – точно, дрыхнет в кастрюле. Даже когда выросла, тоже иногда там спала.

Талант ее криминальный начал с детства проявляться. Вначале таскала из собачьей миски. Собака у нас была охотничья. Пес он благородный и, как «даме», прощал ей эти шалости.

Подросла, начала по столу и плите шарить, крышки сдвигать – ничего оставить нельзя.

Отопление в доме было печное. Еду готовили на электроплитке. Поставила я как-то бульон варить, сама пошла в комнату убираться. Вернулась на кухню и вижу: один кусок мяса уже на полу лежит, а за вторым Тигра охотится. Сидит рядом с плиткой, в кастрюлю заглядывает – когда кусок из воды покажется. Вода-то уже кипит. Вот это да!

Совсем обнаглела. Больше всего меня возмущало то, что не голодная она была, украденное просто бросала или прятала.

В конце концов, отец вышвырнул ее на лестницу и сказал: – Чтобы эту тварь я больше в квартире не видел!

Дом, где мы жили, был двухэтажный с очень хорошим чердаком и железной крышей. Белье там сушили, а я и грибы сушила, отлично сохли. Там я Тигру и поселила. В поломанную корзину старое одеяло положила, две миски поставила:

– Живи теперь здесь, подруга. Мышей лови. Еду и воду приносить буду.

Странная это была кошка. Мышей и птиц, как другие, она не ловила, а только искала, где бы чего стащить. За мной бегала, как собака. Иду на речку, и она следом. Я в воду, а она по берегу носится и орет, особенно, если дождь идет.

Обычно мы с подругой в дождь, одежду спрячем, и сами в воду, даже в грозу. А ведь учили в школе, что вода хороший проводник, и молния в воду ударить может. Но не думали об этом.

Я вообще грозы не боялась, пока у нас на глазах маму моей подруги не убило молнией. Около речки огорода были, бежала она по полю с ведром в руке к шалашу от дождя спрятаться, молния в ведро и ударила.

Не любила Тигра и воду, и дождь, а не уходила с берега без меня.

Вечером в парк на танцплощадку тоже рядом – у ноги, как собачка, и хвост трубой. Стоит кому-то подойти и пригласить на танец – кидается, кусает, царапает. Ко мне стали бояться подходить, когда она рядом. Пришлось вечером закрывать ее на чердаке. Квартира наша на втором этаже. Выхожу, она уже караулит. Иду, вроде мне на чердак нужно, она за мной. Тут я двери на замок и закрывала.

Приходила с танцев поздно, вернее, очень рано. Выпускаю ее, а Тигра под ноги кидается, не хочет отпускать, просит, чтобы поиграла с ней.

Она очень высоко прыгала. Возьму что-нибудь в руку, держу на уровне плеча, допрыгнет и достанет. Могла и принести брошенный предмет.

Воровать продолжала регулярно, все на нее жаловались. Раньше холодильников не было. Начинались холода – вывешивали продукты в сетке за окошко. Вот уже Тигре раздолье!

И вдруг пропала моя разбойница. Стала расспрашивать – ее многие в районе знали. Рассказали ребята:

– Видели, какой-то мужик в реку ее бросил в мешке.

– И что?

– Мешок, видно, не завязан был, выбралась. Течением ее на другой берег вынесло.

Больше Тигра никто не видел в заводском поселке. Говорят, что кошки больше привязаны к дому, чем к хозяевам. Может, Тигра нашла свой дом на другом берегу, а возможно, поплатилась жизнью за свое пагубное пристрастие.

Уже будучи бабушкой, когда мы с внучкой смотрели выступление Куклачева, мне вспомнилась Тигра, и я подумала, что попади она в этот «театр кошек», из нее получилась бы гениальная актриса, хотя и с криминальным талантом.

БАРИК

Жизнь щедра ко мне. Она посылает мне встречи с замечательными людьми. Вот Михаил Григорьевич Батурин, наш старший прораб. Внешность у него бурятская – круглое загорелое лицо, глаза восточные, волосы еще темные, но виски седые возраст выдают.

Спокойствие тоже восточное, и только фигура и какая-то основательность во всех поступках и рассуждениях говорят о том, что есть в роду кровь русская, сибирская. Много видел, много знает, много чего в жизни построил. В Монголии долго работал. Степи там, раздолье – строй только.

И строили поселки большие, а в них все, что для жизни нужно – магазины, клубы, бани. Михаил Григорьевич вдруг заулыбался. Вспомнил, как жители, когда поселились, все вместе мыться в одно отделение бани пошли – и мужчины, и женщины, и дети. Пришлось разьяснять. Ведь они раньше в юртах жили и многого не знали, не видели.

А как-то субботник у нас был. Присели с ним в обед отдохнуть да перекусить. Пожаловалась я ему:

– Голова у меня, Михаил Григорич, как-то не так устроена.

– И что с ней не так?

– Без конца в ней мысли крутятся, и сны всю ночь снятся. Устаю я от этих дум.

– Есть от этого лекарство хорошее, я сам им все время пользуюсь.

– Какое?

– Заведи себе аквариум с рыбками.

– Аквариум?!

– Да, да. И с рыбками. Посиди около него, посмотри минимум минут двадцать-тридцать. А потом вспомни, о чем ты в это время думала.

– Что? Ни о чем?

– Вот именно – ни о чем. Отдыхали твои мозги. Я, как с работы прихожу, сразу к рыбкам и отключаюсь. После и усталость меньше, и какое-то спокойствие приходит. Ты попробуй.

Завела я аквариум. Только позже. Была у меня уже и квартира, и муж, и дети, и дача, и работа беспокойная. Советом своего бывшего прораба воспользовалась. И что бы вы думали – помогло!

Аквариумов было даже два. Один очень большой, в нем разные рыбы. И небольшой, круглый, специально для вуалехвостов. Приходилось их отдельно держать, иначе рыба публика хвосты им здорово обрывала, вся краса пропадала.

В большом «водоеме» публика у меня была очень разнообразная: сомы (по дну все ползали), мокроподоы, гурами жемчужные, меченосцы, кардиналы, гупешки, данюшки полосатенькие (их еще называют дамский чулочек), стайковые рыбки, неоновые и любимые мои барбусы. Всякие: вишневые, суматранские, с черными и жемчужными полосками, огненные.

Считают рыб немыми, глухими, бесчувственными, глупыми. Далеко это не так. Понаблюдайте за ними подольше и повнимательнее – сами убедитесь.

Подружилась я с одним барбусенком огненным, даже назвала его Барик. Их было несколько такой породы, но он очень выделялся. Шустрый, со всеми заигрывает, за гупешками гоняется – у них хвостики тоже волнистые, длинные. Кормить начнешь – он первый у кормушки.

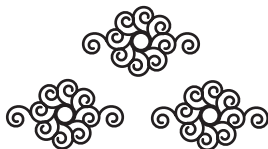
Сижу я, смотрю на них каждый день после работы. Видно заметил меня. Стал подплывать к самой стенке, рот открывает, словно говорит, только не слышно.

Ладонь к стеклу приложила – сперва отплыл, потом с разбега, вернее, с расплыва (рыбы ведь плавают, а не бегают) – тюк, прямо в стенку. И так каждый раз. Увидел – подплыл, «поговорил», в ладошку потолкался и плавает у стенки, пока не уйду. Такой милашка!

Погиб он у меня. Расстроилась до слез. Всех огненных барбусов знакомым раздала, чтобы не напоминали о нем, они ведь не такие.

Случилось это, когда ремонт начала в комнате. Рыбок переселила в другую емкость, на кухне поставила. Дверь в комнату плотно закрывала. Не помогло. Краска ацетоновая, сохнет быстро, но запах...

Погибло несколько рыбок, и он первый. Наверное, как и у людей, лучшие чаще первыми уходят. Такая вот история.

ИТОН

Все было необычным: наша первая встреча, моя новая жизнь в этом далеком сибирском городке, да и сам городок Усолье Сибирское был не совсем обычным. Деревянные домики, покосившиеся в разные стороны, как пьяные мужички, высокие деревянные заборы, деревянные тротуары с прогнившими и проломленными досками, небольшой клуб, магазин и библиотека – тоже деревянные. И ничего удивительного, ведь кругом тайга.

Стоит Усолье на берегу красавицы Ангары, что сбежала от Байкала к могучему Енисею. Стремительная, гордая, непокорная река, чтоб остановить ее, мороз нужен трескучий и не меньше минус сорок градусов, да не один день, а то долго будет «ползти», сердито шурша шугой – густой ледяной кашей.

Земля Усольская и та необычная – слой тонкий, а под ним пласты соли каменной, да еще мерзлота вечная. Место ссыльное, здесь даже декабристы работали, на старом соляном заводе, следы которого сохранились на берегу реки.

Морозы зимой до минус пятьдесят. Холодно, можно сказать, девять месяцев в году, зато лето, хоть и короткое, но очень жаркое. Строить в этих местах тяжело, но строили: новый солевыварочный завод, химический комбинат, жилые кварталы, расширили старый соляной курорт.

После защиты диплома я получила направление на эту стройку и прикатила сюда из Ленинграда в декабре месяце в коротких меховых сапожках. Пока мне на работе достали валенки, а это, поверьте, не просто было сделать, думала, что в сосульку превращусь, и построят здесь все без моего участия. Но валенки раздобыли, и моя новая жизнь началась.

Транспорт один – старые разбитые автобусы. Кольцо на окраине городка, здесь небольшая площадь и большой, недавно построенный магазин. До новых домов, где мне дали жилье, нужно пройти еще незастроенный пустырь. Идти в одиночку по нему совсем небезопасно. Вокруг Усолья полно лагерей, жить и работать можно без прописки, много ссыльных, расконвоированных, и кого тут только нет.

Приехал ко мне в гости из Иркутска брат с товарищем. По дороге к моему дому их остановили пятеро мужчин... Наутро брат оказался в больнице, другу тоже прилично досталось. На мою сослуживицу, когда она пошла вечером в магазин за молоком для маленькой дочки, напал мужчина, и она чудом осталась жива, хотя пострадала очень сильно.

Однажды летом я задержалась на работе. Когда доехали до конечной, автобус был почти пустой. Вышедшие со мной пассажиры направились в магазин, работал он допоздна. Уже стемнело, но я спешила домой и решила не ждать попутчиков, быстро пошла по тропинке в сторону микрорайона. Не прошла и четверти пути, как увидела людей, идущих мне навстречу. Еще минута, и передо мной преграда из троих здоровенных парней. Стоят, ухмыляются. Я просто окаменела от страха. Что случилось потом, толком и сама не могла объяснить. Когда сбросила босоножки на высоких каблуках и рванула кнопки на своей узенькой юбке, глаза моих «ухажеров» от удивления полезли на лоб, а я бросилась бежать назад к магазину с такой скоростью, что, наверное, побила все спринтерские мировые рекорды. Опомнившись, тройка бросилась за мной.

Остановка была уже близко, но и преследователи буквально наступали мне на пятки. Вдруг из темноты, от небольшого дома, что стоял на краю площади, выскочила

огромная собака. Оскаленная пасть, сверкающие глаза и вздыбленная шерсть не предвещали ничего хорошего моим обидчикам. Они остановились. Этого было достаточно, чтобы оказаться у спасительных дверей магазина. Немного придя в себя, я быстро набросила юбку, которую, оказывается, держала в судорожно сжатой руке, и вошла в магазин. Вышла я оттуда уже с целой компанией поздних покупателей, и мы вместе двинулись к домам через этот злополучный пустырь. Босоножки, на которые никто не позарился, подобрала по дороге.

На другой день, выйдя из автобуса, обратила внимание на большую восточно-европейскую овчарку, которая сидела рядом с остановкой. Так вот он мой вчерашний защитник! Я подошла к собаке, но она поднялась и пошла в сторону деревянного дома. Это был один из тех домов, которые еще не снесли, чтобы освободить место под новое строительство. У забора большая деревянная скамья, под ней набросано много соломы, и помятая алюминиевая миска с водой. Как я поняла, это и было «жилище» моего спасителя.

Утром, подойдя к остановке и увидев сидящую в стороне собаку, подошла поближе и положила перед ней бутерброд с колбасой. Реакция была неожиданной – пес отвернулся от меня и моего гостинца. Но вечером я увидела только собаку, бутерброд исчез.

Так продолжалось целую неделю, пока он, наконец, съел при мне предложенный кусок колбасы и даже приветливо шевельнул хвостом. Это хорошо, значит, лед тронулся! Еще через пару дней, когда я появлялась, он хоть и не бежал навстречу, но приветливо смотрел в мою сторону. Прогресс был налицо. Мы начинали «дружить».

Пес явно голодал, и я решила регулярно утром и вечером его подкармливать. Как-то, опять приехав с работы

поздно, я нерешительно стояла у тропинки, ведущей через пустырь. Попутчиков нет. Что делать? Подождать? Может, подъедет кто-нибудь? Или бежать, пока еще не совсем стемнело?

Смотрю, собака оставила свой «пост» и подошла ко мне.

– Ну, что? Может, проводишь меня? С тобой мне будет совсем не страшно.

Сделав несколько шагов, оглянулась и поманила его за собой:

– Решайся, здесь не так уж и далеко.

Пес медленно подошел. Я ускорила шаг. До самого дома он бежал рядом не отставая

– Спасибо. Может, зайдешь «на чашку чая»?

Он повернулся и быстро побежал обратно.

Времена года в Сибири долго «не раздумывают», быстро сменяют друг друга. Совсем еще, кажется, зима. А дождь прошел, и на другой день солнышко даже припекает, почки на деревьях спешат, полопались, и маленькие, еще клейкие, нежно зеленые листочки развернулись, каждый солнечный лучик ловят – значит, весна уже пришла.

Так и осень. Резко похолодало, листва пожухла и за одну ненастную ночь ветер может «раздеть» деревья. Посмотришь утром, а они стоят голенькие, словно и не наряжались весной. День стал короткий. После 20 августа уже заморозки, вечером без пухового платка на улицу не выйдешь. Как же мой новый друг зимовать будет без будки? Решила я узнать о нем все и поподробнее. Подошла вечером к скамейке, под которой «жил» пес, и подергала калитку. Во дворе залаяла собака, и через некоторое время вышел мужчина.

– Извините. Это ваша собака?

– Нет, моя вон, в будке. А эту знакомый парень оставил.

Присмотреть просил, сказал, на недельку, а уже три месяца прошло. Не знаю, что с ним случилось, но мне вторая собака ни к чему.

– Понятно. Значит, я могу забрать ее к себе?

– Попробуйте, если он пойдет. Сидит здесь у остановки, как привязанный. Все ждет, что хозяин вернется, в чем я лично сильно сомневаюсь. Подождите...

Он зашел в дом, вынес намордник и поводок, защелкнул его на ошейнике и передал мне в руки.

– Итон, иди, пошел!

– Его Итоном зовут?

– Итоном.

Мужчина забрал из-под скамейки миску и захлопнул за собой калитку.

– Значит, Итон... Хорошо. Пошли!

Собака послушно побежала рядом, приостановилась лишь на мгновение, когда проходили мимо ее обычного «поста» на площади.

– Не переживай, завтра снова придешь на свой наблюдательный пункт.

Утром на работу мы шли вместе. Я поехала на стройку, Итон остался на остановке.

Вечером вернулась с двумя внушительными пакетами.

– Это для тебя. Большая кастрюля и две миски – для еды и для воды. И настоящая собачья еда – обрезки мяса, кости, легкое и еще овсянка. Будем варить.

В городе были спецларьки, в которых продавали всякие мясные отходы.

У нас с подругой комната в четырехкомнатной квартире на втором этаже трехэтажного дома. Мы получили ее, как молодые специалисты. Высокие дома здесь не строили. Был один-единственный четырехэтажный, и его

уважительно называли «четырёхэтажка». Строили еще по старым проектам – большие кухни, ванны, большие коридоры и высота потолков более трех метров.

Наши соседи – молодая семья с тремя детьми – ничего против нового «жильца» не имела, а ребята были просто в восторге. Место ему определили в коридоре между шкафом и стенкой нашей комнаты. Нашелся даже старенький коврик, на котором он мог спать. Теперь можно было спокойно зимовать.

Утром Итон провожал меня на работу, и если было очень холодно, возвращался домой, лаял у двери, и ребята его впускали. В четыре часа вечера он уже мчался меня встречать, время знал точно и никогда не опаздывал. Я заходила в магазин, а он дожидался очередного автобуса, рассматривал его пассажиров, а потом мы шли домой готовить ужин.

Ему нравилось играть с сыновьями наших соседей. Мальчишки давали собаке понюхать какую-нибудь вещичку, а затем старательно прятали ее в комнате. Итон находил «запрятку» очень быстро, и когда ребята визжали от восторга, слегка помахивал хвостом, глядя, как они прыгают от радости.

Зима прошла, и весна уже кончалась, а 1 мая, на демонстрацию, пошел снег, закружила настоящая метель. Вот она, Сибирь!..

Наконец, наступило лето. Сибирское... Жаркое и короткое. Теперь Итон проводил весь день на площади, иногда отдыхал под своей старой скамейкой и только вечером, когда я приезжала, уходил со мной. Дети без него скучали, им часто приходилось оставаться одним. Родители работали посменно, но иногда смены у них совпадали.

В этот вечер, не успели мы переступить порог, как они громко, взхлеб, перебивая друг друга, пытались что-то рассказать.

– Так. Все. Успокоились и начали по порядку. Саша, ты старший, говори, в чем дело? Что случилось?

– Случилось, что тетина Наташина Светка пропала...

Света – это трехлетняя дочка нашей соседки сверху.

– Как это пропала?

– Тетя Наташа сняла в обед белье и понесла домой. Светка в песочнице играла, а когда вернулась – ее там уже не было, остались только совок и ведро. Она искала ее во дворе, за домом, у знакомых, но не нашла, хотела идти на почту звонить в милицию (в то время почти ни у кого дома телефонов не было), а мы сказали: пусть подождет, придет Итон, мы дадим ему понюхать Светин тапок, и он ее сразу найдет!

Я поднялась наверх. Заплаканная Наташа повторила мне ту же историю с исчезновением. Света была очень шустрая и бесстрашная девочка, на месте не могла минуты усидеть спокойно, везде совала свой любопытный курносый нос, лезла ко всем кошкам и собакам, ловила всяких жуков и гусениц. Одним словом, настоящий чертенок, с нее нельзя было глаз спускать, а не то, что оставлять одну в песочнице на целых десять минут!

Я, как могла, успокоила Наташу:

– Возьми какую-нибудь Светину обувь и пойдем, попробуем, может, Итон, действительно, сумеет ее отыскать.

Игрушки до сих пор валялись в песке. Я дала Итону понюхать детский сандалик.

– Ищи, Итон, ищи! Постарайся ее найти.

Он обнюхал игрушки, обошел песочницу, пробежал несколько кругов по двору и направился к приоткрытой

подвальной двери у второго подъезда. Хотя на улице было еще светло, подвальные окошки пропускали мало света, и там стоял полумрак. Девочку мы нашли спящей на обрезках какого-то мягкого изоляционного материала в обнимку с грязной рыжей кошкой. Увидев собаку, кошка зашипела и бросилась в дальний угол подвала. Света проснулась и заревела:

– Киса, киса! Хочу кису!

– Вот видите! – торжествующе кричал Саша. – Я же говорил, что Итон ее сразу найдет.

Наташа прижимала к себе плачущую дочку и ревела вместе с ней, теперь уже от радости. Потом она часто приносила для собаки вкусные косточки, а однажды даже пельмени притащила, только пес от них почему-то отказался, наверное, перченые были.

Я очень быстро привязалась к Итону, полюбила его, старалась приласкать, угостить чем-то вкусеньким, брала с собой на дальние прогулки и даже на пикники с друзьями, когда мы ездили в выходные на Байкал или в тайгу. Он принимал знаки внимания очень сдержанно, никогда не проявлял бурной радости, и взгляд его каре-зеленых глаз был грустным и задумчивым. В собачьих глазах, как и в человеческих, все чувства отражаются – и радость, и злость, и страх, и грусть. А когда с собаками разговариваешь, они, как маленькие дети, все понимают, только говорить не могут.

Когда мы шли в сторону автобусной остановки, Итон всегда оживлялся, натягивал поводок, заставляя меня идти быстрее. На площади он усаживался на «свое место», в сторонке, и с нетерпением ждал подходящий автобус, встречал и провожал взглядом каждого выходявшего пассажира. Я с трудом уводила его домой. Он грустил и ждал.

Ждал своего хозяина и верил – он не обманет, он придет, обязательно придет, нужно ждать. И продолжал ждать...

Видно, не простой была жизнь у этой собаки. Рассматривая Итона щеткой, что ему очень нравилось, я обнаружила на правой лопатке большой шрам. А еще раньше заметила, что пес немного прихрамывает на правую переднюю лапу. Досталось ему где-то здорово. Еще не зная, как сложится моя личная жизнь, останусь здесь или уеду в родной город, а может в какой-то другой, я была уверена: куда бы не забросила меня судьба, мой мохнатый друг будет всегда со мной.

Прошел почти год... Вот и осень опять приближалась: листья пожелтели, становилось все холодней. Было воскресенье, и мы с Итоном, как всегда, пошли в магазин, вернее – я в магазин, а он на свою «обожаемую» остановку встречать пассажиров. В выходной день их было совсем мало. Я поставила тяжелую сумку на скамейку.

– Ну что, дружок, подождем еще один автобус, чтобы ты успокоился.

Ждать пришлось совсем недолго. И вдруг Итон напрягся. Из подошедшего автобуса вышел молодой человек – высокий, худощавый, черная вязаная шапочка натянута на уши, поношенная армейская куртка, левый пустой рукав заправлен в карман, правая рука придерживает ляжку тощего серого рюкзака, накинутого на плечо.

Итон так стремительно бросился к парню, что тот едва устоял на ногах (откормила я его!), рюкзак упал на землю.

Я глазам своим не верила: всегда спокойный пес взвизгивал, как щенок, подпрыгивал, стараясь лизнуть парня в лицо, и тот не отстранялся, а прижал к груди лохматую собачью голову и хриплым от волнения голосом повторял:

– Прости, прости, друг, заждался ты меня, прости...

В глазах его стояли слезы. Редкие прохожие с удивлением смотрели на эту странную сцену.

Подошла поближе, внимательно посмотрела на вернувшегося хозяина: почти сросшиеся брови, бархатистые карие глаза и добрая белозубая улыбка обветренных губ, на левой щеке свежий шрам от ожога.

– Андрей, – представился он, протягивая руку. – А вы?

– А я Ольга, временно исполняющая обязанности хозяина Итона. А если вы хозяин, значит – временно исполнявшая ваши обязанности.

Он засмеялся:

– Спасибо вам, Оля.

– Не стоит... Для меня это была радость, которая теперь, я вижу, закончилась. Приглашаю ко мне в гости, пока со своим жильем разберетесь. Оно, скорее всего, опечатано. А у нас с подружкой комната двадцать квадратных метров и раскладушка имеется.

– А удобно ли? Как ваши соседи на это посмотрят?

– Нормально посмотрят, они у нас очень хорошие. А как Итона любят, сам увидишь. Извини, что перешла на «ты», и тебе тоже советую, можешь не «выкаты». А сейчас давай мне свой пустой рюкзак, бери мою тяжелую сумку и вперед!

Мы двинулись к дому, пес весело бежал впереди, иногда возвращался, словно проверяя, не исчез ли дорогой ему человек. И я впервые увидела, как он улыбается всей своей пастью, и какими веселыми могут быть его глаза.

Вечером Андрей рассказал нам свою грустную историю.

– Служил я на Восточной границе, оттуда и Итона привез. Собаку комиссовали после тяжелого ранения. Когда демобилизовался, мне разрешили забрать ее с собой. Конечно, очень обрадовался. Служили мы с Итоном два

года, теперь, думаю, и дальше жить будем вместе. Я ведь детдомовский, и родни у меня нет ни ближней, ни дальней. Еще сдружился с парнем из-под Тамбова, Сергеем его звали. Договорились мы с ним: кто первый женится, другой на свадьбу к нему приезжает, где бы ни был.

В Усолье устроился на спичечную фабрику электриком. Я по этой специальности ПТУ заканчивал. Отнеслись ко мне с пониманием, как к молодому специалисту, да еще сержанту и детдомовцу. Дали отдельную комнату двенадцать квадратных метров на Щитовом поселке, дома там сборные, из щитов собраны, потому так называется.

Съездил в Иркутск, подал документы в техникум. Все у нас с Итоном было хорошо, зарабатывал я нормально, обставил всем необходимым свою комнату. И вот в конце лета получаю телеграмму от Сергея: «Приезжай, женьюсь», и адрес подробный. Попросил я на работе неделю в счет будущего отпуска, занял немного денег. Все! Можно в Иркутск на аэродром ехать. А тут проблема: где и с кем Итона оставить. Напарник мой по работе, мужчина средних лет, говорит: «Оставляй у меня во дворе, пусть поживет неделю».

Обрадовался я: «Спасибо, выручил». Пришли к его дому, у калитки передал я ему поводок, а Итону сказал: «Жди, я скоро приду».

И пошел к автобусу, а он так жалобно на меня посмотрел, даже заскулил, но остался. Служебная собака, послушная, а у меня сердце защемило, словно навсегда с ним расстаюсь.

Добирался до друга и самолетом, и поездом. Наконец, встретились. Свадьбу два дня играли. Невеста красивая, добрая, очень мне понравилась. Родители у него замечательные, встретили, как родного. И на самолет всей

семьей провожали, обещали на свадьбу мою обязательно приехать.

Вылетели мы в хорошую погоду, а когда через три часа подлетели к промежуточному аэродрому, нас не приняли из-за грозы и отправили в другой город, там при посадке самолет потерпел аварию, очнулся я уже в больнице, через долгое время. Думали, что я вообще не выживу, да, видно, живучий оказался. Пострадал сильно – черепно-мозговая травма, и руку левую потерял. Со службы пришел здоровый, а на гражданке инвалидом стал. Обидно...

Оказался я в чужом городе, без документов (в пожаре сгорели), без вещей, без денег. Пошел в военкомат. Очень мне там помогли. Списались с моим детским домом, документы восстановили, одежду раздобыли, билет до Усоля и немного денег. Правду говорят: «Свет не без добрых людей». И их гораздо больше, чем плохих.

Как только пришел в себя, сразу об Итоне подумал: «Что с ним? Где он теперь? Обманул я его, обещал быстро вернуться и пропал». Всю дорогу эти мысли не давали покоя. Когда из автобуса вышел и увидел его, чуть сознание не потерял от волнения. Друг ты мой дорогой, самый верный и преданный! Так тепло и радостно на душе стало, и вера появилась, что все у нас в жизни наладится, иначе быть не может. Это такое счастье, когда тебя кто-то ждет и любит, и верит в тебя.

Через много лет (не помню даже, где я тогда жила) в газете «Советская Россия» писали об овчарке, которую хозяин оставил на одном из московских аэродромов, так как не имел необходимых документов, чтобы взять ее с собой. Собака не ушла, в течение многих месяцев встречала каждый самолет. К ней привыкли, не прогоняли, подкармливали. Она даже принесла щенков. После выхо-

да статьи в редакцию стали приходиться письма с предложением забрать собаку, а потом, кажется, и хозяин объявился, объяснил, как все случилось, и был очень удивлен, что собака так долго его ждала.

Я сразу вспомнила Итона. Да, собаки, они такие – они умеют ждать, любить, быть верными до конца жизни, и жизнь свою отдадут за тебя, не задумываясь, не колеблясь ни секунды.

Эпилог

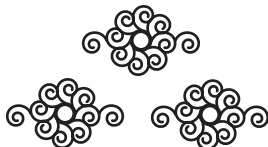
Андрей с Итоном часто приходили к нам в гости. В коридоре пес оставаться не хотел, и когда я приглашала обоих в комнату, ложился у ног своего, вновь обретенного хозяина. Мы пили чай, болтали, Андрей рассказывал о своей службе на границе. Если он упоминал имя Итона, тот вздрагивал, вставал и, положив голову ему на колени, смотрел таким любящим, преданным взглядом, что однажды я рассмеялась:

– Да он просто влюблен в тебя и, по-моему, очень боится, что ты опять неожиданно исчезнешь и оставишь его на мое попечение.

– Ну, уж нет! Теперь мы не расстанемся никогда.

И Андрей прижал к себе черно-рыжую ушастую морду.

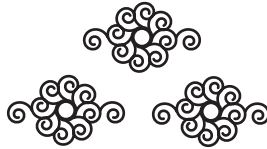
Думала, что рассказ мой будет только про Итона. Но оказалось, он еще про одного замечательного парня, про Усолье Сибирское и про маленький кусочек моей собственной жизни.

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ

Давно это было. Лет сорок назад. И невольно вспоминается песня:

*На теплоходе музыка играет,
А я одна стою на берегу.*

И хотя это был не теплоход, а всего лишь небольшой катерок, но такой веселый, и он так стремился – вперед! и вперед!.. что просто сердце замирало. Да и музыка иногда играла, если у кого-то из пассажиров был транзистор, и название он носил гордое – «Стремительный», и всем помочь старался, и все его любили, и всем он был нужен.

У маленького причала суетятся ребяташки с корзинками – в лес собрались, и маленький катер с радостью принимает на борт шумную ватагу, которая скоро высадится на зеленом берегу. А вот пожилые с полными сумками – в деревню из города возвращаются с покупками. Целая семья едет к родственникам в дальнее село. Отдыхающие, тогда очень многие приезжали на лето в Жлобин из Ленинграда, Москвы и других городов, на катере добирались до пляжей или до озера. Оно еще не затянулось тиной, и пляж был не один, и «грибки», и «лежаки», и чистый речной песок. Все это было.

Молодая парочка – эти просто прокатиться, подышать свежим воздухом, на красоту днепровскую полюбоваться.

Рыбаки тоже добирались на нем до своих заветных мест.

У каждого свои дела, свои заботы, а для «Стремительного» всем помочь – и работа, и радость большая.

«Тук», «тук» – стучало маленькое «сердечко», и спешил он к самым далеким селам, куда и автобусы-то не ходили, и поезда не ездили.

Всем был нужен маленький трудолюбивый катерок «Стремительный».

Может, и до сих пор бегал бы он по голубому Днепру, но однажды...

Однажды весной пришла «большая вода» и унесла катерок очень далеко, а когда она ушла, он сиротливо остался стоять на берегу...

Напрасно он ждал, никто не пришел ему на помощь. А те, кто стал его посещать, понемногу уносили все нужное и ценное, добрались и до его «сердечка». Потом появились те, которые все ломали и крушили, просто ради забавы и озорства. Когда вдребезги разбили его гордость, цветные сигнальные фонарики, «Стремительный» понял, что жизнь его кончилась, и никогда уже ему не вернуться в прохладную, чистую воду любимого Днепра. Еще не видел он, но уже чувствовал, как ржавчина разъедает его изуродованный корпус, где от надписи «Стремительный» осталось только несколько полустертых букв.

Никто уже не обращал внимания на разбитый ржавый остов, и только маленькие ребяташки собирали осколки стекла от его, когда-то роскошных ярких, светящихся глаз.

И он уже ничего не почувствовал, когда на самосвал погрузили его ржавые останки и увезли на металлолом, а возможно и просто на свалку.

Вот так бесславно закончилась славная жизнь маленького катера.

А главное и самое печальное в том, что нельзя сказать – «он стал никому не нужен». Нет, он нужен до сих пор тем, кто не может уехать на переполненных автобусах до своих деревень, горожанам, чтобы добраться до леса или просто на прогулку, и даже Днепр скучает без него, словно потерял, что-то очень дорогое и важное.

ДОРОГА К ХРАМУ

Девочка недавно приехала в Москву к своему дяде. Сколько всего нового, необыкновенного, неизвестного! Ее интересовало все, и особенно это место в центре города, недалеко от дома, где они жили. Оно было огорожено плотным забором, а на нем нарисован красивый белый дворец, имевший форму конуса, на самом верху которого стоял человек в простом, слегка распахнутом пальто, в кепке, с поднятой в приветствии рукой.

– А что там такое? – спросила девочка, и тетя ей объяснила.

– Здесь строится Дворец съездов. Когда его построят, это будет самое высокое здание в Москве.

Станция метро тоже носила соответствующее название, хотя раньше именовалась «Кропоткинской», по названию улицы. Из метро был еще выход на Гоголевский бульвар, по которому девочка с тетей часто гуляла.

Дядина квартира находилась на седьмом этаже восьмизэтажного дома. С маленького балкона открывался замечательный вид на город, а в праздничные дни с него можно было любоваться салютом.

Все было хорошо, но ночью она часто просыпалась от сильного гула.

– Дядя, а что это гудит по ночам на улице?

– Это работают насосы, они откачивают воду из котлована, который роют днем под фундамент дворца.

– А откуда берется вода?

– Возможно, где-то близко грунтовые воды. Когда-то на этом месте стоял храм, но его взорвали, чтобы построить дворец. Я покажу тебе старинную фотографию. Это был Храм Христа Спасителя.

– Какой красивый! Зачем же его взорвали? Разве нельзя было строить в другом месте?

– Не знаю, девочка моя, не знаю...

– А я думала, ты все знаешь, раз преподаешь в академии.

Однажды ночью ей приснился странный сон. Вечерело, она шла по бульвару, было пустынно и очень тихо. На стройке не работали. Но что за чудо? Забора нет, и перед ней сверкающий белый дворец, такой высокий, что вершина его теряется в облаках. Но почему он стоит посреди озера?

И вдруг на ее глазах дворец начал медленно погружаться в воду. Все глубже и глубже, вот вода уже у ног стоящего наверху человека, еще глубже, и кепка с козырьком скрылись под волной. Над озером осталась только рука, и жест ее выражал не приветствие, а скорее прощание с этим миром, но вот и она исчезла.

Вода закрутилась, образовав воронку, потом все успокоилось. Озеро стало ровным и гладким, как зеркало, и в нем отразилось смутное очертание, стоящего на противоположном берегу великолепного Храма. Ей послышался далекий звон колоколов, и показалось, что он очень похож на тот, который она видела на старой открытке.

Девочка проснулась, насосы еще гудели, но за окном уже светало.

– Дядя, я видела страшный сон! Мне приснилось, что дворец построили, и он утонул в озере!

Дядя улыбнулся:

– Во сне все может быть, девочка моя...

В следующий раз она приехала в столицу уже взрослой девушкой. На месте строительства дворца был открытый плавательный бассейн, станция метро стала опять «Кропоткинской», бульвар и Гоголь были на прежнем месте...

– Так вот оно – озеро! А где же Храм?

Храма не было. Он появился только через много лет. Уже совсем взрослая женщина увидела его по телевизору. Она жила далеко от Москвы и даже в другой стране.

ОДНАЖДЫ В МАЙКОПЕ

Мария жила в Майкопе с двумя дочерьми. Они приехали из Ленинграда незадолго до начала Великой Отечественной войны. Старшая дочь осталась на родине. Что с ней, Мария не знала. После того, как началась война, связи с Ленинградом не было. Ее вообще не было, совсем близко шли ожесточенные бои. Немецкие войска уже входили в Майкоп. Здесь в Адыгее было много людей, недовольных Советской властью.

Встречали «победителей» хлебом-солью, расстилали ковры. Но солдаты топали по ним, не обратив особого внимания. Немцы, заняв город, расселили офицерский состав по домам и квартирам, остальных в общественных зданиях и в частных домах похуже.

На воротах и заборах забелели «указы» и «приказы» – куда прийти, что делать, что можно, а чего нельзя. Объявили комендантский час. После него выходить на улицу не разрешалось. По городу пошли слухи, что адыгейцы обещают вырезать в городе всех русских. На это немцы сразу наложили запрет. Они сами убивали за всякое нарушение установленных правил, а после комендантского часа стреляли во все, что шевелилось в темноте, и даже собаки боялись высунуть нос со двора.

Мария жила с девочками в небольшом деревянном двухэтажном доме. Соседи, кроме одной семьи, были русские и все между собой дружили. Недалеко от их дома располагался городской мясокомбинат. Однажды, примерно за час до комендантского часа, Мария заметила,

что шестилетняя непоседа Юлька исчезла со двора. Поиски по соседним дворам результатов не принесли.

Наступил запретный час. Соседи чуть не силой затащили Марию в дом. Старшая девочка плакала и умоляла маму не уходить. Она помнила, как застрелили соседского мальчика, который поздно возвращался от знакомых.

Мария сидела у стола в полном отчаянье, обхватив голову руками. Прошло уже часа два. Вдруг скрипнула калитка и через пару минут в комнату влетела, именно влетела, Юлька. Беретка где-то на макушке, волосы взлет, а на круглой, бледной и чумазой мордашке огромные глазищи, и в них было все – испуг, радость и восторг. Замерзшими руками она плотно прижимала к животу полы старенького осеннего пальто.

Мария бросилась к ребенку:

– Девочка моя, что с тобой? Где ты была? – ее всю трясло.

– Мама, ты меня раздавишь.

Юля распахнула пальтишко, и на пол упала большая коляска копченой колбасы. Девочка подняла ее, протянула маме и торжественно сказала:

– Вот!

– Где ты взяла? Говори сейчас же.

– Не тряси меня, пожалуйста, как грушу, сейчас все расскажу. Я гуляла и пошла в сторону мясокомбината. Там так вкусно пахнет! Подошла к самой будке, где сторожа. Из нее вышел солдат, он сказал: «Цурюк!» и погрозил ружьем. Я, конечно, испугалась, но сразу не побежала, стояла еще немножко, понюхала. И вдруг солдат вышел опять. Я уж хотела бежать, но он поманил меня пальцем – «ком, ком», а когда я подошла, сунул мне за пазуху колбасу и громко крикнул: «Цурюк! Шнель, шнель!» Вот тут уж я побежала.

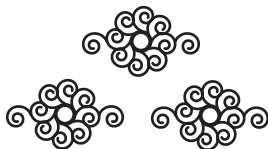
Мария не знала, что и сказать. Она стояла, опустив руки, из глаз ручьем лились слезы.

– Мама, не плачь, все хорошо, и смотри – сколько у нас вкусной еды! Я не просила, правда, не просила. Он сам, сам мне дал.

Мария прижала дочку к себе:

– Девочка моя, обещаю, что никогда больше не будешь туда ходить. Ведь если что-то с тобой случится, я умру от горя.

– Я обещаю, обещаю, только ты не плачь!

ОН – ПРОСТО НЕМЕЦ

Булочная была недалеко, за углом и еще ближе, если пробежать проходным двором. Я тоже ходила сюда за хлебом, но на эту декаду (десять дней) у нас не было карточек.

Маму ограбили прямо в подъезде дома, как раз в тот день, когда она их получила.

Вор тоже воспользовался проходным двором и скрылся в развалинах.

Вот разбитая зенитка и два больших дома, почти полностью разрушенных бомбами. Рано утром сюда привозили пленных немцев, и они разбирали эти развалины. Цельные кирпичи куда-то увозили, мусор тоже. Среди пленных много пожилых и не совсем здоровых.

Зима была холодная, и те, что были в пилотках, повязывали сверху старые платки, а ботинки обматывали тряпками.

Иногда кто-то осторожно подходил к дверям булочной и просил у выходящих хлеба.

Наша соседка по коммунальной квартире тетя Нюра, частенько, отламывала кусок от выкупленной буханки и совала в холодные грязные руки просящего.

Когда ей говорили:

– Зачем даешь? Муж погиб, детей двое.

Она произносила тихим голосом одно лишь слово – «жалко»...

Ребята с нашего и с соседних дворов часто играли около этих развалин – в «войну», в прятки. Первое время побивались пленных, а потом даже познакомились с некоторыми и знали их по именам.

Однажды слышу, как маленький Саша говорит Сережке:
– Тяжело Курту кирпичи носить, нужно ему принести мои старые санки.

– Он, может, твоего папку убил, а ты его жалеешь.

– Моего папку убил фашист, а он – просто немец и еще ранетый, – серьезно возразил шестилетний Сашка.

На другой день он действительно притащил санки. Курт улыбнулся, сказал:

– Гут, гут, – и протянул мальчонке, тоже старенькую, потертую губную гармошку.

Мне подумалось, что оба они довольны взаимными подарками.

ЭХО ВОЙНЫ

Две недели в Доме отдыха, да еще в таком замечательном месте! Бывшая территория Финляндии – Кинальярви называется, а в переводе на русский – Пятиозерье.

Маленькие, круглые, как блюдца, озера с золотистыми песчаными берегами. Ни тины, ни водорослей, только белые лилии и иногда желтые кувшинки.

Наверное, с самолета они кажутся голубыми сапфирами, оправленными в золото и брошенными на темно-зеленый бархат.

Старинный замок окружен густым елово-сосновым лесом. Здесь основной корпус Дома отдыха, несколько коттеджей и танцплощадка – уже современное строительство.

Рядом большое озеро. Вода для меня главное. Каждое утро перед завтраком я его переплывала, а вечером на лодке каталась. Поправилась на два килограмма. Ничто здесь не напоминало о недавно прошедшей войне.

А теперь вот вчетвером едем на преддипломную практику в Гатчину. Поселили нас в одном из классов пустующей летом школы. Недалеко берег Черного озера. На другом берегу виднеется крыша и шпиль высокой башни. Строение напоминает средневековый рыцарский замок. Издали стена, обращенная к озеру, кажется поднимающейся прямо из воды.

Это Приоратский дворец – Приорат. Постройка его явилась доказательством практичности способа земляного строительства. Он был разработан в конце семнадцатого века архитектором Николаем Львовым. В строитель-

стве участвовали его ученики – крестьяне, обучавшиеся в его школе землебитного строительства.

Стены сооружений в этом случае возводятся из пресованной земли, скрепленной слоями известкового раствора. В замке только башня построена из камня. Архитектор был прав, когда говорил о прочности землебитных строений. Во время войны вблизи замка разорвалась не одна авиабомба, но стены его не разрушились.

Гатчина была владением императора Павла Первого. Приоратский дворец построен им для приора (игумена) Мальтийского рыцарского монашеского ордена.

Павел предоставил членам этого ордена убежище в России после того, как Наполеон изгнал их с острова Мальты. Он сам был членом ордена, и рыцари избрали его своим магистром, но тайно. Магистр мог жениться только один раз, а Павел был женат четырежды. В Приоратском дворце был и трон, и все атрибуты магистра.

У нас в строительном учебнике был подробно описан способ землебитного зодчества, и даже был снимок Приоратского замка. А теперь я увидела его воочию.

Какие все же интересные картинки подбрасывает нам время, строился дворец для приора-игумена, а через двести лет там звенят детские голоса – Приоратский замок стал Дворцом пионеров.

И конечно самая большая достопримечательность – Гатчинский или Павловский дворец. В войну он очень пострадал, немцы подожгли его, и он стоял разбитый, темный, пустой. Хорошо, что почти все экспонаты (около тринадцати тысяч) из него успели вывезти.

В парке немцы вырубili семь тысяч деревьев, повредили все постройки.

Гатчину освободили в январе 1944 года. Сразу начались работы по восстановлению парка. Высадили деревья, привели в порядок каменные ворота и уникальные арки, мосты. Отреставрировали закопанные в землю в 1941 году скульптуры. В общем, к тому времени, как мы приехали сюда на практику, парк был уже более-менее в порядке.

Большое деревянное сооружение на массивных каменных столбах – Голландия или Адмиралтейство. Раньше это была верфь. Строили небольшие военные суда. Целая флотилия была. Теперь здесь разместили Летний театр, библиотеку-читальню и танцевальный зал. Сюда мы ходили вечером на танцы.

Я со своим другом очень любила кататься на лодке. На Белом озере был создан водный лабиринт между искусственными островками. Особенно хорош остров Любви с павильоном Венеры. Потолок так расписан – глаз не оторвать. Ажурные металлические мостики между островами – все очень красиво.

Стройка, где мне предстояло отрабатывать преддипломную практику, находилась на окраине города. Будущие производственные мастерские. Мне это подходило. Тема моего диплома «Производственный корпус». Остальные мои сокурсники работали на жилом строительстве.

Прораб собирался в отпуск:

– Останешься за старшего мастера. Площадка подготовлена, разбивка здания сделана. Начали копать котлован. Площадка для складирования материалов есть, скоро начнут привозить. Справишься?

– Да уж постараюсь. Мне материал для диплома нужен.

И хорошо, что только начали строительство. Документация в порядке. На второй день работы экскаватора

полетели из земли черепа и кости. Видно, когда-то очень давно здесь было кладбище. Кости были желтые и очень большие. Рабочие примеряли к своим ногам, рукам и удивлялись:

– Посмотри, что за великаны здесь когда-то жили!

Когда котлован вырыли, на планировку дна я договори-лась с солдатами и рабочими с другой стройки. Оформила аккордный наряд – это когда указывается сумма оплаты и время, за которое эта работа должна быть выполнена. Обещали работать вечерами.

Начали поступать строительные материалы. Обычно машины, груженные кирпичом, прибывали вечером. К утру нужно было их разгрузить. За разгрузку платили хо-рошо и сразу наличными.

Я оставляла человек пять-шесть рабочих и сама оста-валась, тоже подработать хотелось. Мечтала – приеду в Ленинград, куплю часики с браслетом.

В этот вечер машин не ожидалось, пришла проверить своих «аккордников». Сидят они, голубчики, на краю платформы и покуривают.

– Это мы так работаем?

А они отвечают:

– А вы подойдите, посмотрите, какого мы поросеночка откопали.

Подошла, заглянула в котлован и обомлела. Лежит там авиационная бомба килограммов на двести пятьдесят и краска с нее даже не сошла, как новенькая.

Струхнула я:

– Быстро, чтобы через минуту здесь никого не было!

Сама бегом в военкомат понеслась. Поздно уже. Сидит один дежурный. Говорю ему:

– Звони начальству! У меня на стройке бомба.

Не поверил:

– Какая еще бомба? Откуда?

– Оттуда. С самолета в войну сбросили.

Дошло до него, начал звонить куда-то.

Появилось начальство, и опять недоверие:

– Вы что, серьезно?

– Вполне серьезно.

– Хорошо, поехали. Посмотрим, что вы там откопали.

Когда увидели, удивились:

– Действительно, как новая. Оставайтесь здесь, у ворот, чтобы на территорию никто не входил, я сейчас пришлю машину с минерами.

Стройка была огорожена, но в заборе всегда найдут лазейку, особенно ребятишки. Присела на ящик. В войну в наш дом прямо в подъезд бомба упала, и тоже не взорвалась. Велели всем уйти со двора на улицу. Разряжали ее часов шесть, оказалась пустышка, набита какой-то золотистой бумагой. Может, и эта такая же?

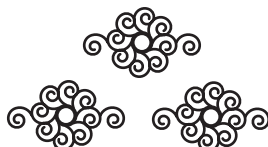
Наконец, приехали две машины. В одной песок насыпан. Установили лебедку, подняли очень осторожно, положили на песчаную подушку. Куда увезли – не знаю.

Позже поинтересовалась:

– Ну, и как наша красавица? Разрядили? Настоящая?

– Еще какая настоящая! Только разряжать не стали, взорвали, даже в городе было слышно.

Я подумала, что бы могло быть, взорвись она в котловане. Хорошо, что все обошлось. По любому, война уже в прошлом, а это было эхо. Эхо прошедшей войны.

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

(*быль*)

Большая кадка с фикусом стояла в нише с тремя узкими окнами в однокомнатной квартире первого этажа. Его посадила еще Леночкина мама. Ее уже давно не было, и теперь Лена жила здесь со своим мужем Юрой. Фикус рос вместе с ней и превратился в настоящее деревце, которое заполнило всю нишу и загораживало свет в их и без того тесной квартирке.

В субботу утром Лена с мужем собирались поехать на дачу.

– Юрочка, зажги свет, а то ничего не видно.

– Еще очень рано, да это твоя пальма все окошки закрыла.

Юра щелкнул выключателем.

– Увезла бы ты ее к себе на работу что ли.

– Во-первых, не пальма, а фикус. И во-вторых, надо с машиной договориться, не на руках же его тащить. Попробую что-то сделать в понедельник.

В воскресенье они вернулись уже поздно вечером. Наутро, раздвинув занавеску перед оконной нишей, Лена ужаснулась:

– Юра, Юра, посмотри, что случилось!

Перед ними стоял фикус, можно сказать – голый, почти все листья лежали на полу.

– Что это с ним?

– Со страху, наверное, что собрались его выселить.

Лена рассмеялась:

– Придется теперь ждать, когда обрстет, не повезу же я такую страхолюдину.

На следующий год, осенью, фикус принял уже вполне приличный вид, и хозяева вновь заговорили о его переселении.

– Пора, Леночка, выдворять этого красавца, надоел – днем свет затмевает, ночью воздух отнимает, вон какие листья широченные отрастил.

Каково же было их удивление, когда через пару дней они увидели, что листья стали вянуть и опадать. Фикус опять начал быстро «раздеваться».

Пришлось оставить его в покое. Лена вспомнила, как болели цветы на подоконнике у бабушки, которую увезли в больницу, а после ее смерти некоторые совсем погибли. Уезжая с мамой в город, оставшиеся несколько растений они подарили соседям.

Прошло время, и Лена с Юрой, наконец, получили ордер на двухкомнатную квартиру. Вечером, возвращаясь из кинотеатра, подходя к дому, Юра спросил:

– А кадку с пальмой ты тоже потащишь с собой?

– Не пальмой, а фикусом.

– Хорошо, фикусом.

– Нет, нет, только ты молчи...

И она приложила палец к губам, открывая ключом дверь. Они, молча, попили чай на кухне и сразу легли спать.

На другой день, в обеденный перерыв, Лена подъехала к дому на грузовой машине. Рабочие быстро погрузили кадку с фикусом в кузов и увезли.

На новом месте его поставили в просторном холле у окна, рядом с прелестной китайской розой. Она цвела пышными красными цветами, ими любовались все про-

ходившие мимо посетители треста.

Фикус больше не оголялся. Согласитесь, как можно позволить подобное в присутствии этой чудной красавицы! Мало того, теперь он очень заботился о своей внешности и расстраивался, когда уборщица долго не смывала пыль с его блестящих зеленых листьев. Он бы даже расцвел, если бы мог, но этого ему было не дано. В общем, фикус был вполне счастлив и совсем забыл уютную нишу в маленькой квартирке своих бывших хозяев.

МЕДВЕДЕВСКИЙ ЛЕС

Между заводом и микрорайоном на протяжении четырех-пяти километров раскинулся чудесный лес. Светлые березовые рощицы рядом с мрачноватыми дубовыми дубравками, веселые звенящие клены, а за ними – настоящие корабельные сосны.

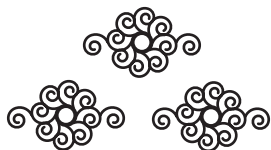
Идешь, как между янтарными колоннами, высоко над тобой зеленый полог пахучих ветвей, а под ногами настоящий ковер из опавших иголок и шишек. Многие (в том числе и я) ходили на работу до завода пешком. Весной замечательно – воздух чистый, свежий; деревья, росой умытые, сверкают; соловьи заливаются, и такие трели выдают – со счета собьешься коленца считать. А зимой можно на лыжах – одно удовольствие!

Грибов много было, но столько тропинок и дорожек протоптали, что они почти перестали расти – перепугались. Не любят грибы, когда землю топчут. Первые годы, когда было мало пешеходов, под березами подберезовики вырастали, под осинками подосиновики краснели, белые под дубами в траве и листьях прятались, волнушки да свинушки на полянках и опушках обитали, а маслята и рыжики в изобилии под соснами расположились. Собирай – не хочу!

Рано утром, особенно после дождя, успевала перед работой (лес-то рядом!) кошелку набрать и пожарить. А вечером, если обратно шла пешком, тоже пакет набирала.

А потом лес в лесопарк превратился, микрорайон разросся, гуляющих стало много, а грибов совсем мало, только в самых укромных местах иногда и попадаются. Раньше и лоси иногда встречались, теперь тоже куда-то ушли.

Зато людей много, гуляют семьями с детьми, особенно в выходные дни.

БАЙКАЛ

Обжигающие объятия и поцелуй Снежной королевы! Кто ощутил их, никогда не забудет – это волна, это вода священного Байкала.

Страшен и темен ты в гнев. Но как добр и прекрасен, светел, чист и прозрачен при ясном небе, словно слеза Господа, что обронил он на землю, когда увидел, что сделали люди с прекрасной голубой планетой.

ОХОТА С ПОЕЗДА

Поезд неожиданно остановился, бывают такие непредвиденные остановки. Вокруг низкорослый лес, рядом с насыпью – поляна с желтоглазыми ромашками. Несколько пассажиров рискнули соскочить, чтобы нарвать букет. Вдруг из кустов выскочил молодой зайчонок. Что тут началось...

Через пару минут уже целая орущая толпа гонялась за серым, дрожащим от страха ушастиком. Все забыто – только догнать, поймать, схватить!..

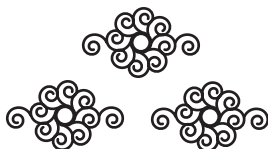
Состав тронулся медленно, преодолевая подъем. Люди опомнились не сразу, догоняли и цеплялись за проползающие мимо вагоны...

Зайчонок, вырвавшись из живого кольца топающих ног, бросился в лес.

– Зачем вам зайчик? – спросила запыхавшегося мужчину.

– Не знаю, – ответил тот, с сожалением глядя на удаляющуюся поляну с помятыми ромашками.

И что это в людях? Азарт? Охотничий инстинкт, заложенный самой природой, или что-то еще? – Не знаю...

**ВЗРОСЛЫМ
О ДЕТЯХ**

О ДЕТЯХ

Никогда не обманывала детей, даже маленьких, даже в мелочах. Как-то в разговоре с уже взрослым, вернувшимся из армии сыном, спросила:

– Ты мне веришь?

– Очень и всегда, – ответил он, улыбнувшись. – Знаешь, мама, помню, когда еще маленьким был, однажды очень много выпил воды, а пить хотелось, и я продолжал пить, ты тогда сказала: «Хватит, остановись, а то живот лопнет». Остановился я, но ненадолго, пошел и потихоньку еще попил. А потом лег на диван и ждал – вот сейчас лопнет мой живот и вода в потолок ударит. Вот как я тебе верил.

Я просто ужаснулась, ведь очень часто, разговаривая с малышами, мы говорим, не задумываясь о том, что они все понимают в буквальном смысле или на уровне своего возраста, еще не зная, что, может быть, это выражение или слово имеет еще и другой смысл.

Вспомнил сын и еще один случай:

– Стоим мы с тобой на остановке, и ты говоришь: «Вот подойдет наш автобус, и мы поедem в город». Автобус подошел, сели, поехали, а я думаю: «Мама сказала, что наш автобус, а почему в него сели все, кто на остановке стоял – не понял».

И еще вот о чем скажу. Моему старшему еще и трех не было, идем с ним в детский сад, навстречу женщина. Сын посмотрел на нее внимательно:

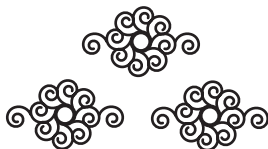
– Мама, какая у тети красивая велюровая шляпа.

Откуда слово такое взял, да еще и выговорил почти правильно? А главное, почему внимание обратил, ведь шляпа была черная, а не яркого цвета, который бросается в глаза.

Стал взрослее, ему нравились старинная мебель и антикварные вещи, хотя сверстники его больше обращали внимание на современные вещи. А вот одежду признавал только самую модную и даже придумывал сам фасоны, а мне приходилось их исполнять. Думала, вот будущий кутюрье или дизайнер, но не получилось. А вот хороший вкус остался до сих пор.

Искры разных талантов проявляются чаще всего в раннем детстве. Потом они угасают. А может мы с вами не помогли им вовремя разгореться? Или они были недостаточно яркими? Настоящий талант все равно проявится в дальнейшей жизни.

ПРОГУЛКА

С работы бегом в магазин, в детский сад за детьми, немного перекусили и гулять. Главное – свежим воздухом подышать и пообщаться, узнать, все новости, о своих рассказать, ведь целый день не виделись.

Гуляла с ними маленькими и когда уже учились в начальных классах, присоединялись к ним и ребяташки с нашего двора, приличная компания собиралась. Обычно ходили в лес, он был рядом с микрорайоном. Чудесно здесь – тихо, красиво и как-то спокойно. Дети присмирели, даже спрашивают всё чуть не шепотом, а сколько вопросов: зачем, почему, отчего, кто он, какой и где живет – не успеваю отвечать. Костер маленький разжигаем, они хворост собирают так усердно, притащили два небольших сухих ствола, на них можно сидеть. Сказки им рассказываю – те, что с детства помнила или сама всякие истории придумываю.

Мариночка, она в одну группу с моим ходит, слушала внимательно и вдруг говорит – «а фей не бывает и бабушек Ёг тоже...» кругом загалдели – «а вот и бывают, бывают!»

Мне стало жать этого маленького, одинокого человечка для которого так скоро окончилась сказка.

Дети, предоставленные сами себе, бывают очень уж серьезными, рано повзрослевшими и какими-то грустными. Хотят казаться совсем взрослыми и самостоятельными, независимыми.

Пятилетний Саша, наш сосед сверху, обиделся, когда я хотела помочь ему застегнуть тяжелую пряжку на старом

солдатском ремне, который он обмотал вокруг себя – я уже большой, сердито буркнул он не глядя на меня и продолжал упорно застегивать пряжку, которая почти закрывала его маленький живот.

Леночка усердно плетет веночек из кленовых листьев, цветов и травы, прошлый раз я её учила, как это делать.

– А у нас сегодня за обедом такой шум был ...

– Почему?

– Мы с Димой около забора щеночка нашли, принесли в раздевалку, а перед обедом под стол посадили, Дима ему свою котлету бросил и я половинку от своей, а он съел и начал лаять, наверное добавки просил. Все вскочили, начали кричать, смеяться, воспитательница очень рассердилась, вечером Диминой маме пожаловалась, и та его сильно ругала.

– Эх вы, серьезно заметил Саша, надо было котлету в карман спрятать, а потом ему отнести, а не сажать его под стол.

Это уже дельное предложение, ничего не скажешь.

– А я анекдот знаю.

– Расскажи!

– Вылупился цыпленок из яйца, только на ножки встал, огляделся, видит ползет змея, он ей говорит – «я тебя люблю...», а змея взяла и проглотила его, а потом думает – «зачем я его проглотила, он сказал, что любит меня ...». Взяла и выплюнула его обратно. Цыпленок отряхнулся, подходит к ней и говорит – «я тебя люблю, но только без засосов.»

Я хохотала до слез, ребята тоже смеялись, но как-то не очень, видно, что не поняли.

– И где ты это слышал?

– А нянечка воспитательнице рассказывала.

Всё-то они видят, всё слышат и запоминают и хорошее и плохое, помните об этом.

Сумрачно стало в лесу и ещё тише, сова пролетела низко над деревьями, готовится к ночной охоте.

– А на кого она охотится?

– На мышей конечно.

– Тоже, сказал, она же не кошка.

– Всё ребята, пора домой.

Затушили костер, вода рядом в ручейке, песком забросали.

– А завтра пойдем гулять?

– Пойдем, если дождя не будет.

ТЕТЯ ВАЛЯ И ЛЮДОЕДКИ

Удивительный человек была эта тетя Валя. Для детей она, конечно, была мама, для всех основных родственников и знакомых – тетя Валя, и только самым маленьким внукам и правнукам разрешала называть себя бабушкой. В свои 95 лет это была стройная высокая женщина с очень правильными чертами лица, ясными живыми глазами. И только поредевшие седые волосы, всегда аккуратно повязанные светлой косынкой, выдавали ее возраст.

Посильную для нее работу тетя Валя всегда делала с радостью и удовольствием.

– Мыть посуду – это мое дело, - говорила она, убирая после завтрака или обеда тарелки и чашки.

Летом немало родных и близких собиралось в их маленьком домике на берегу Кубани. Из четырнадцати ее детей восемь были живы и здоровы. У всех были семьи, и жили они в разных концах страны – от Москвы до самых до окраин. Со всеми она поддерживала связь, все ей писали и всем она отвечала.

Старшая дочь рассказывала, что иногда тетя Валя исправляла грамматические ошибки в письмах своих детей и отсылала обратно в ответном письме.

Любила по утрам кормить уток, которых держали в маленьком загоне летом, специально для дорогих гостей. Помогала обрывать ягоды с кистей винограда. С дочкой они делали домашнее вино, и каждый увозил с собой бутылочку этого чудесного солнечного напитка, изготовленного с такой любовью.

Небольшой книжный шкаф был битком набит письмами, открытками, фотографиями. Фотографии были повсюду, и всех тетя Валя помнила, все обо всех могла рассказать. Думаю, что они сами гораздо меньше знали о себе и своих родственниках, если бы не она, да и не узнали бы. Казалось, эта женщина держала в своих слабых хуленьких руках все ниточки, связывающие друг с другом близких ей людей.

Ходила она медленно и не много, болели ноги, и ее это огорчало.

– Не переживайте, вы и так много чего делаете. Для вашего возраста это замечательно, – говорила я.

– Я так не думаю. Вот послушай, деточка, что я тебе расскажу. Родом я с русского Севера. Жили мы в большой деревне. Помню, как-то летом, траву уже скосили, подсыхала она, сидим мы с бабушкой на крыльчке. Тучка заходить стала. «Бежим, внученька, сгребем сено, чтобы дождем не намочило», – говорит бабушка. Полянка была небольшая и от дома недалеко. Грабли в руки и бегом. Сгребли сено и обратно, дождь прихватил нас уже у самого дома. «Вот и ладненько, успели мы с тобой», – сказала бабушка. И пошли мы с ней ужин готовить. Было мне тогда лет одиннадцать, а бабушке моей сто двенадцать. Я рано ослабла, жизнь теперь другая, но жить-то надо, ничего не поделаешь.

Были в доме у них кружева вологодские, и еще полотно льняное, и выткан на кайме его «Царский выезд» - карета, в ней сидят царь и царица, везут карету кони, а впереди и сзади солдаты с ружьями. Красота! И как такое можно вручную выткать?

– Не каждая мастерица могла, – говорит тетя Валя. – А я могла, много чего умела. Все с маленького зернышка

начиналось. Посеют лен, растет он, цветет, цветами голубыми, словно небо на поле опрокинулось. Вызреет семя, скосят, из семян масло льняное жали, а лен в речке мочили долго, потом пучками подвешивали, сушили, потом колотили, трепали, кудель к прялке привязывали и нитку тянули толстую и тонкую. На ткацком станочке (их тоже вручную мастера делали) ткали полотно. Простое ткать не сложно, а вот узоры – долго учиться надо. Отбеливали готовое полотно на солнышке. Вот так и получалась из маленького зернышка такая красота.

Валентина была девочка не только красивая, но и умная, сообразительная, говорили старики. И решил сход деревенский послать ее на общественные деньги в гимназию учиться. Выучилась она и стала учительницей, учила деревенских деток грамоте.

Замуж ее рано выдали за человека старше ее и очень уважаемого, был он доктором на селе. Валя очень любила мужа, жили они в любви и согласии, много деток у них было. Но умер он рано, и замуж она больше не выходила. О муже всегда вспоминала с нежностью и любила о нем рассказывать.

Большой радостью для тети Вали было время, когда приезжали в гости родные. Она всегда всех просила чаще приезжать. Я до сих пор храню ее письма и поздравительные открытки, написанные четким красивым почерком, и не верится, что писал их человек, которому за девяносто лет.

В старости муж старшей дочери, который долго работал на сибирских шахтах, купил домик на берегу Кубань-речки, но не долго прожил в этом раю. Здорово подорвала шахта его здоровье. И жила теперь тетя Валя здесь вдвоем с дочкой.

Очень любила она детей. Приехавших в гости внуков и правнуков усаживала за большой стол под навесом и загадывала им разные головоломки. Учила из спичек лабиринты и фигурки складывать, из бумаги что-то вырезать, соединять, разъединять, и чего только не придумывала.

Когда мой младший сын Яша был у них в гостях, тете Вале он очень понравился. По характеру спокойный и молчун, он, как только начал говорить, называл вещи от их назначения и обижался, если с ним не соглашались.

– Вазелин – это неправильно, им нужно мазать, значит, мазелин. Перчатки – пальчатки. И так далее.

Однажды после обеда, когда все уже разошлись и тетя Валя мыла посуду, подошел и спросил:

– Бабушка, а недоедки остались?

Бабушка слышала плоховато:

– Какие людоедки? Что ты! Нету никого, да и не было их.

– Да нет, бабушка, они после еды всегда остаются, я точно знаю.

Тетя Валя заглянула в комнату:

– Нет здесь никого, с чего ты взял? Наверное, напугал тебя кто-то этими людоедками.

Яша возмутился:

– Бабушка, как ты не понимаешь, не «людоедки», а недоедки. Когда обедают, всегда остаются недоедки.

Бабушка всплеснула руками:

– Господи! Да ты есть хочешь, дитяtko! Идем, миленький, на кухню, я тебя блинчиками накормлю.

Тетя Валя жила еще долго. Умерла после того, как заболела и умерла ее дочь. От нее какое-то время скрывали это. Младшая дочь, которая жила в Сибири, увезла ее к себе, и она думала, что Любочка в больнице. А когда узнала правду, начались у нее судороги, и ушла от нас

бабушка – тетя Валя. Как-то она сказала: «Я от судорог умру». Так и случилось. Редкий была человек, посланный нам Богом, наделенный редким талантом – умением жить и любить.

ПИСКАРЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Хочу рассказать вам немного о Пискаревском кладбище в Ленинграде. Сейчас там большой Пискаревский проспект. Раньше это была окраина, и в войну здесь были самые большие захоронения. А после войны сюда перезахоронили из разных мест города умерших в блокаду.

Братские могилы сделаны по годам. Рядом большое кладбище военных, погибших в боях за Ленинград. Вдоль ограды плиты с именами погибших здесь людей из других городов.

Я часто в мае приезжаю сюда. Мой самый младший брат умер 16 апреля 1942 года. Все имена погибших записаны в Книгах памяти. Эти книги хранятся в пантеоне на кладбище. Здесь же некоторые предметы, которые раньше были в музее обороны Ленинграда.

Однажды мы с племянницей обратили внимание на небольшой памятник, стоящий на поляне. Это был памятник белорусским ребятам, студентам техникума, которые приехали в довоенный Ленинград учиться. Там лежали красивый венок и маленький белорусский флажок.

Около монумента «Родина-мать – своим защитникам» 9 мая очень много венков от разных стран и городов. И от Белоруссии тоже. Здесь у монумента солдаты принимают присягу. Принимал ее и мой старший сын, когда его призвали в армию. Меня попросили сказать что-нибудь ребятам. Я пожелала им служить и беречь Родину так, чтобы никогда не повторился ужас войны, чтобы их дети и внуки не пережили таких страшных испытаний.

На некоторых улицах и сейчас сохранились надписи: «Осторожно! Эта сторона улицы обстреливается». Ведь старшие дети и тогда ходили в школы. На колоннах Исаакиевского собора остались отметины от осколков. А в Кронштадте вы увидите памятник «Блокадной колюшке». На нем выбиты такие слова:

*Обстрелы смолкли и бомбежки,
Но до сих пор звучит хвала
Блокадной маленькой рыбешке,
Что людям выжить помогла.*

И изображен памятный знак «Блокадной колюшке».

Сейчас в Санкт-Петербурге около 1000 человек, переживших блокаду. А всего в городе проживает 5000000 человек. Мне странно было слышать, когда по каналу «Дождь» сказали: «А не лучше было сдать Ленинград, чтобы сохранить население города». Эти люди не видели, что осталось от городов, занятых фашистами. В Пушкине, в Петергофе – там в развалинах дворца устроили конюшню. В Гатчине Павловский дворец был в ужасном состоянии. В Пушкине из Екатерининского дворца исчезли большие культурные ценности, в том числе Янтарная комната. И людей в этих городах в процентном отношении к тем, что жили там к началу войны, осталось меньше, чем в Санкт-Петербурге после блокады.

А сколько немецких войск сдерживал не сдавшийся город! Это знают военные. Ведь германское командование, пытаясь взять Ленинград, перебрасывало сюда часть войск с других фронтов. Поэтому не напрасно все было. Теперь это уже история. И люди никогда об этом не забудут.

ВЕРОЧКА

Первая практика

Верочка ехала в электричке и, как всегда, о чем-нибудь размышляла или о чем-то вспоминала. Она была оптимистка, любила жизнь, любила людей, радовалась, казалось бы, самым обычным вещам. Вот и сейчас думала о том, как все хорошо и замечательно. Живет в своем любимом Ленинграде, с любимой бабушкой, с любимыми подружками. Учится в архитектурно-строительном, и пусть это не совсем то, о чем мечталось, но ничего, все еще впереди. Стипендия, правда, небольшая – всего 210 рублей, но на все хватает. На одну «стипешку» пришлось взять облигации, тогда все подписывались. После войны тяжело было, все надо было восстанавливать, вот страна и занимала у народа. Теперь каждый месяц будут по 10 рублей удерживать. Это не так и страшно.

Иногда покупали абонемент на недельку. Один комплексный обед стоил 3 рубля 50 копеек. Но чаще питались в офицерской столовой на Литейном проспекте. Возьмешь тарелку супа, особенно гороховый был хорош на косточке от копченого окорока, а хлеб, горчица, соль, перец на столе бесплатно. Чудесно!

И еще проще – купишь за 7 копеек городскую булочку да 50 граммов масла, и очень даже хорошо. Однообразное питание.

На танцы – в Клуб офицеров, тут же на Литейном. А про кино и театры и говорить нечего, ходили, куда хочется. В драматический, в оперный, в музыкальные. Там Аркадий Райкин, недавно были на его «За чашкой чая».

И в Мариинском Верочка была не один раз. Правда, туда, обычно, приглашали ребята, военные курсанты. Она

обожала «Лебединое озеро», особенно, когда танцевали Дудинская и Сергеев. Уже три раза смотрела.

В белые ночи ездили в Петергоф, и обязательно по Неве на катере. А в начале июня вечерами – на Марсово поле, в это время там сирень цветет. Располагались на скамейке с гитарой. Верочка, хоть и не очень играла, но аккорды брала, сама пела, и вся компания тоже.

Неву она обожала. Любила греблю и плавала, как рыба. Однажды ночью на спор Неву переплыла. На берегу кроме друга, с которым спорили, еще и милиционер ждал. Чуть в участок не забрал и оштрафовать хотел. За что, спрашивается? А за то, что в неположенном месте ночью и раздетая. В платье, что ли, нужно было плыть?

Веркин друг был хорошим дипломатом, уговорил блюстителя порядка, тот их отпустил. Пришли к Верочке домой, в пятнадцатиметровую комнатку. Бабушка с подругой Шурой работали в ночь. Подруга жила у них, бабушка пустила ее до времени, пока той не дадут комнату в общежитии.

Нашли в столе бутылочку с остатком «рябинки на коньяке» (от праздника еще осталась). Отогрелись, чаю напились и хохотали до упада, вспоминая физиономию милиционера, когда Верочка из воды вылезала.

А потом вдруг вспомнились встречи со знаменитыми артистами. Те нередко встречались со своими зрителями, и вход всегда был свободный. Была она на встрече с Черкасовым в Мраморном зале. Он рассказал тогда о первой культурной делегации в Индию. В Доме культуры строителей об этой же поездке рассказывал Павел Кадочников. Его хорошо знали в этой далекой стране по фильму «Повесть о настоящем человеке», где он играл роль летчика Маресьева. Машину, в которой он ехал, толпа

долго не пропускала, каждому хотелось дотронуться хотя бы до его авто.

Со знаменитым Меркурьевым она виделась не один раз. Он часто ездил в том же троллейбусе, что и она. В фильме «Небесный тихоход» артист сыграл летчика Тучу. Он и сам походил на большую тучу со своим громоподобным голосом, который гремел на весь троллейбус, стоило ему заметить кого-то из знакомых на другом конце салона.

Да, жизнь прекрасна, уже в который раз подумала Верочка, глядя в окно электрички. Возможно, в молодые годы, если ты здоров и счастлив, любая жизнь кажется прекрасной, не только студенческая. Ее подруга сейчас бы сказала: «Философушка ты неисправимая!»

Своих подруг Вера очень любила. Леночку, которая была моложе ее на три года, она знала с детских лет. Учились в одной школе на Моховой, жили рядом. Сейчас в архитектурно-строительном тоже вместе, только на разных курсах. Леночка – красавица, рослая, статная, с прекрасными бархатисто-карими глазами, густые темные волосы коротко подстрижены. На нее всегда обращают внимание.

Другая ее подружка Нина была старше на год. Они познакомились, когда поступали учиться, и стали просто неразлучны. Все думали, что они сестры. Тем более, что отчество у них было одинаковое.

Вера всегда мечтала о сестре. У нее было два брата, младший умер в блокаду в 1942 году. Теперь она считала, что у нее есть две сестренки – младшая и старшая.

Она посмотрела в окно. Поезд подъезжал к городу Луга. А потом нужно было почти два часа ехать автобусом до поселка, где она жила и работала. Это было место ее первой производственной практики.

Училась она легко. С преподавателями ладила со всеми, кроме преподавательницы по «Организации производства».

Татьяна Ивановна была прорабом на большой стройке. Возможно, производственник прекрасный, но как преподаватель – никакой. Все учащиеся так думали, но молчали, а Верочка высказалась прямо и... нажила врага.

Нина сказала:

– Тебе это было нужно? Зачем? Ведь ничего не изменилось. Вечно ты со своей правдой. Только себе вредишь.

На первую производственную практику Татьяна «законопатила» Веру на сто первый километр за Лугу. Там жили и работали, в основном, те, кто отсидел срок, но жить в Ленинграде не имел права сколько-то лет.

А вот и автобус. Верочка села у окошка, вспомнила, как месяц назад добиралась к месту своей практики в первый раз. Поселок оказался большим – дома добротные, бревенчатые. Леса-то кругом полно, да еще болота. Речка Кукса небольшая и, как оказалось, мелкая, воды в самом глубоком месте по пояс.

Хозяйку дома, где ее поселили, звали, как бабушку, Анной. А вот отчество заковыристое – Ануфриевна. Та сразу сказала:

– Ты, девочка, язык не ломай, зови меня тетя Аня, и все.

Жила она в этом большом доме с мужем, но он бывал здесь редко. Ездил по деревням, избы рубил, хороший был мастер.

Первое время Верочке пришлось, ох, как непросто! Начальник строительного участка, куда ее направили, увольнялся и собирался в город сдавать дела своему приемнику. Это был худощавый средних лет мужчина (Вере он показался совсем старым) с хрипловатым голосом и очень грустными глазами. Рассказал о себе, что жил и работал здесь, на сто первом, так как 25 лет отсидел за вредительство.

– Что же вы такого вредного сделали? – спросила она.

Он улыбнулся:

– Сделал я миллиоративную сеть для осушения болота, а она не заработала. Вот и осудили меня за то, что столько денег в землю закопал. За это строго спрашивали, да и сейчас по головке не гладят.

Начальник ввел Веру в курс дела, познакомил с рабочими.

– Придется тебе за мастера работать, уволили его – трактор в болоте утопил. А нового на его место пока не нашли. Не едут сюда работать добровольно.

– Как же я одна?

– Ничего, справишься. А через несколько дней придет новый начальник участка.

Эти «несколько дней» растянулись больше, чем на неделю. А трудности начались с первого рабочего дня. Здесь же в поселке работала группа топографов. Они проводили съемку и разбивку будущего канала. Он должен был пройти через лес к реке. Задача же строительного участка – подготовить трассу для съемки.

Корчевали лес прямой тягой – тросом (петлей) охватывали дерево, трос цепляли за трактор, и он выдергивал дерево с корнем.

Рано утром Верочка бежала к месту работы, распределяла по участку технику – трактора начинали работать. Но не успевала она дойти до дома, чтобы позавтракать, как наступала тишина – машины стояли. Приходилось возвращаться. Рабочие просто издевались над молоденькой практиканткой.

Вера не плакала. Нет, она вообще почти никогда не лила слезы, зато злилась.

Вот и теперь она злилась на всех – на начальников, которые ее бросили, на рабочих, на Татьяну, а больше всего

на себя. Решила не уходить с участка до обеда, хотя в конторе тоже были дела: наряды написать, с документацией поработать. Перекусить, наконец, не ходить же весь день голодной.

В первые же дни Верочка познакомилась с топографами и даже иногда помогала им, так как хорошо управлялась с нивелиром и теодолитом.

Во время корчевки часто обрывался трос. Когда он становился коротким, работать было опасно. Падающее дерево могло накрыть кабину трактора. Когда такое случилось, тракторист отказался продолжить работу:

– Давай, мастер, новый трос.

Нового не было. Его должен был привезти с базы начальник. Но где тот начальник? Вера не знала, что ей делать. Топографы подгоняли – давай трассу. У всех был план, и его нужно было выполнять. Стала уговаривать тракториста.

– Хорошо, гражданин начальник, давай покорчuem вместе, нарушим правила техники безопасности. Залезай в кабину.

Она залезла. Два часа работали благополучно, а потом их все же накрыло. Тракторист не пострадал, а ей большой веткой дерева ободрало плечо.

На другой день приехал, наконец, новый начальник. Молодой, после армии окончил институт, получил направление сюда, жил в Луге.

Потихоньку все налаживалось. Больше всего Веру радовало то, что после случая с коротким тросом, отношение к ней со стороны рабочих резко изменилось в лучшую сторону. Она вечно ходила с мокрыми ногами, так как своими короткими сапожками часто черпала воду в болоте.

Ох, уж это болото... Оно было кругом. На участке, где они работали, было посуше. И все же Верочка удивлялась

– как там растут такие большие деревья? Наверное, раньше выросли, а болото подошло сюда позже.

А комары! Их целые тучи! Рабочие во время обеда стали приглашать ее к костру, заставляли снять сапоги и чулки, сушили их на каких-то самодельных распялках. Угощали своей нехитрой едой.

Новый начальник ей понравился. Спокойный, деловой, с чувством юмора, что она очень ценила в людях. В поселке он устроился на квартире, а жена жила в Луге с родителями. Она ждала ребенка, но каждый выходной приезжала к мужу. Отчаянная была девушка! Совсем молодая, не на много старше Веры. Беременность свою переносила легко, ездила на велосипеде и однажды, когда они большой компанией шли к озеру, ухитрилась по пояс провалиться в болото. С тропинки сошла.

Дмитрий Николаевич – так звали нового начальника, вытаскивая жену из трясины, спросил:

– Ты что, в гости к водяному направилась?

Верочке они оба очень нравились. Она потом, уже из Ленинграда, долго обменивалась с ними письмами.

Местами развлечений в поселке она не интересовалась. Может, и был там клуб или еще что-то. Ее вполне устраивала компания топографов, а в их руководителя Сергея, кажется, влюбилась или была близка к этому. Вечерами собирались у них в доме, пели песни. Сергей неплохо играл на гитаре, рассказывал интересные истории из своей жизни. В выходные к ним присоединялись и Дима с Люсей. На озеро тоже ходили всей компанией.

Ночь у костра

В один из выходных дней они отдыхали у озера. Верочка очень любила воду. Где бы ни жила, для нее главное, чтобы были поблизости пруд, озеро или речка. Часто приходила

туда ночью, когда все уже спали. Воздух был прохладным, а вода теплая – нагревалась за день. Она полностью раздевалась и плавала не меньше часа. Какое это блаженство! Тело в воде теряло свой вес, вода обволакивала, как тончайший шелк. И если не было луны, в темноте казалось, что не плывешь, а плавно летишь по воздуху.

Как-то один из близких друзей попросился пойти с ней.

– Тебе, наверное, страшно одной. Я на берегу посижу.

Она рассмеялась:

– Нет ведь никого! Кого бояться? А если кто появится, скорее, меня испугается. Подумает, русалка: как бы не утопила.

Вера была уже на середине реки, когда почувствовала, как кто-то дернул ее за ногу. Она сразу догадалась:

– Что, дружок, напугать решил?

И он тут же получил пяткой в лоб. Вот так-то.

Пару дней дулась на него, а потом махнула рукой. Не умела долго обижаться. Да и за что? Подумаешь, хотел немного напугать!

Вообще, она была не из пугливых, и реакция на испуг у нее была странная. Верочка не кричала, а теряла голос, просто немела. Однажды в Данкове, в Липецкой области, училась она уже в девятом классе, шла с подружкой Риммой домой через железнодорожную станцию, вдруг схватил их в охапку огромный детина, он там грузчиком работал, говорили, что глухонемой.

Римма так завизжала, что он сразу руки разжал. Вера даже усомнилась – глухой ли он? Может, только немой? Сама же она несколько минут слова вымолвить не могла.

Так вот, на том озере, куда они пришли большой компанией – начальник участка Дмитрий Николаевич, его жена Люся, Сергей и другие ребята-топографы –

Верочка еще ни разу не искупалась. Берега заболочены, только самая середина чистая. А как туда добраться? В этот раз нашли у самого берега старую лодчонку, мохом уже обросла. Испытали. Вроде не протекает. В путь отправились самые смелые. И шестом отталкивались, и руками гребли, весел-то нет. Добрались до чистой воды. Дмитрий Николаевич говорит:

– Иди, плавай, а я воздержусь, что-то не привлекает меня эта ванна.

Нырнула, поплавала – никакого удовольствия, вода тинной пахнет и места маловато. В лодку еле забралась, чуть не перевернулись. Пока добрались до берега, в лодке уже вода появилась.

– Ну что, убедилась? Негде здесь плавать. Речушка мелкая, а это просто лужа болотная. Сырость одна кругом, а хорошей воды нет, даже порыбачить негде.

Посидели еще немного, поболтали, доели шашлыки и картошку печеную, комаров покормили. Вот уж достали! Рады, что живой корм появился, лезут и дыма не боятся. Только бы кровушки напиться. Это все самки, они без этого потомство произвести не могут. А мужики у них не кровожадные.

Но вот, наконец, собрались домой, костер залили, двинулись в обратный путь. Верочка задержалась:

– Я сейчас. Костер плохо затушили, сейчас еще залью.

Побежала к реке с маленьким ведерком. Боялась она лесных пожаров. Очень это страшно. Видела однажды в горах. Быстро залила костер и бросилась догонять друзей. Только в лесу никого не было.

«Наверное, не в ту сторону пошла», – подумала она и повернула в другую, начала звать. Никто не ответил. Она

запаниковала. Ориентиров никаких – лес и все, ни просеки, ни тропинки. Кидалась из стороны в сторону, по солнцу ориентироваться не умела. Да и где оно, то солнце, зашло уже.

В лесу быстро темнело. «Придется, видно, ждать утра». Нашла местечко посуше и посвободнее. Пока еще видно, набрала побольше хвороста, еловых веток наломала, немного сухого мха для растопки.

В кармане были спички и пачка сигарет «Бокс». Курила их тетя Шура, бабушкина подруга, и называла «смерть мухам» из-за отвратительного запаха и едкого дыма. Они были самые дешевые, а на дорогие денег у нее не было. Тетя Шура сунула пачку Верочке в чемодан, когда та уезжала на практику.

– Комаров будешь отпугивать.

Бабушка тоже иногда курила. Она закурила еще в гражданскую войну, тогда в Петрограде был голод, а потом в блокаду. Говорят, есть не хочется, когда куришь. Вера редко поддерживала компанию. На их курсе никто не курил, даже ребята (если только втихаря), не говоря уж о девчонках. Не модно это было.

Верочка разожгла костер, устроила себе сиденье из ведерка и даже подымила, чтобы отогнать комаров. Толку никакого. Бросила в костер несколько сырых еловых веток. Другое дело! Вот это дымок!

Комаров в лесу вроде меньше, чем у озера, но тоже хватает. Хорошо, что она в брюках, в сапогах и в плотной курточке. Устроилась удобней, и как всегда, когда куда-то ехала или сидела, чего-то ждала, настроила себя на волну воспоминаний. Вернее, она даже не вспоминала, а перелистывала книжку с картинками из своего прошлого – далекого и не очень.

После войны опять Средняя Азия, новое место работы отца. Чуйская долина, Большой Чуйский канал. Он зарос

камышом и травой, а сазанов столько, что трава шевелится. Отсюда 50 километров до горного озера Иссык-куль. Примерно столько же до города Фрунзе – столицы Киргизии.

Озеро красивое и, как почти у каждого – красивая легенда. Девушка у источника задумалась о погибшем возлюбленном и своими слезами затопила город... Или что-то в этом духе. Когда плывешь на лодке по озеру Иссык-куль, сквозь прозрачную воду, действительно, виднеется что-то, напоминающее развалины. Только, скорее всего, это застывшая лава. Возможно, озеро образовалось после извержения вулкана.

У озера Байкал, где она прожила почти месяц перед отъездом в Ленинград, тоже есть легенда. В это озеро триста одна горная речка втекала. А одна из сибирских рек – любимая дочь Байкала Ангара – взяла да убежала к красавцу Енисею. В сердцах седой Байкал отломил кусок скалы и бросил ей вслед, но дорогу не перекрыл. Убежала Ангара, а камень и по сей день лежит, называют его почему-то Шаман-камень.

И снова память привела Верочку в загадочную страну Киргизию. Долина, в которой находился поселок, окружали горы. Она никогда еще не жила в таком месте. Утром первые лучи рассвета, казалось, брызгали в голубое небо из-за темных вершин. А закаты! Какие краски! Багряно-красные, фиолетовые, сиреневые полосы на вечернем темно-голубом небе. А иногда на этом фоне – облака, подкрашенные заходящими лучами в розовый цвет. И каждый вечер по-разному. В такие минуты хотелось рисовать, но красок у нее не было, а про фотоаппарат она тогда еще и не слыхала.

Здесь в поселке Вера закончила четвертый класс. Запомнились учитель музыки Ян Янович Тырва и его дочь

Лейли Яновна. Он играл на скрипке, она на гитаре. Их семью выслали сюда из Таллинна.

И еще картинка. Отец уехал в какую-то дальнюю длительную командировку. Мама заболела – сперва был приступ малярии, а потом вернулась депрессия, которой она страдала после войны. Мама сидела, уставившись в одну точку, отказывалась от еды, вспоминала умершего в блокаду младшего сына и говорила, что хочет умереть. Хотели вызвать врача, но она не разрешала.

Вера с братом очень переживали. Когда маме стало совсем плохо, она привела в дом фельдшера, врача в поселке не было. Тот договорился где-то с шофером грузовой машины, и маму увезли во Фрунзе, в больницу.

И снова, как когда-то в ауле, куда их привезли из Ленинграда во время войны, осталась она за хозяйку. Но теперь было легче, ведь ей уже не семь, а одиннадцать лет. Правда, хозяйство большое – корова недавно отелилась, несколько овец, пять кур и козочка Розочка, которую ей подарили, да еще щенок Динго.

Соседки ей помогали. Одна – тетя Груша – доила корову, другая – Анна Николаевна, жена главного агронома – перегоняла молоко через сепаратор. Из сливок получалась сметана. А перегоним, его еще обратом называли, Верочка поила теленка. Дело это оказалось не простым. Он не пил из ведерка, пока ей не подсказали, что нужно сделать.

– Опusti руку в ведро с молоком, разожми ему губы, палец в рот. Молоко попадет на язык – он сразу начнет сосать.

У нее получилось. Молоко теленок высасывал. Но иногда, пока сосал, толкал ведро, как вымя. И бывало, что Вера летела на землю вместе с этим ведром и молоком.

– Ну вот, теперь до следующего кормления терпи, не будешь толкаться.

А еще теленок сжевал ее юбку, что висела на веревке близко к месту, где он был привязан.

Овец и козочку Вера отправила со стадом в горы. Чабан угонял их почти на все лето. Обрато многие животные возвращались с приплодом. А ей по возвращении стада пастух сказал:

– Твой Розка холостой остался.

Она не расстроилась. Козочка поправилась и стала еще более игривой. От нее Вера научилась сбегать с крутых горок. Розочка бежала не прямо, а прыгала то в одну, то в другую сторону. И ее маленькая хозяйка тоже попробовала менять направление – бежать зигзагом. Хорошо получилось. Теперь она не боялась упасть.

Питались они с братиком отлично. Хлеб покупала в магазине, сметана была. Мешок сахара стоял в углу кладовой. Арбузы, дыни, фрукты и овощи главный агроном, их сосед, разрешил брать из совхозного сада-огорода.

Что-то она и варила. Печку топить и где топливо брать ее еще в войну в ауле научили. Дров здесь не было, топили кизяком. Это рубленая солома, смешанная с навозом. Набивали в форму – такие носилки, разделенные досками на шесть прямоугольников, без дна. Их клали на землю, наполняли приготовленной смесью и поднимали форму. На земле оставались кирпичики. Они высыхали на солнце, их складывали пирамидками, а зимой топили печи.

И еще рогульки. Сахарную свеклу высаживали на семена, как морковь. Когда семена вызревали, их срезали. Стебли были длинные, и часть их оставалась на свекле. Это и были рогульки. Когда свеклу выкапывали, их обрубали и сушили. Очень хорошо они горели. А из золы (ее насыпали в мешочек из плотной ткани и варили в кипятке) получался щелок. В нем можно было стирать белье, ведь мыла в войну было не достать. А еще свекла шла на корм скоту, жом из нее делали.

Дома здесь были построены из самана. Саманные кирпичи изготавливали таким же способом, как топливо для печей. Только наполнитель был другой – в основном, глина. Сушили на солнце и, по-видимому, никакой другой обработки они не проходили.

Когда Верочка с тетей Грушей подходили к огромной куче свеклы, чтобы обрубить эти гульки-рогоульки, ей становилось страшновато. Но тетя Груша всегда говорила:

– Ничего, девочка! Глазки пугают, а руки делают. А когда сделают, и глазам смотреть приятно.

... Костер догорал, Вера подбросила еще хвороста. «И зачем мне вся эта ерунда лезет в голову? – подумала она. – Наверное, от безделья. Сижу здесь на этом дурацком ведре, ничего не делаю».

Сама виновата, говорил ей Дима – оставь ты этот костер, сам потухнет, кругом такая мокротень. Упертая она какая-то. Может, потому, что слишком рано стала сама все решать. Не всегда правильно, но сама. Подсказать часто было некому.

Темно и тихо. В лесу очень тихо, когда нет ветра. Ей совсем не было страшно. А кого бояться? Сколько она здесь, и ни разу никакая живность не встречалась. Вот недавно сова пролетела, ухнула. На кого охотится? Если на птичек, так они спят, а мышей здесь нет.

Ну, и что там дальше, в ее маленьком прошлом?

Вернулся отец, привез из города маму, а ее отправил со знакомыми в Москву, к брату. Верочка очень болела. Трепала лихорадка. Видно, в ауле малярийный комар укусил. Хина и уколы не помогали. Она была худая и желтая, как лимон. Селезенка сильно увеличилась. Врач предупредил:

– Операцию придется делать, а лучше смените климат на резко-континентальный, здесь она не выживет.

Вот и поехала она в Москву. Там ее особенно и не лечили, а лихорадка больше не трепала. Никогда.

Те почти два года, что Верочка жила в Москве, были самыми прекрасными в ее детстве. Она училась в женской школе, у нее появилась замечательная подружка, с тетей Симой они ходили на детские спектакли в Большой театр, в цирк, в парк ЦПКО. Дядя Боря преподавал в академии. У него была большая коллекция марок. Собирал ее с юношеских лет, переписывался с филателистами разных стран. А еще у дяди Бори была хорошая библиотека, Вера очень любила читать. Нанял он для своей племянницы и преподавателя французского языка. До этого она училась в разных школах, где-то иностранный учили в начальных классах, а где-то только с пятого. Верочка, пришла в московскую школу в пятый класс, а французский здесь изучали с третьего класса, пришлось догонять.

Все было хорошо, но... Ох, уж это «но»! В конце 1948 года или в начале следующего, точно уже не помнила, грянула денежная реформа. Это была первая реформа после войны. За четыре военных года появилось много фальшивых денег. Печатали их фальшивомонетчики и немцы. А вторая причина – денег было много, и они совершенно обесценились. Меняли один к десяти. За десять рублей получали один рубль, за сто – десять. Один к одному меняли только до трех тысяч, к тому же, если они лежали на сберкнижке.

Сдавать деньги на обмен несли целыми мешками. А как меняли мелочь, Вера и не знала. При этой реформе цены на товары не менялись. Ажиотаж был полнейший. С полок сметали все, даже то, что лежало годами, и было уже ненужным. Например, седла и упряжь. В деревне это востребованная вещь, а уж в городе давно нет ни конок,

ни извозчиков, ни карет. И все равно хватали. Ведь сегодня это стоило сто рублей, и завтра цена будет та же, только в твоём кошельке сто рублей завтра превратятся в десять.

При таком раскладе Верочкины родители не могли присылать деньги, и ей пришлось вернуться в дом родной. А находился он уже в Тамбовской области, в Шулгинском районе. Там она и закончила шестой класс.

В поселке, где они жили, школа только до четвертого класса, а после топай в районную за шесть километров. Все полем, бескрайним полем. Летом в обход через железнодорожный мост, а зимой через замерзшую речку. Ориентир один – копна сена где-то на середине пути. Таких школяр-бедолаг было человек пять-шесть. Выходили рано, еще не было четырех утра. Летом, ладно, светает уже, а зимой... К полю подходишь, на горизонте чуть-чуть светлее, только светлота эта с чернотой сливается. И висит в ней большая яркая звезда. Только не яркая она, а просто золотая. Была бы яркая, то хоть немного светила бы путникам. Шли друг за другом протоптанной тропкой. Однажды зимой вышли – вроде тихо, чуть поземка метет. Не прошли и половины пути, такая метель началась, в двух шагах ничего не видно, снег глаза залепляет, не открыть.

Шли близко друг к другу. И так уж случилось, отстала Верочка на несколько шагов, последняя шла. И все, никого рядом нет, закрутило ее в каком-то белом штопоре. Крика не слышно, с тропы сбилась, снег выше валенок. Упала и кричать перестала, все равно никто не услышит. Холодно, свернулась клубком, и даже спать захотелось.

И тут вспомнила, как Дарья в поэме Некрасова «Мороз Красный нос» замерзала. Нет, вставать нужно. Выбралась с трудом на тропку. Ребята далеко не ушли, вернулись, нашли ее, непутевую. Пришли в школу, а она закрыта. Местные в такую метель побоялись нос из дома высунуть.

Вечно с ней что-то приключается. Недавно на уроке физкультуры играли в мяч на льду реки, не на коньках, на них мало кто умел, да и кто умел, коньков не было. Мяч на берег укатился, Верочка побежала за ним – он в снежной ямке лежал. Потянулась и... провалилась по грудь в ледяную воду. Оказалось, там был старый колодец, засыпанный снегом. Вытаскивали ее всем классом во главе с преподавателем. Он больше всех волновался – не пришлось бы отвечать. Тащили, как репку, друг за друга держались.

Намокла, тяжелая стала – полные валенки воды. Побежали в ближайший дом, к однокласснице Нине Леоновой. Мороз, пока добрались, Вера вся обледенела. Ниночкина мама раздела ее, натерла самогонкой, глоточек заставила выпить. Потом напоила чаем с медом, одела в теплое и на русскую печку посадила, а мокрые валенки в печку зачихала.

Вечером домой в подружкиной одежде пошла, а валенки недосохшие под мышку сунула. Домой пришла, отец спрашивает:

- И что это значит?
- В колодец провалилась.
- Смотри, не заболей!

Только и всего. Мама на ночь теплым молоком с медом напоила. Ничего, все обошлось.

А раз обещала мальчишкам, что по первому льду речку перейдет. Страшно было – лед прогибался, потрескивал, перешла. Как же, раз сказала, должна сделать, это дело чести. Честь, честь, начиталась старинных романов. Вот провалилась бы под лед, и кому эта честь была бы нужна... Глупая она, и характер у нее отвратительный. Хотя отец говорит, что у детей характеров и нервов не бывает, рано еще. Хорошо, мама так не думает.

Верочка опять подбросила сучьев в костер, плотней запахла курточку. Становилось прохладно, скоро рассвет. Интересно, а комары спят когда-нибудь? Ладно, какая там следующая картинка.

Да, пруд... Чудный пруд был в этом поселке. Как-то нашла там слепого гусенка, когда купалась поздно вечером. Вырастила его. Большой гусь вырос, потом плавали вместе.

И что ее так вода притягивает? Может, она по гороскопу не Близнец, а Рыба, Скорпион или, может, Рак? С ней вообще что-то не так, вот и имя, она точно знает, что она Вера, а при рождении ей другое имя дали. И второго при крещении она не получила, так как день ее рождения совпадал с днем Ангела (именины отмечают). Конечно, все родные и близкие называют ее этим именем. Но при знакомстве со случайными людьми или с теми, с кем после не придется встречаться, как вот сейчас, на практике, она называет себя Верой.

Иногда сны ей снятся, как говорят, вещие. Только их не надо рассказывать. Что увидит, то и произойдет с ней очень скоро. Бывает, смотрит на человека и чувствует – с ним должно случиться что-то плохое. Или смотрит кому-нибудь вслед и знает, сейчас он споткнется. И это происходит.

Когда жили еще в Чуйской долине, соседи Верочки занимались спиритизмом. Один раз пригласили ее – блюдце так хорошо двигалось, что каждый вечер стали приглашать, говорили:

– Ты хороший медиум, или проводник.

Что это значит, Верочка не знала, а как все делается, запомнила. Уже в Данкове, в девятом классе, уговорила подружку Римму:

– Давай узнаем, какие билеты нам на экзамене достанутся.

– А как это?

– Приходи ко мне, узнаешь.

Римма пришла, еще светло было. Занавесили плотно окно, расчертили большой лист ватмана так, как надо – в середине круг для блюдечка, с одной стороны клетки с буквами, с другой – цифры до десяти. Потом, тоже в клетках, написали разные простые слова: да, нет, здравствуйте, до свидания, умрет, найдет... Свечку зажгли, на блюде стрелку нарисовали, в середину шлепнули. Пальцы приложили, вызвали Пушкина А.С.

Подождали. Задвигалось блюдечко. Верочка тогда первая спросила: «Какой мне завтра билет достанется?» Он две цифры показал – 3 и 1. Римма задала вопрос, а он ругаться начал, потом показал двойку и ноль. И ушел. Остановилось блюдечко.

Стали думать. С Риммой все ясно – номер 20. А Ей? Первый? Третий? Или тридцать первый? Выучила все три, а достался номер 13. Почему сразу о нем не подумала? Ведь это ее счастливое число. Все самое значимое в жизни происходило именно тринадцатого. И родилась она тоже тринадцатого.

А подружке достался билет номер 25. Вот вам и Пушкин!

Они с Риммой любили мистику. Ее мама работала на железной дороге и часто уезжала. Жили они рядом со станцией. Когда она оставалась одна, Вера к ней ночевать приходила. Было у них небольшое хозяйство во дворе – несколько кур и козочки.

Вера приносила с собой старинную книгу со страшными историями о привидениях. В одну из таких ночей, когда Вера вышла в туалет (он был во дворе) и возвращалась

обратно, она вдруг увидела настоящее привидение. Высокое, белое, слегка покачиваясь, оно вышло из-за угла дома. Не помня себя от страха, она пулей понеслась к дверям веранды, но захлопнуть их не успела. На пороге появилась Римма, она так хохотала, что, наверное, все соседи проснулись. Завернувшись в большую простыню, которая раньше была у нее на поднятых руках, Римма продолжала безудержно хохотать.

Верочка любила ее смех, звонкий, как колокольчик. Но сейчас она еще не опомнилась от страха:

– Ну, ты даешь! – и сама засмеялась.

– Значит, испугалась?

– Еще как!

– Ладно, идем, я тебя козьим молоком напою.

– Не пью я козье. Раз угостили – не понравилось.

– Наше понравится.

Она полезла в погреб, достала кринку с молоком.

– Пей прямо из кринки, вкуснее.

Вера отпила глоток. Холодное, густое и совсем не похожее на то, которым ее когда-то угощали.

– Ну что?

– Вкусно!

– Я же говорила.

Была у Веры еще одна подружка – Тоня. Но уж очень серьезная. Круглая отличница, на медаль «шла». С ней не больно повеселишься. А с Риммой они чудили, гуляли в лесу, на речке ребят окунали с головой, когда они того заслуживали. Плавала она тоже очень здорово. А ее мама, тетя Клава, могла всю речку «перенырнуть» – под водой проплыть с берега на берег.

Праздники тоже в одной компании встречали. Только Верочка не очень могла вино пить. Как-то на Новый

год выпила бокал и почувствовала – поехала ее голова. Скорее на улицу. До лесопосадок дошла, легла на сугроб, руки раскинула, на звезды посмотрела и... заснула. Хорошо, мороз был небольшой, и полушубок на ней овчинный, теплый. Проснулась: «Где я?» Скорее домой. Зашла в подъезд, на второй этаж поднялась, стала открывать дверь – ключ не открывает. Присмотрелась – дверь чужая, да и подъезд чужой. А может и дом? Сразу протрезвела.

Летом, в августе, старшие классы всегда работали в колхозе – хлеб убирали. Ей нравилось работать на току. Зерно лопатили, насыпали в мешки, ребята мешки на машины грузили, везли на элеватор.

Кормили их в деревенских домах. Хозяйки старались накормить работничков повкуснее. Обедали бригадами человек по пять. Хозяйка ставила большую миску тушеной картошки с мясом. Во второй миске окрошку из мучного деревенского кваса. А хлеб – круглый ржаной каравай.

Если еды казалось маловато, Вера с Риммой могли и подшутить. Ловили маленькую бабочку, типа моли, и пускали ее в окрошку «поплавать». Брезгливые сразу уходили, просить другую порцию, а остальные удаляли из окрошки «пловчиху» и уплетали, аж за ушами трещало.

Домой все возвращались загорелые, а некоторые и потолстевшие. Поесть Верочка любила. Она много чего любила – бродить по лесу, собирать грибы (но не ягоды), плавать, танцевать. За их домом был небольшой парк с танцплощадкой. В кино ходили редко. Душно там в зале. Рисовать любила. А больше всего – читать.

Хорошо, летом ходить в школу не надо. Вечером танцевала, ночью гуляла с мальчиками, плавала. Домой приходила под утро, тихонько открывала дверь своим ключом.

Никто никогда и не просыпался. Шла сразу на кухню, накладывала в тарелку то, что было в кастрюле. Если там было немного, то ела прямо из кастрюли. И читала. Когда родители вставали на работу, ложилась спать.

Спала Вера очень мало. Брала книгу и шла на речку. Купалась, загорала и читала. Еще в пятом классе в Москве, когда жила у дяди, прочла Тургенева, Гоголя, Пушкина, Некрасова. А позже, уже в восьмом-девятом классах – всего Льва Толстого, Алексея Толстого, Гончарова. «Тихий Дон» Шолохова. Стихи она любила все и всех поэтов. А особенно исторические романы, историю России. Подружка Тоня познакомила ее с женщиной, у которой было много старых книг. И та давала их читать. Из них Верочка узнала о временах Петра Второго. Нигде раньше об этом не читала.

Читала и иностранную литературу, в библиотеке брала книги советских писателей. Как-то ей попались рукописные эпиграммы со второго съезда писателей, там были такие строчки:

От первого (в смысле съезда) до второго,
Как от Горького до Суркова.

Максим Горький открывал первый съезд писателей, а Сурков – второй.

И еще: «Прочел читатель заново большой роман Золя. Потом прочел Саянова – Небо и Земля».

Верочка была совершенно с этим не согласна. Читала она роман «Небо и земля». Очень понравилась эта книга о летчиках. История авиации России с самого ее начала.

И вот они закончили десятый класс в Данкове. Тоня поступила в Москве в училище аэрофотосъемки. Римма тоже в Москве, учится в библиотечном. Вышла замуж за парня, который приезжал в Данков на практику, когда они еще учились.

У самой Веры с поступлением в художественное не получилось. Вернулась в Данков, пошла работать на химзавод. Проработала год и уволилась, уехала с мамой и братом в Сибирь, на новое место работы отца. Однако отношения с отцом не складывались. Однажды она серьезно поссорилась с ним и с братом. Ушла из дома и всю ночь бродила по городку. Во время своей ночной прогулки познакомилась с молодым парнем. Он остановил ее и спросил:

– У тебя что-то случилось?

– Случилось. Уехать хочу, а куда еще не решила. Или к подружке во Владивосток, в Москве в одном классе учились, или к бабушке в Ленинград.

– Лет-то тебе сколько?

– Скоро восемнадцать будет.

– Езжай-ка ты лучше к бабушке.

Всю ночь Вера проговорила с незнакомым ей человеком. Кто он, откуда, не спросила. Только и знала – зовут Володей. Она не боялась людей, ее еще никто никогда не обидел. Вернулась домой и попросила добавить ей денег на дорогу, своих было немного – остались от расчета, когда с завода увольнялась.

Ей иногда казалось, что в семье ее просто не замечают. Гуляет ли она ночью, или рисует до утра какие-то наглядные пособия для школы. Иногда по неделе в школе не появлялась. Родителей тогда в школу не вызывали по поводу и без повода, как теперь. Брат, он на год ее моложе, до утра не гулял, но тоже приходил уже поздно. И тоже никто не спрашивал, где был, чем занимается, с кем дружит. Разве, если придет с подбитым глазом, спросят, с кем отношения выяснял. Родители никогда не ждали их возвращения, спокойно ложились спать. Верочка думала, что они считали своих детей взрослыми и не без царя в голове.

Отец, слегка мрачноватый, часто уезжал в длительные командировки. Говорил он командирским голосом, но иногда брал ее на ночную рыбалку или на охоту, научил хорошо стрелять. Рыболов и охотник был страстный. Всегда держал охотничью собаку. Сам из дворянского рода, никогда ни в какую партию не вступал. Его отца, военного священника, расстреляли в 1918 году. Самого перед самой войной чуть было не шлепнули – спасибо, начальство командировало в Магадан. На службе ценили его, как хорошего профессионала. Не нравилась отцу власть советская. Часто возмущался:

– Довели большевички Россию.

Россию он любил, это Верочка точно знала. Ведь Россия – это не власть, это ее народ. Она тоже любила свою родину, гордилась, что родилась в России. Бабушка говорила, что Россию сама Богородица бережет и защищает.

В революцию никто из родных отца, во всяком случае, те, кого она знала, не уехал за границу.

До Москвы Вера доехала без приключений. Надо же! А из Москвы билет взяла на «Стрелу» – самый быстрый поезд до Ленинграда. Место сидячее. Устроилась за столиком у окошка. Напротив сел высокий молодой человек с «интересной бледностью» и красивыми руками. Пальцы длинные, тонкие, про такие говорят – музыкальные. Вещей никаких нет. Помог Вере чемодан забросить на верхнюю полку.

Разговорились. Оказалось, едет домой с Колымы. Отбывал там срок, три года. В основном, шоферил. Осудили за хранение оружия и сопротивление при задержании. Арестовали его у церкви.

– Какой? – спросила Верочка.

Когда ответил, она удивилась:

– Это же недалеко от моей Моховой. Меня бабушка туда на первое причастие водила.

– Да, да, именно там меня и задержали.

Он взглянул в окно:

– Ну, вот мы и приехали.

Потом взял ее чемодан и первым вышел из вагона. Народу на перроне было много, и Вера сразу потеряла своего недавнего попутчика. Встала в сторонке, решила подождать. Плохих мыслей не было, она почему-то всем всегда верила. Потому и Вера. Вскоре он подошел к ней, протянул номерок.

– Сдал твой багаж в камеру хранения. Тебе куда?

Назвала адрес.

– Идем, на трамвай посажу. Зовут тебя как?

– Вера.

– А я Юра.

Она рассмеялась:

– Наконец-то познакомились и года не прошло.

На другой день рано утром зазвенел колокольчик.

– Кого это несет в такую рань? Наверное, мальчишки балуются. Сейчас я им устрою, – схватила веник и прямо в пижаме помчалась в коридор.

Открыла дверь и обалдела. На пороге стояли два парня – высоченные, в кожаных пальто. Один из них держал огромный букет сирени.

– Ой, Юра, ты?

– Я. А это мой брат. Держи, – он протянул Верочке цветы. – У тебя ведь день рождения?

– Скоро будет.

Сирень всегда расцветала к этому дню.

– А веник зачем? С шабаша, что ли, прилетела? Одевайся, поехали на вокзал за твоим приданым.

Вера поспешно бросила веник в угол:

– Ребята, подождите на улице, а то в моих апартаментах вы не поместитесь. Я быстро.

После этого неожиданного визита Юра стал иногда приезжать. И после занятий они до поздней ночи бродили по городу. Вера ничего не расспрашивала о его семье. Знала только, что кроме брата есть еще сестра, и что он собирается поступать в музыкальное училище. Судя по всему, семья была интеллигентная. Юра ей очень нравился. Это была не всегдашняя ее сумасшедшая влюбленность, которая быстро проходила. Юра был старше, с ним было спокойно, хорошо. Относился он к Верочке, как к ребенку, заботился, в чем-то наставлял, предупреждал. И, как ни странно, ей это нравилось.

– У тебя такая сумка, что в один момент можно остаться без стипендии, – говорил Юра.

Сумка действительно была «не подарок». Ручка закреплена по центру одной стороны, если расстегнуть замок, вторая сторона отваливалась сама – бери, что хочешь.

– Не ношу я деньги в сумке.

– А где? В кармане? За пазухой?

– Не скажу.

– Боишься?

– Вот еще! В портфеле ношу, с тетрадями.

– Понятно.

Теперь он знал ее настоящее имя.

– Хорошее имя.

– Может, и хорошее, но не мое.

– Кто еще знает?

– Никто. Тебе тогда сказала, потому что думала – никогда больше не увидимся.

– Ну, и фантазерка ты!

Провожал он ее только до ворот дома, дальше она не разрешала. Ребята со двора недавно закатили скандал. Ждали трое прямо у дверей квартиры.

– И долго ты будешь всяких фраеров в наш двор водить?

– Чего? Может, еще будите указывать, с кем мне встречаться?

– С нашими.

– Какими «нашими»? Вы со всеми воюете. С Чайковской, с Марата, хотя эта улица от нас, ой, как далеко. Нигде такого не встречала, только в книжках читала, как раньше улица с улицей на кулачки дралась.

– Не хотим, чтобы девчонки с нашего двора чужаков сюда водили. Своих хватает.

– Это вы что ли? Да мы все здесь, как родные, с рождения друг друга знаем. А с родными не встречаются. Не знаете разве?

– Ладно, хватит. Мы тебя предупредили, а то...

– А то – что?

– Дружков твоих будем предупреждать.

– Да пошли вы все!

Хлопнула дверь, но чтобы не скандалить, ходила через проходной двор или разрешала себя провожать только до ворот.

Интересно, скучает ли Юра без нее? Знает, что она на практике. Когда уезжала, просил – будь там осторожней. Обещала.

... Рассветало. Костер почти потух. Хоть и сыро здесь, а затушить его надо хорошо. Впервые видела пожар в Киргизии, в Чуйской долине. Деревья вспыхивали, как факелы, там ведь жара, сухо. Вся живность убегает, а сколько гибнет!

Там же и с землетрясениями познакомилась. Трясло часто, толчки бывали сильные. Табуретки в доме качаются.

А как-то ночью брат с кровати упал. Отец говорил, что в одноэтажных зданиях нужно в углы вставать. Когда падает труба, в доме проваливается центр потолка. А на улице надо держаться дальше от высоких объектов, на свободном пространстве. Слава Богу, здесь такого не бывает.

Верочка наковыряла земли, забросала и затоптала горячие угли. Все, надо идти дорогу искать. Долго еще плутала по лесу, пока что-то похожее на просеку обнаружила. По ней, наконец-то, вышла из леса. Даже не верилось! А куда вышла, пока не ясно.

Сто первый километр

Поднялась на пригорок. Вот и поселок. Только с другой стороны. Белый, густой, как молоко, туман с болота медленно полз по земле. Скорее, скорее домой! Только сейчас почувствовала, как продрогла.

– Боже мой, где же ты была? – тетя Аня стояла на крыльце.

– В лесу заблудилась.

– Ребята с Сергеем дотемна тебя искали. А сегодня, ни свет, ни заря, он опять в лес ушел. Баньку я истопила, только холодной воды в кадку надо наносить. Зови Люсю, она к Диме приехала. Попаритесь, отогреетесь. А пока чайку горячего выпей.

Вера вошла в дом, села в кухне за стол и выглянула в окно. К дому подходил Сергей. Он погрозил ей кулаком и пошел к себе. Теперь будет дуться на нее. Но ничего, отгадет.

Она допила чай, взяла ведро и пошла к бане. По всему берегу этой крохотной речушки Куксы, как грибы, раскинулись баньки. Обычно, напарившись, мужчины выскакивали и ныряли... Нет, какое там ныряли, плюхались в речку, в которую опускался лишь живот, а все остальное

красовалось сверху. Смех да и только! Зимой другое дело. Можно было «нырнуть» в снежный сугроб.

Топились все баньки по-черному. И только у Анны Ануфриевны она была настоящая – муж ее, Кошкин, постарался. Печь с трубой, с емкостью для нагрева воды, обложена камнем. Камни нагревались, плеснешь ковш водички – и на полок.

Она любила попариться. Пару так поддаст, что кто слабоват, скатывался с полка и холодной водой из кадки обливался. Здесь в поселке кадкой или кадушкой бочки называли. А то в воронку от бомбы окунались, она рядом с баней была – полная воды, как маленькое озерко.

Вот из этого «озерка» Верочка и решила наносить воды в кадку. Речка-то дальше, а она подустала немного после бессонной ночи. Потом за Люсей пошла. Начальник участка шуточкой встретил:

– Ну, как тебе с волками ночевалось?

– А есть ли они здесь? Что-то ни один не навестил. Сова только раз и пролетела. Вот в Тамбовской области настоящие волки были – тамбовские. Зимой в поселок забегали, овец резали, ягнят уносили. В поле не раз их видели, когда в школу шли.

– Ты и там была?

– Была. Где я только не была. Пошли, Людмила, помоешься. А после я попарюсь. Так ночью замерзла – просто ужас, погреть-то было некому, только костер, и то большой не разжигала.

Пришли в баню, разделись. Верочка посмотрела на Люсю. Ей, наверное, родить скоро, какая парилка. Так, слегка водичкой теплой облиться. Стали голову в тазу мыть, а Люся как закричит:

– А это что? Что это такое?

Присмотрелась Вера (в бане темновато было) – батюшки! Головастики! Свою голову пощупала, у нее в волосах то же самое.

Да, вот она – лень-матушка! Наносила водички из воронки!

– Подожди, сейчас воду принесу.

Надела купальник, подхватила ведерко и к реке.

Вечером тетя Аня посмеялась от души.

– И все ты, девочка, что-нибудь выкинешь, как мой Кошкин.

Вера вспомнила, Юра на этот счет по-другому говорил: «Вечно ищешь приключений на одно место».

А Кошкин – это муж Анны Ануфриевны. Вернется с заработков и начинает чудить. Выпьет и игру в кошки-мышки затеет. Тетя Аня маленькая, скамеечку подставит и через печку в другую комнату. Он – туда, она – обратно. Как-то взяла дверь закрыла – пусть на сеновале ночует. Села она с Верочкой чай пить на кухне, вдруг смотрит – коврик на полу поднимается. Не захотел муженек на сене спать и через подвал заявился – со двора был ход в подполье.

А недавно Вера немного простыла. Тетя Аня напоила ее молоком с медом и уложила на свою кровать – полежать на перинке, погреться. Только задремала, лезет кто-то под одеяло. Кошкин! Когда понял, к кому лезет, со страху в открытое окно в одних подштанниках выпрыгнул. Соседи увидели, спрашивают потом:

– Что у вас случилось? Думали, пожар, а дыма, вроде, нет.

После бани Веру всегда ждал вкусный обед – борщ, блины с молочком, томленным в печке, и любимый Верин салат. Рецепт простой, а вкусно! Холодную вареную картошку порезать кубиками, зеленый лук, посолить и с густой сметанкой перемешать. За уши не оттащишь!

Надо сказать, что ее хозяйка могла приготовить даже французские блюда. До революции жила в Петербурге, в очень состоятельной семье. С детства стала инвалидом. Упала, повредила позвоночник. Горб не вырос, но и она сама не выросла. Была какая-то квадратная, при своем маленьком росте сильно сутулилась. Но красотой Бог не обидел. Глаза огромные, голубые, как небо. Ресницы темные, а две косы золотые – до пола.

Замуж ее отдали рано – еще семнадцати не было. Взял ее в жены очень хороший человек. Не из-за денег, хотя отец хорошее приданое дал. Любил он Анну. Детей у них не было, и прожили они совсем недолго. Был он владельцем табачной фабрики. Началась революция, фабрику отобрали, а хозяина в тачку да в Неву. Их семью сюда выслали, на сто первый километр. С тех пор и живет здесь. С Кошкиным, с козами и курами. Родителей уже давно нет.

Молочко ее козы дают вкусное. Оказывается, когда козу покупаешь, надо молоко попробовать, бывает, оно и невкусное. О пользе козьего молока легенды ходят. В топографической группе паренек молодой, как и Вера, каждое утро берет у тети Ани пол-литровую банку молока. Туберкулез у него.

А еще Вера на завтрак выпивает два сырых яйца. В общем, все у нее хорошо, и жить здесь очень даже интересно. А тетя Аня и сейчас красивая, только серебро в косах появилось.

... Верочка словно очнулась: где я? Видит, автобус это. Скоро к поселку подъедет. Всегда так, как начнет листать книжку картинок своего прошлого, словно и в самом деле возвращается в это прошлое и заново все проживает. Зачем? Не знает и сама.

Вот и знакомый поворот, надо выходить. Туман еще лежит на земле, такой густой, словно облако упало, надоело ему по небу плавать, решило по земле поползть. Любила она эту красоту, эту необыкновенную пестроту земных красок. И бывает ли у природы что-то некрасивое? Конечно же, нет. Как-то один биолог сказал студентам, показывая им особенно бородавчатую и пучеглазую жабу:

– Посмотрите, как она безобразно красива!

А какие краски вокруг! Даже самые гениальные художники не всегда могут передать их в своих картинах. Вере всегда становилось страшно, когда она видела слепых. Как это можно жить в темноте? И чем заменить этот светлый красочный мир. Может быть, звуками, музыкой?

Опять философия, сказала бы ее Нинуля. Она уже шла по улице. За два двора от дома, где она квартировала, высокий добротный дом. Видно, на века строился. На деревянной скамье у ворот сидит Степан Иванович в выгоревшей солдатской гимнастерке. Он инвалид – нет у него одной ноги, в войну потерял. Задумчивый, куда-то вдаль смотрит. О чем думает? Верочке в такие минуты всегда песня вспоминается:

Может к нам сюда знакомого солдата

Ветерком попутным занесет.

Жил Степан Иванович в доме с младшей дочкой. Вся семья в войну погибла, она одна и осталась. Жила с ними и его сестра с двумя детьми – ее муж погиб, дом разбомбили.

Был бывший фронтовик хорошим столяром. Станок себе сам смастерил. Всем нехитрую мебель делал. Вере, когда та в город ехала, всегда заказывал привезти махорку. Здесь, в магазине на сто первом километре, продавали какую-то труху, а он любил крепкую, пахучую. Курил, как все солдаты в войну, «козью ножку». Сворачивал из

газеты маленький кулечек, тонкий конец сгибал, а в широкий набивал табак. Получалась маленькая трубочка.

– Здравствуйте, Степан Иванович.

– Здравствуй, дочка. Махорочку привезла?

– Конечно, – она протянула ему две большие пачки махорки и хотела уже идти.

– А то мой кисет совсем пустой, – продолжал Степан Иванович и с этими словами вытащил из кармана темно-синий, вышитый красными тюльпанами кисет.

У нее перехватило дыхание, сердце забилося сильно-сильно, потом разом куда-то провалилось. Ноги стали ватными, она чуть не упала. Затем взяла себя в руки, попрощалась и быстро пошла к своему дому.

Дома она бросила сумку на кухне и направилась к сеновалу.

– Верочка, ты куда? Одеяло возьми, поешь.

– Тетя Аня там все есть, а ужинать не буду.

– Ну, как знаешь.

Вера не могла прийти в себя. Не может быть! Она легла на мягкое сено, раскинула руки. Картинки одна за другой, как в кинематографе, замелькали перед глазами.

Два поселка – один совхоз

Вот их привезли в Киргизию, в аул. Вернее, не в аул (он был рядом), а в поселок, где жили переселенцы. Поселок состоял из двух длинных улиц.

Рядом еще один поселок – Дунганский. Жили в нем дунгане, похожие на китайцев. Носили очень широкополые соломенные шляпы и сажали рис прямо в воду. Как он вырастал в такой мокроте совершенно непонятно. Но вырастал. И его покупали или на что-то меняли и переселенцы, и киргизы.

В их поселке Верочка никогда не была. Он был где-то дальше, за вечно залитыми водой полями. Как они жили, в каких домах, каких животных держали, какую пищу готовили, она так и не узнала. Хотя для себя решила, что ели они один рис, так как ничего другого на своих полях не выращивали.

Другое дело аул – здесь она частенько бывала. Ее всегда очень интересовало все, что находилось и происходило вокруг, и она везде совала свой любопытный нос. Говорят, любопытной Варваре нос оторвали, но ее нос пока был на месте, и не Варвара она, а Вера.

В ауле жили только киргизы. Дома небольшие и как все здесь – саманные. Иногда в обширном дворе кроме загонов для скота и хозяйственных построек стояла юрта. И обязательно летняя печка и мангал. На нем жарили шашлык и готовили плов. Разжигали огонь, ставили большой котел – казан. На нем всегда была копоть. Когда его чистили, терли песком, кирпичом и золой. Очень грязная работа. А какой вкусный плов получался!

Однажды ее угостили. Она даже запомнила, как его готовят. Только где у них дома пригостишь, а главное, из чего?

Казан нагревают на сильном огне, растапливают курдючный жир. Овцы бывают обычные и курдючные – хвост у них в виде мешка, курдюк называется. В нем откладывается жир. Когда такая овца хорошо откормлена, жира бывает много. Жир вытапливают, шкварки выбрасывают и нагревают, пока дым не появится. Бросают туда косточку, очищенную от мяса, она жарится, пока не станет красно-коричневой. Лук тонко режут кольцами и жарят до золотистого цвета. Затем добавляют баранину, порезанную небольшими кусками, слегка обжаривают и кладут шинкованную на крупной терке морковь. Все заправляют солью, красным перцем и жарят, пока морковь

не станет коричневатой. Добавляют несколько стаканов воды и варят на небольшом огне около получаса.

Рис промывают в холодной воде, слегка перетирая руками, сливают раза три и засыпают в казан. Разравнивают, доливают воду. Она должна покрыть рис на два-три сантиметра. Огонь прибавляют, а когда вода выкипает, огонь убирают, рис деревянной лопаткой собирают горкой, отжимая от стенок. В рис иногда зарывают несколько крупных долек неочищенного чеснока и закрывают крышкой. Через 30 минут осторожно перемешивают, и можно приступить к трапезе.

Накладывают плов в миски, едят руками (Верочке, когда угощали, дали ложку). Рядом ставят воду и кладут полотенце, чтобы вымыть и вытереть руки. Едят, сидя на полу. Скатерть стелят тоже на пол, покрытый циновками и ковриком.

Чай заваривают черный плиточный, прессованный, и пьют много и без сахара. Она очень скоро поняла, почему. Плов, оказывается, очень перченый, и после еды страшно хочется пить.

Еще пьют кумыс. Его делают из кобыльего молока, которое заквашивают в бурдюках – мешках, изготовленных из бараньей кожи.

Из овечьей шерсти делают все. Валяют войлок. Из светлого тонкого шьют теплую одежду и шляпы с полями. Из толстого грубого – циновки и зимнюю обувь. Тянут нитку, ткут на самодельном станке. Набивают ковры, вяжут платки, носки, варежки, одеяла и даже набивают подушки. Шерсть берут и от верблюдов.

Кур она в поселке не видела. Только лошади, у некоторых верблюды и, главное, овцы. Чем больше овец, тем больше у хозяина дома жен и детей. Вера очень удивилась, когда узнала, что жена может быть не одна.

Ей очень нравилось, как одеваются молодые девушки. Волосы у всех длинные, густые, заплетены в множество косичек. Говорят, что они моют голову сывороткой и кислым молоком. Мониеты у девушек из серебряных монеток. Вплетены монетки и в косички. Когда бегут, монетки звенят. На голове вышитые шелком и бусами тибетейки. Обычная одежда – шаровары и короткое яркое платье-рубашка, сверху жилетка – вязаная или из тонкого войлока, красиво расшитая.

Мужчины тоже носят шаровары и стеганные халаты, подвязанные широким кушаком, на голове тибетейки. Она удивлялась, как не жарко в халате? Оказывается, халат спасает от палящего солнца.

Верочке все было интересно, и многое просто поражало. Сказали, что дунгане едят палочками. Не поверила. Разве такое возможно? Руками, понятно, но палочками? Да еще рис?! – Нет.

В поселке, где они жили, народ очень разный. В основном, это русские и украинцы. Многие поселились здесь давно. У них хозяйство и огороды. Есть поляки, эстонцы, евреи. Некоторые эвакуированные, другие, как их здесь называют, высланные из разных мест. Как-то в поселок привезли много людей с Кавказа – балканцев, кабардинцев, адыгейцев и еще каких-то национальностей. Вера с ребятами бегала посмотреть.

Поселили их в бараке, в каждой комнате по восемь-десять человек. Мебели никакой, только лавки по стенам. Женщины, дети и старики – все сплошь худые, с загорелыми лицами. Некоторые совсем старые, волосы седые. Сидят, такие потерянные, с потухшими глазами.

Подумала, наверное, голодные. И на другой день принесла несколько пачатков кукурузы. Их давали за работу в совхозе, когда помогали чистить и подвешивать на верев-

ках кукурузу. Работа эта ей нравилась. Снимешь «рубашку» с пачатка, а там зерна не белые или желтые, а красные или синие. Очень красивые.

Совхоз был небольшой. Дунганские поля, повидимому, тоже сюда относились. Где-то были контора, правление и, конечно, директор. Его Верочка никогда не видела, а вот агрономша часто по улице проезжала на своей линейке – телеге без бортов. Правила лошадью всегда сама. Вера даже фамилию запомнила – Веткина. Невысокого роста, худощавая, интересная мадам, только больно уж важная. Ни с кем не здоровалась.

Самая большая достопримечательность совхоза – это большой канал. Он проходил рядом с их поселком. От канала отходили арыки, они перекрывались затворами. Когда их открывали, вода по ним шла на поля и огороды. Делалось это в определенные часы, и все знали время полива.

Дожди здесь были редкостью, спасала эта оросительная система. Вниз по течению канала на перепадах (разница отметок) были небольшие водопады. За несколько метров перед ними дно и стенки канала бетонированы, потом стенка вниз – и небольшая бетонная чаша, в нее падала вода. Опять несколько метров укрепленного дна, дальше по земляному каналу до следующего перепада-водопада.

В некоторых очень крутых местах от канала отходил не земляной арык, а бетонный «быстряк» – узкий, глубиной сантиметров семьдесят-восемьдесят. Вода по нему неслась с большой скоростью, землю бы она просто размывала и до полей не дошла. В такой быстрячок однажды упал ее братишка. Затвор был перекрыт, по дну бежала небольшая струя воды. Мальчика тащило по бетону с большой скоростью. Вера не успевала подать руку, а он уже был далеко. Наконец, ухватился за какую-то лиану или траву,

что свисала со стенки канала, и она помогла ему выбраться. Здорово тогда ободрался.

Когда купались в канале, на водопадах прыгали вместе с водой в чашу. Вода в ней бурлит, кипит у тебя под ногами. Прижмешься спиной к стенке, и перед тобой появляется водяная стена. Так здорово! Там Верочка с братом и плавать научились. В жару из воды не вылезали. Змей не боялись, в воде они редко плавали (ужи, в основном), больше по берегу ползали. Много их там было. Хорошо, что одни гадюки, хоть и ядовитые, но не прыгают, как гюрза или гремучка. Гадюк не трогаешь, и они не тронут. А если уж наступишь, конечно, укусит.

Боялись в воде живого волоса. Волос, как волос, а живой. Говорили, если вопьется в палец, придется палец отрезать. А если не в палец? Может, просто пугали, но мы опасались, и при встрече с этой «ниточкой» пулей на берег выскакивали.

Ходили на лошадиное кладбище. Там кости, черепа и змей великое множество. Случилось так, что провалилась Вера в какую-то яму, раньше она была чем-то перекрыта. Но перекрытия этого давно уже не было, угол ямы закрывали гнилые доски. Решили посмотреть, что там? Открыли – на земляной приступочке скелет в истлевшие тряпки завернут. Видно, какое-то старое захоронение. Древние киргизы так своих умерших хоронили. Струхнули здорово, больше туда не ходили.

Здесь было очень много всего неизвестного и опасного. Змеи, насекомые и даже растения. Как-то она проколола себе пятку верблюжьей колючкой. Долго болела, нарывала, пришлось даже разрезать.

Верблюжья колючка – это небольшое растение с зеленым мясистым стеблем и очень длинными колючками.

Концы их тонкие, острые, сухие. Наступишь, саму колючку выдернешь, а кончик обламывается и остается. Потом долго то место болит. Как только верблюды их едят? Глотки, наверное, луженые.

Травы здесь мало – почва глинистая, песок или солончаки (засоленная), на таких почвах ничего не растет. Леса тоже нет, растет только карагач. На нем мало листьев. А тополя пирамидальные – это люди посадили.

Как-то в сенях дома придавили с братом большого желтого паука размером со спичечную коробку, показали соседке. Она сказала:

– Это фаланга, очень ядовитая и прыгает. Вы осторожнее.

А малярийные комары? Укусят – и треплет тебя малярия или, еще хуже, лихорадка.

Когда приехали сюда, мама Верочки была сильно больна. Депрессия. Сидела на кровати и молчала, безучастная ко всему. Потом заболела брюшным тифом, и ее увезли в город, в больницу. Болела она долго. Остались Вера с братишкой одни – ни отца, ни бабушек. Даже детского дома в поселке не было. Спасибо соседям.

Это была украинская семья. Комната, где их поселили, раньше тоже принадлежала им. У соседей было трое детей, двое уже взрослые. Сына скоро в армию призвали, восемнадцать исполнилось. Дочка – невеста уже – такие красивые вышитые блузки носила. И младшая девочка – Верина ровесница. Отец их с начала войны на фронте.

Все-то они Веру научили – и печку топить, и как из кукурузных и пшеничных зерен крупу сделать и кашу сварить. Карточки хлебные у нее были, но хлеба давали очень мало. Карточки были только детские и мамина иждивенческая, она ведь не работала, болела.

С едой было плоховато, все время хотелось есть. Случилось Вере идти мимо дома фельдшера. Вдруг, как в

басне, «сырный дух лису остановил». Только ее остановил дух жареной картошки. Нашла в заборе щель, смотрит – сидят фельдшер с дочкой за маленьким столиком недалеко от летней печки и едят жареную картошку прямо со сковороды. Ломтики такие румяные, вкусные. Стояла, смотрела, пока сковородка не опустела, одни крошки остались. Она подумала: я бы все до крошечки доела.

Не о пирожных мечталось. Пределом мечтаний была кружка молока – налить в блюдце и макать в него кусочки белой булки.

Многие чувства можно представить и даже почувствовать – былую радость, испытанную боль. Но почувствовать сытость, когда ты голодный, или наоборот – просто невозможно. Недаром говорят, сытый голодного не понимает.

Верочка уже познакомилась с ребятами, тоже приезжими. Ночью, когда не ездили охранники, они ходили на ближайшее поле, разрывали траншеи (морозы были не сильные, земля не промерзала) и набирали в сумки сахарной свеклы. Дома чистила ее, нарезала на противень или в кастрюлю, запекала в духовке. Если добавляла еще тыкву, получалось очень вкусно.

Только братишка свеклу не ел, как его не заставляла. Приходилось отдавать ему свой и мамин хлеб. Сама она уже немного поправилась, а брат был еще очень слабенький. И вечно с ним что-то случалось. Выходит как-то во двор, а его бычок катает вокруг стожка сена, как мячик. Хорошо, бычок был еще безрогий, а на братишке шапка и теплое пальтишко. Пришлось с соседями выручать его. Ладно, плавать он, как и она, быстро научился, и в воде за него не беспокоилась.

За помощь в уборке урожая иногда им давали рисовую кукурузу. Ее зерна похожи на рис. Когда жарить, трескаются и раскрываются, как розочки. Вкусно.

Собирали старые выброшенные тряпки, сдавали старьевщику. Он часто ездил на телеге по поселку. Взамен давал всякие мелочи, а детям кусочки жвачки-вара, такая черная смола, к зубам не пристаёт и даже какой-то вкус имеет. Маме не нравилось, говорила: «Жуете, как жвачные животные». А Верочке нравилось, и вроде есть не так хотелось. Чего только не ели! Выкапывали корешки, очень сладкие, немного каким-то лекарством отдавали, дикий чеснок, баранчики, заячью капусту, кислицу – всего уже не вспомнишь.

Залезали на деревья (этому она тоже научилась), таскали из птичьих гнезд яйца. Ласточек никогда не трогали. Говорили, разоришь гнездо, она дом подожжет. Ласточки лепили гнезда из глины под крышами домов и еще жили в норках в овраге. Стена его была вся в дырочках. Там же гнездились птички-синигалки, очень красивые, их сине-голубые перышки переливались на солнце, как драгоценные камни. Всем хотелось поймать эту Синюю птицу. Зачем? Она не поет, в клетке жить не будет, погибнет. Пусть лучше летает, ею можно только любоваться. Но больше всего было воробьев, простых и с хохолками. Тучами летали. Как и дети, промышляли на хлебных полях. Детям колоски, а воробьям упавшие на землю зерна.

Большое участие в судьбе Веры и ее брата принимала ленинградская семья Васильевых. Глава семьи Константин – инвалид, уже не молодой, мастер на все руки. Столярничал, точил ножи, мог запаять дырку в кастрюле или тазу. Все к нему обращались. Жена его – довольно молодая женщина, высокая, массивная с грубым голосом, но очень добрая. Ее сын от первого брака и маленькая девочка – их общий ребенок. Приехали они сюда раньше всех, эвакуировались в первые дни войны. А позже, в 1946-м,

когда семья Верочки уезжала в Ленинград, Васильевы остались:

– Некуда нам ехать, дом наш разбомбили, все родные погибли.

Мама Верочки еще долго с ними переписывалась. В поселке они жили в самом конце улицы, и когда она бывала у них в гостях, мальчик Васильевых всегда провожал ее домой. Он был старше Веры года на два-три. И еще был у нее один защитник-проводжатый. Щеночка она нашла. Шариком назвала. Грязноватого цвета с рыжими пятнами, маленький хвост колечком. Воды боялся, ни разу искупать не могли, потому и грязно-белый. Верочка едой с ним делилась. Отважный был песик. На лошадей кидался, в результате под телегу угодил. Очень его жалели.

Когда ей подарили пару белых пушистых кроликов, соседка разрешила держать их в старом земляном погребке за баракком. Константин помог там все оборудовать – сделал две дверцы на створе. Одну с решеткой, другую сплошную. И удобную деревянную лесенку, чтобы туда спускаться.

Верочка раздобыла где-то старый ржавый серп, чтобы резать клевер. Пока научилась управляться с ним, чуть без мизинца не осталась, теперь шрам на всю жизнь.

Поля клевера с горки казались бескрайним зеленым ковром. Иногда среди этого изумрудного великолепия она замечала алую точку и неслась к ней сломя голову. Аленький цветочек! Нет, это был чудесный тюльпан. Маков по краю поля было много, а тюльпан – большая редкость.

В земляном погребке, где жили ее кролики, Вера поставила миску с водой, траву бросала прямо на пол. Если соседи давали ей очистки от овощей, тоже приносила своим питомцам. Сперва кролики вырыли в погребке одну норку.

Когда появилась вторая, и крольчиха стала выщипывать со своей шкурки пух, а заодно и со своего дружка, Вера поняла, что у кроликов будет потомство. Скоро это произошло. Одна нора была закрыта землей. Крольчиха отрывала ее только тогда, когда шла кормить малышей. И вот однажды утром, открыв крышку, Вера увидела девять крохотных белых комочков. Какая прелесть!

В поселке жили два человека, которых бабушка Маня – Мария Андреевна – назвала бы юродивыми. Один, Толик, совсем еще мальчик, собирал красивые тряпочки и плакал, если ребята их отбирали. Правда, случалось, что ребята сами приносили ему лоскутки.

Другого юродивого звали Колей. Мужчина уже в возрасте, с сединой. Ходил и летом, и зимой босой, без рубашки и шапки, в одних рваных брюках. Тело очень загорелое, правая рука тряслась, левая всегда была прижата к груди. Одна нога подвертывалась в щиколотке. Он не говорил, только мычал. Иногда произносил несколько слов, совсем непонятных.

Кто они, где живут, Верочка не знала и ни у кого не спрашивала. Милостыню они не просили. Нищих в поселке не было, только пришлые. Они всегда старались что-нибудь стащить, поэтому их не любили и прогоняли.

В тот вечер Вера, как всегда, принесла траву кроликам и бросила ее в погреб. Оглянулась и увидела, что Коля, который часто ковылял по проходившей рядом дорожке, свернул и направился в ее сторону. Он никогда ни к кому сам не подходил. Если его окружали и дразнили ребяташки, он отмахивался и мычал, тогда они разбегались.

Она испугалась. Подойдя, Коля заглянул в погреб, посмотрел на крольчат и что-то промычал. Потом повернулся к ней и уставился на тюльпан, который она недавно нашла и сейчас судорожно сжимала в кулаке.

– Возьми! – Вера протянула ему цветок.

Он его взял, переложил в неподвижную руку и произнес нараспев какое-то слово, что-то вроде: а-бал-деть. Потом погладил Верочку по голове своей дрожащей рукой и заковылял обратно на тропинку.

Она постояла еще, онемевшая, как всегда, при испуге. Потом подумала, вот он какой... и пошла домой.

Кролики росли быстро. Мама шутила:

– Ты, видно, решила решить мясную проблему?

Нет, Верочка об этом даже не думала. Проблему решать не пришлось. Кролики прорыли из погреба норы на волю и разбежались.

Мама

Когда мама вернулась из больницы, все стало хорошо. Они с братом тщательно перебирали рис, варили и кормили ее рисовой кашей. Вскоре она устроилась работать почтальоном. Приносила почту из города и вечером разносила корреспонденцию по поселку. Однажды, когда уже совсем стемнело, ее покусала собака. После этого случая маме дали лошадь, верхом она возвращалась рано.

В конце лета, в сезон, мама работала на семенном току. Рассказывала, когда в первый раз ей взвалили на спину сорокакилограммовый мешок с семенами, чтобы нести в склад, она думала, что переломится. Потом привыкла. За работу платили сахаром.

Вечерами вышивала людям. Платки, косынки, рубашки, кофточки, а как-то даже черное крепдешинное платье. Его заказала генеральша, что жила в поселке. Работала при свете коптилки – маленькая бутылочка с какой-то жидкостью (не масло, откуда оно) и фитилек, как на лампаде. Когда купили керосиновую семилитровую лампу, это было счастье. Теперь мама не портила себе глаза. Плату за работу она брала молоком и маслом.

Удивительный человек была их мама. Красавица с косой ниже пояса. В больнице, когда она долго лежала без сознания и волосы спутались, хотела обрезать их, но соседки по палате не дали загубить такую красоту – по прядкам распутали.

Она все умела, всегда находила выход из любой трудной ситуации. Спичек не было, достать их не всегда удавалось. Насыпала на бумагу марганец, клала бумажку в металлическую плошку и капала глицерин – бумажка загоралась. Вот и огонь! Рисовала замечательно, в конторе помогала оформлять газету.

Был в поселке клуб, располагался в небольшом бараке. Заезжали к ним артисты, а как-то даже приехал театр лилипутов. Как было интересно! Верочка впервые увидела таких малюсеньких людей. Потом в Москве у знаменитого фокусника Кио было много таких артистов, но тогда... Откуда они? Может, из страны лилипутов? На время гастролей разместили их по квартирам. Поселили троих к ее соседям. Старик-фокусник и две его дочери. Когда маленьких артистов не было дома, они с соседской девочкой рассмотрели их одежду, обувь. Примерили туфельки. Куда там! Им только на нос. Директор труппы был лилипутом. Сам маленький, ручки короткие, а голова, как у взрослого мужчины. Жена у него нормального роста, худенькая. На сцене выступала в блестящем восточном костюме, крутила тарелочки на длинных бамбуковых палках.

Были в театре и высокие мужчины. Они помогали маленьким. Когда театр уезжал, сажали лилипутов, как детей, на телегу, грузили багаж.

А Верочкина мама свой совхозный театр организовала. Большие пьесы стали ставить, сама играла и пела. Как-то для роли цыганки серьги не могла одеть – уши не проко-

лоты. Пришлось на нитки вешать. А как пела! Голос чудесный. В Ленинграде, когда она училась в художественном, подрабатывала вечерами в гардеробе Мариинского театра. Иногда ее приглашали петь в общих сценах. Пела она и дома. Делает что-то и поет. Русские песни, старинные и арии из опер. Если песня была грустная, и они с братом начинали хныкать, мама тут же придумывала на этот мотив шуточные слова.

Вязала, вышивала, шила. Какую бы работу ни делала, все у нее получалось отлично. Очень была талантливая. Ее мама, бабушка Веры, в молодости жила с сестрой в Ульяновске. Анечка работала белошвейкой в богатой семье, здесь и встретила она свою первую любовь. Сын хозяев – красивый молодой человек, замечательно рисовал. От него и родила она в 1912 году дочку Тонечку. Работу, конечно, потеряла.

Вскоре вышла замуж за Ивана Ключкова. Сын у них родился – Александр. Был Иван хорошим пекарем. Уехали в Петроград. Устроился на работу, комнату получил. Падчерицу ненавидел. Тонечка окончила школу, захотела дальше учиться. Выгнал из дома. Теперь жила она у подружки Жени, вместе в художественном училище. Там и познакомилась с ее двоюродным братом, будущим отцом Верочки. Он с матерью приехал к ее сестре после расстрела своего отца в 1918 году. Учился в военноинтернациональном училище.

Поженились они в 1935 году. Бабушка невестку недолюбливала – безродная, бесприданница, но внуков своих очень любила, особенно брата Верочки. Когда он родился, попросила Игорем назвать. Был у нее сын Игорь, лошадь убила еще маленького. Внук и похож был на нее – Марию Андреевну. И волосы были, как у нее, кудрявые, негритянские, только светлые.

В Ленинграде с мамой в баню ходили на улицу Бассейную. Однажды в раздевалке какой-то маленький мальчик как закричит:

– Мама, мама, смотри – мальчик, как Пушкин, только беленький!

Спать его бабушка всегда сама укладывала:

– Ладочки под щечку и спи.

– Бабушка, а можно я пошептаю?

– Пошептай, миленький, пошептай.

Младший Верин братишка родился перед войной, бабушка Маня уже уехала к среднему сыну. Верочку с братом она окрестила. Младшего мама не крестила, неверующая она была. Умер братишка в блокаду.

Вере вспомнилось, как они приехали во время войны в поселок. Почти без вещей. Ткани не было, мама шила им одежду из старых наматрасников, из марли. Красила соком шелковицы, марганцовкой или зеленкой. Сшила себе сарафан из тонкой мешковины и так красиво вышила его гладью, что весь поселок восхищался.

Про украшения и говорить нечего – ни колечка, ни цепочки. Только часики на серебряном браслете. Мама потом сменяла браслет на два ведра картошки.

Как-то агрономша ехала мимо их дома и заметила на бельевой веревке мамину нижнюю сорочку, вышитую филейной вышивкой. Не поленилась, подошла к маме:

– Продай, себе еще сделаешь.

Мама, молча, сняла сорочку и ушла в дом.

Однажды Вера прибежала к каналу искупаться. Сползая в воду, обнаружила под рукой часы. Они были золотые и на золотом браслете змейкой. Вспомнила, что встретила на пути заведующую их школой, та шла от канала с полотенцем на плече. Быстро оделась, догнала, отдала найденную вещь.

– Спасибо, девочка. Я тебя отблагодарю.

Через два дня пришла к ним и принесла два маленьких арбуза. Один оказался совсем зеленым.

Мама, увидев ее разочарованную физиономию, сказала:

– Ты отдала то, что нашла, и тебе было приятно это сделать?

– Да, конечно.

– А это главное.

Про себя Верочка подумала, что ей было бы еще приятней получить вкусный гостинец, а не зеленый арбуз.

Успевала мама и почитать им перед сном. Верочка уже не помнила, что именно она им читала, но одна книжка просто врезалась в память. Автора она не знала, а вот название книги запомнила – «Девочка из города». Картинка была только на обложке, но Вера все представляла так ясно! И эта девочка... Ее тоже привезли в деревню из Ленинграда. Ей тоже были незнакомы и домашние животные, которых раньше не видела, и деревянный дом с низким потолком и маленькими окнами, и купание в русской печке. Девочка из города сторонилась детей, живущих в деревне. Забивалась в уголок и раскладывала картинки, единственное, что она привезла с собой. По ночам не могла заснуть и видела ту страшную воронку от взрыва, по краям которой виднелось несколько обрывков мамино го голубого платья.

Женщина, у которой жила девочка, была ласковая и добрая, и очень хотела, чтобы она назвала ее мамой. Но у нее не получалось. И однажды это произошло. Стоя у забора, девочка увидела, как прямо на нее мчится молодой бык, опьяненный весенним солнцем и свежим воздухом. И она бросилась к женщине, ища защиты:

– Мама! Мама!

Школа

Здесь в поселке Верочка пошла в школу. Дети в их первом классе были разных национальностей, но все говорили на русском. Учительница тоже была русская. Звали ее Таисия Федоровна. Молодая, круглолицая, с коротко подстриженными светлыми волосами.

Вере было не комфортно в классе. Она заикалась. Это случилось с ней после первых бомбежек. Несколько дней вообще не говорила, потом стала заикаться. Учительница научила ее говорить с выдохом. У нее получилось. Вера очень старалась и, можно сказать, сама себя вылечила. Стихи читала без запинки, хотя в разговоре все еще заикалась. На олимпиаде в городе, где прочла «Сын артиллериста» Симонова, первое место заняла.

Книжки им давали в школьной библиотеке. Не новые, но в хорошем состоянии. А когда кончался учебный год, их сдавали. Настоящие тетради были только по чистописанию, все остальное писали на старых бланках. Чернила сами делали. Измельчали грифель химического карандаша и разводили водичкой. Перышко только номер 86, чтобы писать с нажимом.

Летом все ученики обязательно работали в совхозе. На хлебных полях собирали черепашку. Повесят тебе на шею бутылку, и надо полную собрать этих самых черепашек. А они противные, клопами пахнут. После уборки хлеба колоски собирали. Тоже норма была. Обламывали кукурузу, когда созревала. Никто от дела не отлынивал. Везде были лозунги – «Все для фронта, все для победы!»

На фронте было тяжело. Они, дети, это понимали и очень старались. Газеты мало кто выписывал, но в библиотеке были подшивки, всегда можно было почитать.

В газетах печатали не только статьи, но и стихи, песни, басни. Одна ей особенно понравилась. «Лиса и бобер», написал ее Сергей Михалков, а рисунок сделали, кажется, художники Кукрыниксы. Лиса была бесподобная! Мама перевела рисунок на кальку, он и сейчас у нее хранится.

И на всю жизнь Верочка запомнила статью из военной газеты и фотографию девушки – откинутаая назад головка с петлей на шее, короткие волосы. Это Зоя Космодемьянская. Она умерла со словами «Сталин с нами, Сталин придет».

Отношение к вождям было особенное. Их портреты висели в классе. Учителя много рассказывали об их жизни и борьбе, о революции.

А сколько было о них песен и стихов! Особенно хорошо писал узбекский поэт Джамбул. Дети относились к ним, как к близким людям.

Ей вспомнилось, как уже будучи в Москве, она спросила у своего дяди:

– А что будет, если Сталин умрет?

– Не беспокойся, девочка, все будет хорошо, – ответил он, улыбнувшись. – Теперь с нами Китай.

Тогда уже победила Китайская революция.

В войну имя Сталина было, как знамя. На него надеялись, в него верили, с его именем шли в бой и умирали.

Бабушка Маня говорила:

– У человека должна быть вера, без нее он ничего не может, и жить ему будет трудно. Может, разная, но должна быть.

Сама она, как и дедушка-священник, верила в Бога. Каждый вечер зажигала свечу и молилась долго, стоя на коленях перед иконой. Небольшой медный подсвечник бабушка подарила Вере, когда уезжала. Он и сейчас в доме родителей.

С фронта приходили письма. От отца в конверте, от дяди Саши – треугольники, марок на них не было. Он писал своей сестре, маме Верочки: «Фотография моих племянников прошла со мной огонь и воду». Своей семьи и детей у него еще не было.

В конце войны письма от отца стали приходиться в каких-то странных конвертах. Они приходили из Ирана, тогда часть наших войск была переброшена в эту страну.

Отец писал: «В горах ходим по облакам, так высоко. А в лесах каких только зверей нет, даже дикобразы». Когда вернулся, привез несколько иголок этого необычного зверька.

Кисет для солдата

На фронте воевали, а в тылу работали. И еще как! Даже дети. В городах на заводах, в деревнях и поселках на полях и фермах. Верочке вспомнился Ленинград. Соседский мальчик, когда пошел на завод, до станка не доставал, и его поставили на ящик. Все для фронта – и хлеб, и оружие.

В школе тоже собирали посылки для фронта. Из аула ребята приносили шерстяные вязаные вещи – носки, перчатки, шарфы. И еще табак. Здесь его выращивали, делали махорку – крепкую и пахучую.

Дети просили положить в посылки сладости, солдаты будут рады. Кто сладкое не любит? Конфет не было. Делали сами. Верочкина мама варила сахар с молоком, а если добавляла туда тыквенные или подсолнечные семечки, получался вкуснейший шербет или казинак. Делали сладости из сухофруктов, а вяленую дыню заплетали косичками.

Мастерили из картона коробочки. Не знали, что дойдет по назначению, а что нет. На почте все тщательно проверяли – и письма, и посылки.

Девочки шили и вышивали кисеты для табака. Один такой Верочка особенно помнила. Мама сшила его из темно-синей плотной ткани на подкладке и даже с карманчиком для спичек на одной стороне. На другой была вышивка. Вера вышивала сама, уже давно научилась от мамы. Решили, что это будут тюльпаны – три красных тюльпана с зелеными листьями.

Вышивала гладью, так старалась. Затягивался кисет красивым шнурком, который сплела мама. Красиво получилось, учительница даже похвалила.

А еще в посылки с подарками вкладывали письма. Писали на уроке, каждый, что хотел. В этот раз Вера долго думала, а потом написала всего две строчки и вложила в карманчик со спичками. Она их помнила и сейчас:

Кисет дарю я не простой –

С войны вернешься ты домой.

Глупая девчонка, разве этим поможешь? Но она очень, очень верила, что поможет.

Думала тогда – кому достанется ее кисет? Не знала. Не знала до вчерашнего вечера, пока Степан Иванович не вытащил его из кармана. Узнала сразу. Это он, он! Только немного потертый и поблекший. Смотрела и не верила – бывает же такое!

Выходит, спасибо Татьяне, что заслала ее сюда на практику. Верочка не спала всю ночь, она словно заново пережила те военные годы. На другой день подсела к Степану Ивановичу, и когда он вытащил кисет, чтобы набить очередную «козью ножку», сказала:

– Интересный у вас кисет.

– Он не только интересный, но и особенный, - ответил Иваныч. – Как талисман. Когда ранили меня в первый раз, пришли ребята навестить и принесли его. Посылку полу-

чили от школьников из Киргизии. Распределили что кому. Мне решили кисет с махорочкой привезти. «Ты ведь у нас в роте самый заядлый куряка», – сказали. Второй раз ранили меня в конце войны. На mine подорвался. Ногу сразу оторвало, а все остальное врачи по кусочкам собирали. Сказали, везучий я. Только, думаю, не я, а кисет мой заговоренный помог. Записочка в нем лежала, и было там это обещано. Ребенок писал, а устами младенца истина говорит. И поверил я очень в эти слова, а вера великое дело. Когда так веришь, бывает, и чудеса происходят. Да еще молоденькой сестричке спасибо. Нашла меня быстро, кровь остановила, на шинели волоком до полевого госпиталя дотащила.

Степан Иванович замолчал и задумался. Верочка встала и тихонько пошла к своему дому. Ничего ему не сказала. А зачем? Главное, сама узнала. Раньше думала – кто он? Какой? Молодой или старый, храбрый или нет, добрый или злой, красивый или не очень? Теперь знает – замечательный он человек. Жизни не жалел для победы, чтобы им сейчас было хорошо.

Как же они ждали этого дня – Дня Победы. Опять вспомнила поселок в Киргизии. Проснулась от топота и крика. По улице скакал на коне молодой паренек и кричал: «Победа! Победа!» Люди из всех домов бежали к клубу. На большой поляне собралась целая толпа. Кричали, смеялись, обнимали друг друга. Многие плакали – их родные уже не вернутся.

Появилась гармошка, пели, плясали. Верочка стояла оглушенная этим безудержным проявлением радости и счастья. В ней самой все ликовало и рвалось наружу. Кончилась, кончилась война! Как же долго она продолжалась.

В начале 1946 года они вернулись в Ленинград, в свой родной город. Весь израненный, но не покоренный, он ждал их, а они долгожданной встречи с ним.

Уже после их возвращения в Ленинград ее продолжала трепать малярия. В начале приступа трясет от холода, потом жар выше сорока градусов, головная боль и тошнота. Вера в таких случаях никогда не теряла сознания, а так хотелось забыться...

Приступ заканчивался, и она еще долго лежала обессиленная, с закрытыми глазами. И видела чудеса.

Черный бархат, и на нем радужные круги, разводы, блестки, сказочные цветы... Формы рисунков и оттенки без конца меняются, как в калейдоскопе. Вот бы платье из такой ткани. Или голубое, как небо с серебряными звездами. И еще солнечное, огненное.

А фасоны, как у сказочных принцесс – длинные юбки, открытые плечи и пышные рукава. Она так ясно их представляла, примеряла. И в таком наряде – в сказочное царство, где она бывает перед сном.

Это страна ящерок. Верочка их очень любила. Шустрые, покрытые тонкой шелковистой серой кожей. Маленькая головка с огромными продолговатыми черными глазами. Зрачков не было, или она не могла их разглядеть. Деточки у них рождаются маленькими змейками, уже после вырастают ножки и ручки-лапки. Маленькие ладошки с тонюсенькими пальчиками, как человеческие.

Головастики тоже вначале, как маленькие круглые рыбки с хвостиком. Когда вырастают лапки, хвостики исчезают. У ящерок хвостик не пропадал, такой длинный-длинный. Однажды она ухватила за него, и он остался у нее в руках, а ящерка убежала.

Она огорчилась, но ее успокоили:

– Вырастет другой.

Поняла – значит, так они защищаются. Ведь зубов и сильных когтей у них нет. Жили они под землей, там был целый город. Длинные улицы с низенькими домиками. Окон не было, стены были прозрачные. Мебель, как у людей – и красивая фарфоровая посуда, и рисунки на ней такие, как рисовала мама. До войны у них было много такой посуды. Всю ее бабушка Аня поменяла на хлеб. Больше ничего дорогого у них не было.

А вот их соседка умерла с голода. Когда пришли и стали забирать мебель из ее комнаты, ножка старинного стула сломалась, и оттуда посыпались золотые монеты. Много золотых монет.

Почему она не поменяла их на хлеб? Разве золото дороже жизни?

Все улицы в подземном городе выходили на площадь. Это была большая пещера с ледяными или, скорее, соляными колоннами. Потолок пещеры сиял зеленоватым светом, от него было светло на улочках и в домах.

Что это за свет? Вера пригляделась внимательно. Весь свод был покрыт светящимися жучками, похожими на светлячков. Теперь понятно, почему здесь светло.

Ящерицы в городе были не такими, как наверху, а яркие, разноцветные. Некоторые ходили парами на ножках, опираясь на хвост, и держались за ручки, как люди!

Интересно, а какая она, Верочка, здесь? Может, у нее и тела нет, а путешествует ее душа? Бабушка Маня говорила, что когда спишь, душа улетает. Но ведь она не спит...

И здесь она действительно засыпала.

Было это с ней на самом деле или только казалось? Какая она была еще маленькая и глупая девочка! А эти ее голубые фантазии и мечты? Смешно.

Вера, наконец, вернулась на свой сто первый километр. Сейчас у нее совсем другие мечты и планы. И какие!

Уже светало, сквозь дощатые стенки сеновала пробивался свет. Именно свет, а не лучи солнца, как обычно говорят. Лучи здесь не скоро пробивались сквозь болотный туман. Посмотрела на потолок. Весь паутиной затянут. А комаров в ней сколько! Позлорадствовала – не все вам кровушку пить. Покормила вас – хватит!

Заканчивалась ее практика. Домой, домой! Директор архитектурно-строительного обещал ей путевку в дом отдыха. Ей нравился и директор, и его предмет «Стройматериалы». Очень справедливый, юморист. Часто над ней подшучивал.

Замечательно все складывается. Поработала, можно и отдохнуть. Распрощалась с начальником участка.

– Счастливо тебе. Спасибо, помогла, – сказал Дмитрий Николаевич.

– Главное, ни одного трактора не утопила.

– Это точно. Приезжай на следующую практику.

– Ну, уж нет. Хватит с меня этой мокрой гидротехники. Нас на промышленное и гражданское строительство переводят.

Верочка ехала в поезде и снова размышляла. Сталин – вот он умер, и сейчас многие говорят и думают о нем плохо. Она многое не понимала. После революции расстреляли ее деда. Перед войной уничтожили лучших военачальников. Отец говорит, они были выдающиеся полководцы.

Она помнит портрет Блюхера в учебнике истории. Он был перечеркнут чернилами, а внизу написано – враг народа. Так ли это?

А сразу после этой войны... За что сидит в тюрьме младший мамин брат? Совсем молоденький, прошел финскую войну, с 1941 года опять на фронте. Попал в

плен, бежал. Воевал до самой победы. А в 1948 году его арестовали и осудили на 25 лет. И не только его – многих. Во всем Сталина обвиняют. А те, что его окружали? Берия врагом народа оказался, расстреляли. А другие? Какие они? Кто знает?

А Сталин... С его именем шли в бой и умирали за Родину, за Сталина. Песни военных лет. И везде имя его: «Артиллеристы, Сталин дал приказ, Артиллеристы, зовут Отчизна нас...» Много таких песен.

Кантатой о Сталине начинались все выступления в клубах и театрах: «Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полет. С песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет».

Теперь что? Надо эти слова выбросить? А говорят, из песни слова не выбросишь.

Да, многое Верочке не понятно. Уже два письма написала она Ворошилову. Считала его и Буденного самыми близкими к Сталину людьми. Рассказала все о маминном брате Александре Клочкове, просила разобраться. Ждала, верила, что справедливость восторжествует.

Шел 1955 год...

Жлобин, осень 2015

**СЕМКИНЫ
«БАЙКИ»**

Моему старому другу Ю.Рогозину посвящаю

НЕ ЛЮБЛЮ ЖДАТЬ

Я звала его Семка, ребята – Сэм, и был он самый веселый парень на нашем курсе, и еще он был – мой лучший друг, и не любил он, если рядом кто-то грустил. Стоило ему заметить чей-то унылый вид, тут же «выдавал» он свою очередную «байку» или, как все говорили, «небылицу».

– Слушай, что со мной случилось в прошлую субботу.

Сижу на вокзале, жду электричку. К Таньке своей собрался. А уж как я ждать не люблю, ты знаешь. И что это за жизнь такая! Всего нужно дожидаться. Нет бы сразу все и сейчас! И вдруг слышу какой-то писк. Посмотрел на пол, а там у самого моего ботинка копошится малюсенький человечек и что-то кричит. Взял я его, на ладошку поставил. Настоящий гномик из сказки о Нильсе!

– Ну, что, – говорит, – знаю, ждать ты не любишь, так я тебе помогу.

И дотронулся до пуговицы на моем пиджаке.

– Теперь пуговица эта – волшебная, захочешь, чтобы что-то быстро исполнилось: закрой глаза, поверни ее слегка по часовой стрелке. Всего и делов-то.

Сказал и исчез, вроде его и не было.

Сижу я, до моего поезда еще минут тридцать, чего, думаю, ждать, вот сейчас и проверим это волшебство. Закрыв глаза, пуговицу чуть повернул, глаза открываю, а я уже у Татьяны дома на диване сижу, мама ее стол к ужину накрывает. Сидим, чай пьем, а я размышляю: - долго еще мне ждать, пока этот стол свадебный станет. Когда еще учебу закончу... и тут про пуговицу вспомнил. Какой я дурак!!! Закрыв глаза, повернул ее немного... вот это да!

– Стол уже свадебный и платье на Татьяне – свадебное, все нас поздравляют, подарков куча, и тесть мне ключи от легковой машины протягивает. О таком подарке я и не мечтал.

Тут уж я разошелся – посмотрю, думаю, какие у меня дети будут, а то жди, когда они родятся да вырастут. Потом внуков посмотрел, верчу пуговицу дальше. Только глаза успеваю закрывать и открывать.

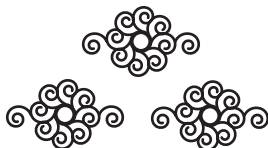
Но что это?! Открыл глаза, смотрю... Где это я? Господи, да в гробу я лежу, а вокруг все мои дети, внуки, правнуки, слезы вытирают, прощаются со мной.

Какой ужас!!! Схватился я за пуговицу, изо всей силы крутанул ее против часовой стрелки... глаза открыл – сижу я на скамейке, держу в руке оторванную пуговицу, а дежурный по вокзалу трясет меня за плечо...

– Молодой человек, вы свой поезд не проспите?

Вскочил я в электричку, пуговицу в кулак зажал и думаю: «Как хорошо, что это только сон и какое счастье – мечтать о будущем и ждать... ждать, когда исполнятся твои мечты».

А пуговицу, надеюсь, Татьяна пришьет, сумеет, и все пойдет своим чередом.

ПОДАРОК

– Ты знаешь, – говорит Семка, – я ведь и правда, чуть на Татьяне не женился, если бы не эта история.

– Какая? – спрашиваю.

– А та, когда она пригласила меня на свой день рождения.

Пошел я подарок покупать... Зашел в «Сувениры», потом в «Фарфор» на Невском. Красота – необыкновенная и цены тоже. Где уж мне с моими «капиталами».

Смотрю, пара молодая вазу китайскую рассматривает. Крутили ее, вертели, разглядывали – пока об пол не грохнули. Поахали, поохали, деньги заплатили и ушли. Сразу видно, не бедные.

Продавщица стала осколки собирать, и тут меня осенило.

– Девушка, – говорю, – заверните мне эти черепки.

Она так удивленно на меня посмотрела.

– Склеить хотите?

– Да что-то вроде этого.

– Хорошо, – говорит.

– Значит, договорились. Я сейчас вернусь.

Забежал рядом в цветочный, купил букетик цветов Татьяне, а продавщице шоколадку. Возвращаюсь, она подаст мне большой бумажный пакет, я ей шоколадку и кучу любезных слов, пакет в сумку и на вокзал.

День рождения отмечали у Татьяны на даче.

Подхожу к дому, она меня уже ждет, на крылечке стоит. Увидела, обрадовалась, бежит навстречу по дорожке (она у них очень кстати плитам выложена). Я заранее пакет из сумки вытащил, держу его одной рукой, в другой цветы, обнимаю ее и так, ненароком, пакет этот роняю...

– Ой!!!

– Не расстраивайся, – утешает меня Татьяна и начинает бумагу разворачивать.

Как увидел я, что там лежит, чуть со стыда не сторел. Сунул Татьяне цветы и бегом на свою любимую электричку. В вагон, чуть не на ходу запрыгнул, без билета, только бы уехать скорее. Так пакостно никогда себя не чувствовал.

– И что же ты увидел? Знал же, что там было.

– Знал-то, знал, да продавщица больно любезная оказалась, каждый осколочек в отдельную бумажку завернула, чтобы не разбился. Видно, поверила, что склеивать я их собираюсь. То-то не слышно было «звона», когда этот злосчастный подарок на дорожку «шмякнулся». С тех пор с «невестой» своей не встречался. Как вспомню этот случай, у меня уши начинают гореть, вроде меня за них оттащали. Стыдно.

– Брось, Семка, Таня решила, что ты просто пошутил. У ребят спрашивала, куда ты пропал, и совсем на тебя не сердится.

– Я-то знаю, что не шутка это была. Хотел ее удивить, чтобы подумала: – «вот богатенький Буратино». Да не получилось. И жениться я, что-то передумал, рано мне еще. Вот подожду, когда ты замуж соберешься.

– Долго тебе, Семка, ждать придется.

– Ничего, я с некоторых пор, даже очень люблю «ждать», ты же знаешь.

Вот такая история.

«ДЮЙМОВОЧКА»

Была у нас на курсе девушка, красивая, высокая, где-то метр восемьдесят ростом. Сейчас это модно, а тогда не очень ребята таких привечали, и если приглашали, то больше на баскетбольную площадку, чем на танцы.

Стеснялась она роста своего и все горбилась. Семка ее утешал:

– Не расстраивайся, Настена, держи нос кверху, еще найдется тебе жених двухметрового роста, не такая уж ты и высокая, вот послушай.

Служил мой отец после войны в Закарпатье, где-то на Западной Украине. В части у них был шофер из местных, возил начальника штаба. Высокий – два метра три сантиметра. Когда за руль садился – руль между ног, колени до ушей доставали, головой всю обшивку в машине протер. Ребята смеялись: «Не мучайся ты, сделай там дыру, чтобы голова из машины торчала!»

Парень он был молчаливый, не злобливый, только улыбался, а как-то сказал:

– Я в семье самый маленький был. Вон сестры мои, те, действительно, рослые, одна 210 сантиметров, другая 220.

Никто ему, конечно, не поверил.

Стоял как-то отец в карауле у проходной и вдруг видит над забором торчит женская голова. Забор был высокий, не меньше двух метров. Он, конечно, в крик:

– Слезай, тетка, на чем стоишь, и отойди от забора, а то стрелять буду!

А та в ответ:

– Ни на чем я, милый солдатик, не стою, а ты будь любезный, кликни сюда Юрка Головенко, скажи, сестры проведать его приехали.

Выглянул отец за ворота, и вправду – стоит женщина на земле и голова выше забора, а рядом лошадь с телегой, и сидит там с вожжами в руке другая, чуть меньше ростом. Тут вспомнил он, как Юрко про своих сестер «великанш» рассказывал, которые женихов себе по росту во всем Закарпатье найти не могут.

Вот, Настенька, какого роста девушки бывают и не горбятся, голову вверх держат и с высоты своего роста на всех поглядывают: – где вы там, мелюзга, копошитесь? Так что ты со своими 180 сантиметрами – просто «дюймовочка». Не переживай, а то возьми себе жениха, вроде меня – «метр пятьдесят с кепочкой», будешь за ручку держать – никуда от тебя не денется.

И они оба с Настей рассмеялись.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Прошло много лет, у меня уже было двое взрослых сыновей. Один служил в Заполярье на норвежской границе, второй учился на первом курсе института, ждал «осеннего призыва». И от военкомата занимался на курсах шоферов. Это было в годы войны с Афганистаном. Некоторые из его одноклассников уже были «там», и я страшно переживала, что и его ожидает та же участь.

С Семкой мы встретились случайно в метро моего родного Ленинграда на станции «Гостиный двор». Вышли на Канал Грибоедова, прошли по Невскому до Казанского Собора, сели на скамеечке в сквере. Это было одно из любимых наших мест. Жила я недалеко от Зимнего дворца.

Вспомнили, как с гитарой, компанией собирались в Александровском саду или на Марсовом поле в белые летние ночи. Чудное, незабываемое время... мы оба были рады этой встрече.

– Семка, дорогой, сто лет тебя не видела! Как ты живешь?

– Сто не сто, но времени прошло немало. Я даже успел жениться, развестись и опять жениться. А ты как? Почему грустная?

– За сыновей волнуюсь. Один служит, второго должны призвать, а время сейчас, сам знаешь, какое тревожное. Боюсь я за них.

– Да, – сказал Семка, – но ты не переживай, обойдется. Я сам в этой армии такого страху натерпелся, чуть не поседел. Ничего, как видишь, жив-здоров.

– Хватит, Семен, наверное, опять твой очередной «треп».

– Какой «треп»!!! – Послушай. Ведь я тоже «загремел» сразу после защиты на целых шесть месяцев. Служил под Лугой, это сто км от Ленинграда. Курс молодого бойца осваивал. Все шло нормально, как положено – солдат спит, служба идет. Скучал я только без милых моему сердцу девочек. Ты же знаешь, как я к ним отношусь.

Завел я в городке парочку знакомых и каждое увольнение какую-нибудь из них посещал.

Однажды припозднился, чувствую, опаздываю, а командир у нас строгий был, думаю, надо путь сократить и «дунул» напрямик через кладбище. Бегу, темнота, а тут еще гроза началась, дождь льет, как из ведра. Промок до нитки, даже в сапоги начала вода затекать, ноги скользят по тропинке, словно маслом ее смазали. Свернул я в сторону на траву, чтобы не так скользко было, и вдруг с ходу в яме оказался. Руками до края не достать, роста я небольшого, да и могилку кто-то, видать, добросовестно выкопал. Попытался перочинным ножичком ступеньку сделать, какой там толк – никакого, тут же обратно на дно шлепнулся.

Сижу в грязи, сверху дождь хлещет и, чувствую, кончаться не собирается. Что делать – не знаю. Пригляделся в темноте, может, думаю, какая доска или палка найдется. Смотрю, в углу что-то черное шевелится. Протянул я руку и на рога наткнулся.

Может, ты не поверишь, но в первый момент так мне стало страшно, что волосы дыбом встали, чуть пилотка с головы не слетела. Ближе подошел – козленок это. Видно, тоже домой торопился и в могилку эту приземлился. С перепугу стихами стал мыслить.

Вдруг слышу – голоса. Какая-то компания с танцев возвращается. Я давай кричать: «Ребята, помогите!» Голоса затихли, фонарик загорелся, чувствую, услышали, подходят.

Схватил я этого козленка, бедолагу, и поднял вверх, чтобы его взяли. Увидели они вместо моей козью морду и назад бросились. Девчонки визжат от страха, но парни вернулись. Вытащили и козленка, и меня заодно.

Побежали дальше. И я побрел в часть, уже по тропочке, никуда не сворачивая, кто его знает, сколько там еще могил нарыто.

Опоздал я, конечно. Пару нарядов заработал. Картошку на кухне чистил. А мне что? Беда не беда, коль рядом еда. А на кухне всегда чем-то поживиться можно.

Правда, утром, когда брился, в зеркало внимательно посмотрел – нет ли на голове моей седых волос – не обнаружил.

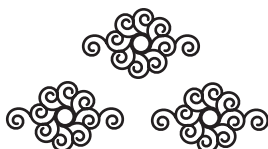
Семка улыбнулся:

– Успокойся, все у твоих ребят будет хорошо.

Мне и правда стало спокойнее.

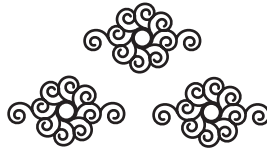
– Спасибо тебе, Сэм, спасибо, друг. Ты совсем не изменился за эти годы.

– Стараюсь. А теперь пойдем в наше кафе «Мороженое» и выпьем за встречу шампанского, закусим шариками из «крем-брюле», как в старые добрые времена после «степешки».

ПРО СЁМКУ

Это не Семкины байки, это то, что могли бы рассказать о нем его друзья и сокурсники. Ведь с Семкой вечно что-то приключалось или он во что-нибудь вляпывался.

ХОТЕЛ ПОСМОТРЕТЬ...

Часто осенью студентов и старшекурсников посылали на уборку урожая в колхоз или совхоз. Работать там было почти некому, так как люди стремились уехать в город, особенно молодежь. Некоторые дома стояли пустые с заколоченными ставнями. Девчонок поселили в жилые дома, а парней в заброшенные.

В этот день, выбирая картошку, ребята нашли «лимонку» – гранату, оставшуюся со времен войны, тогда это не было редкостью. По виду она ничем от картошки не отличалась – круглая, ржавая, вся в земле.

Вечером взяли с собой ведро картошки, сверху гранату положили и потопали в свой дом вместе с бригадиром.

Был у нас парень, армию уже отслужил, самостоятельный такой, страсть как командовать любил, вот и избрали его бригадиром – пусть, мол, «покомандует», пока на поле работаем.

В старой избе убранство нехитрое: русская печь, плита на две камфорки, широкая деревянная лавка, стол, несколько табуреток и фонарь «летучая мышь», на крючок подвешенный.

Все были голодные, уставшие и порядком подзамерзли. Плиту быстро растопили, и через полчаса водрузили на нее чугунок с картошкой и большой закопченный чайник.

В ожидании ужина разлеглись, кто на лежанке, кто на лавке, и слушали истории, которые «травил» бывший сержант по случаю найденной гранаты. Семка сидел перед раскрытой дверцей плиты, задумчиво смотрел на огонь

и подбрасывал рукой «лимонку»... вдруг она прямиком полетела в пылающий зев печи.

– Ты что, сдурел?!!

Вся бригада во главе с сержантом рванула к двери, он пытался сбросить крючок, толпа напирала и когда дверь, наконец, открылась, по его распластанному на полу телу, дружно протопала дюжина босых пяток.

Через минуту все залегли в канаву за навозной кучей, что была в конце огорода.

– Ну, сейчас рванет!

Ждали долго, но взрыва не последовало. Начал моросить мелкий дождик, все дрожали от холода, но возвращаться никто не решался.

– Да что она там?!

И тут раздался спокойный Семкин голос:

– Ребята, а я ведь в печку картошку бросил...

– Что?!!

Все кинулись назад в избу, сзади плелся слегка (дружески!) помятый Семен. Чайник давно вскипел, картошка сварилась, огонь почти угас. Подбросили дров, сели ужинать.

– И как это ты, Сэм, успел «лимонку» на картошку подменить?

– Успел, пока Вовка про свои подвиги и всякие взрывы рассказывал, а вы слушали его, раскрыв рты, я и решил «взрыв» устроить, хотел посмотреть, что вы делать будете?

– Посмотрел?

– Посмотрел.

– Ну и как?

– Здорово вы драпали, только пятки сверкали. Я чуть со смеху не помер.

– Что-то мы не слышали.

– А я шепотом, про себя.

Ребята посмотрели на него, потом друг на друга... и начали хохотать.

СЮРПРИЗ

В Гатчине на преддипломной практике нас поселили в спортзале школьного здания, которое летом пустовало.

Работали мы на строительстве производственных мастерских и небольших одноэтажных жилых домов. Как только построили первый – заняли там двухкомнатную квартиру. В одной комнате девочки, нас было четверо, во второй пятерка ребят.

Как-то мальчики решили устроить вечеринку, не помню уже по какому случаю. Семку отпустили с работы пораньше, чтобы все подготовил. Продукты он закупил и даже сходил на склад, выпросил красивый стеклянный плафон для украшения одиноко висящей под потолком лампочки. На помощь он позвал Люсю, которая осталась дома по случаю «больной головы». Идти ей не хотелось.

– Подожди, вернутся ребята и повесите, чего тебе приспичило именно сейчас.

– Хочу, чтобы это был «сюрприз».

– Ладно, пошли, ведь ты все равно не отстанешь, – сказала Люся и, запахнув короткий халатик, отправилась вслед за ним. Она залезла на две небольшие табуретки, стоявшие друг на друге, и принялась за работу.

– Держи крепче, «сюрпризник».

– Не бойся.

Семка, задрав голову, поддерживал шаткое сооружение.

– Какой вид! – сказал он и нежно пощекотал пальчиком. От неожиданности Люська завизжала и, нарушив равновесие, грохнулась на пол вместе со светильником.

Результат был плачевный: сломанный на ноге Люськин палец, разбитый вдребезги плафон и здоровенный фингал под Семкиным глазом, который она ему в сердцах поставила. Оборвался и провод, где раньше болталась «лампочка Ильича».

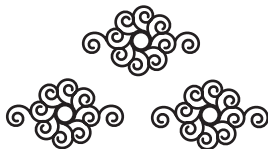
Вечером Володя пришел в женскую комнату.

– Девчонки, может, у вас хоть свечка есть? Не сидеть же нам весь вечер в темноте.

Расстроенная и злая Люся заковыляла к приятелю.

– Свечку, говоришь, дать! Пусть вам Семка своим «фонарем» светит, а мало, так я и тебе «фонарь» поставлю, совсем светло будет! – и она вытолкала его за дверь.

Праздник не получился, но зато «сюрприз» удался на славу, долго его все помнили. Особенно Сэм.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

После второго курса решили подзаработать. Желających записаться в стройотряд оказалось достаточно много. Поехали в Липецкую область, есть там небольшой городок Данков. Стоит он на реке Дон. Название интересное – из двух слов состоит – дан и ков. Говорят, кто-то кому-то здесь дал первый бой перед большим сражением. Вокруг деревни: «Казачи», «Стрельцы», «Пушкари», «Сторожевая».

В городе, когда прокладывали водопровод, нашли большое захоронение: кости, черепа и много старинного оружия.

Еще рядом «Вислый лес», а почему «Вислый», старожилы рассказали: через городок шел путь торговый, а в лесу орудовала шайка разбойников во главе с лихой атаманшей. Шайку разогнали, а атаманшу в лесу повесили, отсюда и название.

Поле Куликово, где Дмитрий Донской татар разгромил, тоже недалеко от этих мест. В общем, городок с интересной историей, только стройотрядовцев тогда больше интересовало, где можно после работы развлечься: кино, танцы, девочки.

Семка, как всегда, преуспел, сразу трех подружек завел. С одной познакомился на какой-то вечеринке, куда проник нелегально, со второй на танцплощадке в парке, с третьей на берегу реки во время купанья.

Заговорить он мог любую, голос имел просто завораживающий, и язык был неплохо «подвешен». Неизвестно, как он ухитрялся выкручиваться, но до поры до времени

все обходилось благополучно, до той поры, пока девчонки его не «раскусили». Школа в городке всего одна, где они все и учились, а две даже были близкими подружками. Да, это тебе не Ленинград, здесь, как в деревне, все о всех и все друг друга знают. Возмутились красавицы и решили наказать Дон Жуана, устроить ему «страшную месть».

Приходит Семочка поздно вечером на свидание, вызывает подружку свистом соловьиным, умел он свистеть виртуозно, а вместо нее выходят три парня. Окружили, бежать некуда. Сражался он мужественно, но уже через пару минут был сбит с ног, никакие приемы не помогли, но кому-то по носу здорово кулаком двинул, кровь полилась по его лицу.

Незнакомцы бросились бежать, Семен тоже помчался к общежитию, где их разместили. С шумом ворвался в комнату.

– И где это ты шлялся?

Семка не мог отдышаться.

– Напали на меня местные, целая банда в масках, еле отбился. Кровь на мне, но не моя, здорово врезал по чьей-то роже.

Он щелкнул выключателем. Раздался хохот, ребята чуть не попадали с кроватей от смеха.

– Вы что ржете?

– В зеркало на себя посмотри, вояка!

Подойдя к небольшому зеркальцу, висевшему на стене, Сэм с ужасом увидел свою физиономию, залитую фиолетовыми чернилами, то же было с шеей и воротом белой рубашки.

Смыть чернила очень непросто. Ручек шариковых тогда еще не было, писали простыми перьями, а чернила делали из химических карандашей.

Ехидные советы сыпались со всех сторон:

– Мылом, солью, содой, щеткой, пемзой потри!

Лицо распухло, но чернила упорно не смывались.

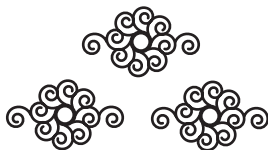
На работу Семен долго не выходил, а об увеселительных прогулках пришлось вообще позабыть.

Подружки его интересовались:

– Ну и как поживает ваш фиолетовый?

Переоделись девчонки в мужские костюмы, вооружились бутылкой чернил и осуществили свою «страшную месть», еще частушку сочинили и под окном общежития пропели в три голоса:

*Ах, лиловый колокольчик,
Ты теперь уже не пан,
Разлюбила тебя милый,
Полюбила я тюльпан.*

ВКУСНЫЕ ИСТОРИИ

ПИРОЖКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Пирожки, пирожки... Все говорят, что у меня они получаются какие-то необыкновенно вкусные. Особенно тесто. Спрашивают – «В чем секрет?» - А секрета нет. Честное слово. Рецепт самый обыкновенный – 0,5 литра молока (из них 100 граммов для дрожжей), 150 граммов маргарина, 150 граммов сахара (а для сладких или кислых – больше), 50 граммов дрожжей, половина чайной ложки соли, одно яйцо (или без него), один килограмм муки.

Сначала растворяем дрожжи в 100 граммах молока, добавляем щепотку сахара и даем подняться. Затем ставим опару: в кастрюльке или миске растопляем маргарин, вливаем туда молоко, добавляем сахар соль, яйцо, поднявшиеся дрожжи, хорошо размешиваем и ставим в теплое место. Через 45 минут добавляем муку и сразу хорошо вымешиваем в течение 15-20 минут. Тесто должно отходить от дна миски или кастрюли. Затем ставим тесто в теплое место – поднялось и лепи пирожки.

Начинка любая. Разделанные пусть постоят под тонким полотенцем минут двадцать. Поднимутся, смазать яйцом и в духовку. Духовка должна быть хорошо прогрета. Жар средний. Если духовка «нормальная» – лист ставьте по середине, чтобы верх и низ румянились одинаково и одновременно. Через 15-20 минут пирожки готовы.

Положите их на деревянную доску, смажьте сливочным маслом или просто сбрызните холодной кипяченой водой, накройте марлей, затем еще двумя хлопчатобумажными полотенцами и пусть стоят, пока не остынут. Потом

можно переложить в большую кастрюлю и прикрыть полотенцем (только не крышкой). Теплые не перекалывайте, а то они отсыреют.

Вроде делают, как я говорю, а все им кажется, что мои вкуснее.

Я не знаю и не помню, как и что готовила моя бабушка, а пекла она замечательно. Куличи на Пасху – теста в кружечку положит немного, на доньшко, а вынет из духовки – куличик из кружки вылез. А уж пироги такие были вкусные, что за уши от них не оттянешь. Она всегда мне говорила: «Тесто любит «настроение». Нет у тебя настроения и желания печь – лучше не берись. Печь нужно с радостью, с желанием. С тестом обращаться нежно, с любовью, как с малым ребенком. Чтобы тихо было и холодом из форточки не дунуло, и крышкой в духовке не стукнуло, не трянуло – сразу сядет и уже не поднимется». Вот и все секреты.

Расскажу вам случай с моими пирожками. Работала я тогда в Иркутской области. Как-то послали нас на срочную стройку – Дом отдыха строили на берегу Байкала. Лето – жили в палатках. Был какой-то праздник или чей-то День рождения, уже не помню, послали меня специально в город домой, чтобы пирогов напекла и привезла.

Поехала, напекла пирогов с мясом и с капустой – целую корзинку. Вернулась уже под вечер. Куда «печево» девать – не знаю, мясо ведь испортиться может. Ребята пошли опустить сетку с пивом и вином в воду. Вода в Байкале холодная, в самую жару не больше плюс 13 градусов. «Давай, – говорят, – свои пироги, пусть ночь поплавают».

Уложила я их в глубокий алюминиевый таз, сверху хорошо завязала, таз обвязала веревочкой и к кустику на берегу привязала эту веревочку «бантиком».

Ночью, видно, ветер был, «дернул» тазик за веревочку, развязался мой «бантик», и поплыли пирожки по Байкалу.

Утром пришли – бутылки целые, а тазика нет. Уплыл, хоть и без паруса. Расстроились, конечно.

А вечером, в самый разгар веселья, подходят к нашему костру три рыбака – тазик наш несут, только не с пирожками, а с омулем (рыба такая, только в Байкале водится). «Поймали, – говорят, – мы ваших «беглецов-мореплавателей», только не удержались, всех съели. Не обижайтесь. Взамен принесли вам рыбку, свежая, только из сетей вынули, еще хвостом шевелит».

Мы, конечно, не обиделись. Вот такие пироги.

ОЛАДЫШКИ С НАЧИНКОЙ

Давным-давно, еще в студенческие годы, собрались мы под старый Новый год у моей подруги. На мясо для пельменей денег не было, решили оладышек нажарить по моему рецепту – с начинкой. Меня, как главного специалиста, к плите поставили, а сами танцевать пошли под елочку.

Парюсь я у сковороды, вдруг заходит на кухню Сергей и просит положить колечко в оладышек – загадаю, говорит, на свою суженую, ночь-то сегодня – гадальная.

Я, конечно, согласилась. Стол богатый получился. В центре блюдо с горой румяных оладышек, так много, что даже соседей Ленкиных пригласили и котенку ее Мусе оладышек бросили. Шампанского не было, но наше студенческое вино, портвейн «Три семерки», конечно, откупорили.

Сидим, весело, оладьи почти все съели, а колечко никому не попало. А потом смотрим, Муся по полу его катает, играет. Вот уж было смеху.

– Нашлась невеста, придется тебе, Сережа, на Мусе жениться!

Тут Лена вступилась.

– Не позволю, – говорит, – она у меня еще несовершеннолетняя.

Печь оладышки просто – вот рецепт.

Надо взять 0,5 литра молока или воды, 1 яйцо, 2 столовые ложки сахара, 25 граммов дрожжей, муку и щепотку соли. А для начинки – банан (порезать кружочками толщиной 1 см), ягоды, фрукты, кусочки вареной рыбы или чего вы хотите.

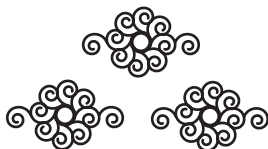
Дрожжи развести в 50 граммах молока (взять от 0,5 литра). Дать им подняться (в тепле), влить в подогретое слегка молоко, положить сахар, яйцо, соль, все взбить венчиком, добавляя муку до консистенции очень густой сметаны. Поставить в теплое место, дать подняться.

Жарить на хорошо разогретой сковородке на небольшом огне, чтобы прожарились и не подгорели. Масло (растительное без запаха) налить 0,5 см и подливать по мере надобности.

Тесто выкладывать ложкой небольшими порциями, когда краешки немного подрумянятся, в середину каждой кладем начинку, вдавливая в тесто, сверху налить немного теста, чтобы ее закрыть. Через некоторое время перевернуть и жарить до готовности.

В пост делайте все так же, но без яиц и молока, просто на воде. Только постные оладышки нужно есть сразу со сковороды, так как они быстро черствеют.

Приятного вам аппетита и хорошего настроения!

БЯКА-КУЛЕБЯКА

На мой День рождения мы с бабушкой всегда пекли всего много, и друзей ко мне приходило тоже много.

В этот раз решили испечь кулебяку сборную или еще ее называют кулебякой на четыре угла. На каждый угол свой фарш: печень куриная, обжаренная с луком и картошкой; мясо отварное молотое с луком и рисом; грибы, жареные с луком и картошкой; капуста тушеная с яйцом.

Можно и другой набор, только если есть рыба, то мяса уже не добавлять. Начинка для кулебяк должна быть почти готовой. Мясо, картошка, рис, грибы, капуста, яйца – все отваривают до полуготовности, делают фарш или мелко нарезают, лук обжаривают отдельно. Тесто дрожжевое.

Нижний слой на протвине – потолще, сверху потоньше. Над каждым фаршем – небольшое отверстие. Поднимется, смазать яйцом и в духовку. Если жар хороший – минут 25-30 и можно вынимать.

Кулебяка получилась на славу. На разделочной доске поставили ее на табуретку, водичкой сбрызнули, полотенцем накрыли. Стоит наша красавица, остывает.

В это время забегает подружка моя Женя. Веселая хохотушка, «тарахтелка», как называет ее бабушка. Глаза горят, видно, что новостей «полный рот», не терпится рассказать, и... плюх на табуретку.

Я застыла, как статуя, с открытым ртом. Бабушка всплеснула руками

– Куда же ты села, егоза?

– А куда? Там что-то горячее...

– Кулебяка там, шальная твоя голова. Только из духовки вынула.

– Ой, и что теперь делать?

– Ничего, дорогая моя, уже не сделаешь. Новую печь или такую есть.

– Не переживай, бабуля, и такую съедим.

Вечером на столе было много всего вкусного: печенье творожное, фирменный наш торт с заварным кремом, слоеные булочки и пирожки с мясом.

Потом бабушка принесла из кухни большое блюдо с разрезанной на четыре куса кулебякой.

– А это бяка-кулебяка.

Она поставила блюдо ближе к Жене. Та засмушалась:

– И совсем она не бяка, а очень даже вкусная.

– Скажи еще – красивая. Вот тебе ее и есть.

Но бяка-кулебяка все равно была хороша, и блюдо быстро опустело.

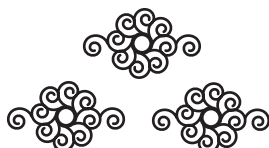
Кулебяки разные могут быть – мясные, рыбные, овощные, крупяные. Форма овальная или круглая. Слои повторяются, сужаясь кверху. Если фарши жирные, перестилают тонкими блинчиками. Получается красивая горка.

Я чаще пеку кулебяку небольшую – рыбную, самую простую. Тесто ставлю на один стакан молока. Раскатываю продолговатыми кусками шириной 18-20 сантиметров, длиной на две трети вашего листа, толщиной один сантиметр.

На середину во всю длину полосок положить фарш. Края теста соединить над фаршем и защипать. Смазать яйцом. Дать расстояться, еще раз смазать яйцом и проколоть сверху в трех местах, чтобы выходил пар во время выпечки.

Фарш: Нижний слой – отварной рис с яйцом, потом рыбный фарш. Филе рыбы посолить, поперчить, обвалить в муке с сухарями, слегка обжарить, остудить и пропустить через мясорубку. Обжарить лук до розового цвета, соединить с фаршем. Отдельно обжарить пластинку этого же филе или другой рыбы, разрезать на куски 3-4 сантиметра и уложить сверху фарша по всей длине, теперь можно защеплять.

Тесто может быть сдобное или не сдобное (с малым количеством жиров), но обязательно дрожжевое.

КАК УЛЕТЕЛО ПТИЧЬЕ МОЛОКО

С этими ребятами я познакомилась, будучи в длительной командировке в Москве. Один из московских проектных институтов был генеральным проектировщиком нашей стройки в Иркутске, где я тогда работала.

Через какое-то время и они к нам прилетели. И конечно, в гости ко мне заявились. Испекла я по такому случаю свой фирменный торт «Птичье молоко». Очень он ребятам понравился.

Торт, действительно, вкусный, даже мне самой нравится. Только делать его очень долго. Почти семь часов уходит. Все там заварное – и тесто, и крем. А это значит: варить, мешать, студить, мешать. Сбивать обязательно вручную. Одним словом, волынка.

Новый год был уже на подходе. Стали москвичи меня просить:

- Испеки к нашему отъезду такой. С собой возьмем.
- В Москве что – тортов нет?
- Есть, но не такие.
- А вам именно такой нужен?
- Именно такой.

Согласилась. Сделала коробку большую, упаковала. Тяжелый он, наверное, больше двух кило.

Примчались:

- Ну, что? Мы сегодня улетаем.
- Заказ ваш готов, забирайте. Только не пропустят вас с ним в самолет.
- Это почему? Мы уговорим.

Распрощались. А поздно вечером звонок – звонят мои «заказчики»:

– У нас неприятность.

– Что случилось?

– «Птичье молоко» без нас улетело.

– Это как же?

Рейс задержали. Пока ждали – задремали. Проснулись, а торта нет.

– А я вам чем могу помочь?

– Продиктуй рецепт по телефону. У Юры мама хороший кулинар, сделает.

– Рецепт длинный. У вас денег-то на телефон хватит?

– Хватит, диктуй.

– Ладно, «засони» – пишите.

Тесто: В алюминиевую кастрюлю влить 4 столовые ложки молока, 2 яйца, 1 стакан сахара, 3 столовые ложки меда, 2 столовые ложки уксуса, 1 чайная ложка соды. Все хорошо размешать, поставить на слабый огонь (следить, чтобы не подгорело), кипятить, помешивая, до светло-коричневой массы – примерно 15-20 минут. Снять с огня, всыпать почти 3 стакана муки, размешать до получения довольно крутого теста. Разделить на 8 частей, каждую часть тонко раскатать и выпекать коржи при температуре около 200 градусов 5-6 минут (до коричневого цвета).

Вытаскивая каждый корж из духовки, пока он горячий и мягкий (остыв, корж сразу твердеет), обрезать по трафарету из плотной бумаги: квадратной, круглой или другой формы.

Крем: 3 столовые ложки муки хорошо размешать с 1,5 стакана сахара, разбавить 3 стаканами молока, снова все смешать, довести до кипения, постоянно помешивая, охладить. Взбить 300 граммов масла, добавляя по 1 столовой ложке охлажденной массы, смазать кремом 7 коржей (не очень обильно), а верхний слой залить глазурью.

Глазурь: $\frac{3}{4}$ стакана сахара, 3 столовые ложки молока, 1 столовая ложка какао, перемешать, поставить на слабый огонь и кипятить до полного растворения сахара. Добавить 70 граммов масла или маргарина, опять довести до кипения. Сняв с огня, чуть охладить, чтобы глазурь слегка загустела и не стекала с коржа, добавить ванилин и залить верхний корж (очень важно не переохладить глазурь, иначе она ляжет на корж неровным слоем, при необходимости можно подогреть).

Украсить торт можно лишь после того, как глазурь окончательно застынет. И поставить на пару часов в холодильник. Приятного аппетита!

МОЯ БИОГРАФИЯ

Родилась я в городе Ленинграде в 1936 г. в семье военного инженера Кикина Якова Ивановича. Мой дед Кикин Иван Иванович был военным священником. Имел много наград, медалей, орденов, знаки отличия в боях с неприятелем 2-ой степени с мечами, св. Анны 3-ей степени с мечами (1915 г.), медали на Александровской и Георгиевской лентах за участие в Русско-Японской войне 1904-1905 гг.

Родился он 13.01.1869 г. – уроженец из духовного звания, православного вероисповедания, имущества недвижимого не имел. Происходил из рода Кикиных, это один из древнейших родов на Руси. Еще до царствования Романовых, род Кикиных верой и правдой служил государям и России. Моя бабушка Мария Андреевна Георгиевская родила шестерых детей. Мой отец Яков родился в 1906 г. в Польше, где дед служил в пластунском казачьем полку. Последнее место его службы г. Тамбов. В 1918 г. был арестован и расстрелян без суда и следствия, как очень многие служители церкви в те годы. Где и когда я не знаю до сих пор. На все мои запросы ФРБ Тамбова и Москвы ответили, что никаких сведений о нем в архивах нет.

Бабушка с младшим сыном Яковом уехала в Ленинград к сестрам. К этому времени у нее живых детей было только трое. Два старших учились в Москве в Темерязевской Академии.

Скрыв свое происхождение, отцу просто чудом удалось поступить в военно-инженерное училище. Закончил его по специальности военный инженер-строитель мостовик. С моей мамой познакомился в 1932 г. Училась она в художественном по специальности художник по фарфору. Та-

лантливая была девушка, рисовала, пела, вышивала и еще писала замечательные письма. Удивлялась, как это люди не знают о чем писать, говорила: – «Я могу написать даже о манной каше».

Нас детей в семье было трое. Я старшая и еще два брата – 1937 г. и 1940 г. рождения. Отец часто уезжал в очень длительные командировки на строительство каких-то секретных объектов и мостов. Мы из Ленинграда не выезжали. Последний раз его командировали в Магадан. Это было весной 1940 г., а в декабре родился мой второй брат.

В июне 1941 г. началась война. Мама получила от отца телеграмму: «Детей никуда не отправляй, из города не выезжай». Мой младший братишка Евгений умер в блокаду 16 апреля 1942 г. Отцу не суждено было его увидеть. Как кадровый военный, он вернулся в Ленинград только в 1947 г.

Нас вывезли из города в 1943 г. сперва в Ярославскую область, там мы с братом недолго были в детском доме т. к. мама тяжело болела. Потом увезли в Киргизию в какой-то поселок или аул недалеко от города Кант Фрунзенской области. Здесь я пошла в школу, мне тогда было 7 лет. Поселили нас в саманном (глиняном) бараке. Крохотная комнатка, маленькая печка и две железные однопальные кровати. Мы с братом спали «валетом». Мама очень болела, у нее была депрессия, а потом еще и тиф. Ее увезли в больницу в город. Мы с братишкой остались одни. Я почувствовала себя совсем взрослой. Когда мама вернулась и пошла работать, стало легче. А вообще не хочется вспоминать об этом времени. Мы выживали как и все тогда – ведь шла война А когда она закончилась, мы сразу вернулись домой в Ленинград. Для моего города и его жителей это было трудное время. Развалины и страш-

ный бандитизм. Вечером и даже днем грабили, раздевали, убивали в подворотнях и просто на улицах. Нехватка продовольствия, отоваривали по карточкам, которые выдавались на декаду – десять дней.

9 февраля 1946 г. мою маму ограбили и чуть не убили прямо в подъезде дома. В этот день она получила зарплату и карточки на всю семью. Нас было шестеро – двое детей, трое стариков и только мама работала. Она сразу побежала в милицию. Ведь в сумке был ее паспорт, а 10 февраля – выборы в Верховный Совет СССР. В то время не пойти на выборы считалось настоящим преступлением и чтобы оправдаться нужны были веские причины. Пока ее не было к нам пришла женщина и принесла мамину сумочку, в ней лежал только паспорт. Наш двор был проходной, а она работала дворником на соседней улице. Одна сторона этой улицы стояла в развалинах, но все равно там убирали и скалывали лед. Найдя сумку и обнаружив в ней паспорт решила сразу его отнести, знала, что завтра выборы.

Все проходит и это прошло. В студенческие годы мы даже начали спокойно гулять по улицам, было тихо, спокойно и чисто. Мой город и люди справились со всеми трудностями.

В Ленинграде я училась уже в 3-м классе, это была моя вторая школа, здесь меня приняли в пионеры, потом школ было еще четыре и где стала комсомолкой не помню. Когда отец вернулся, мы ездили за ним по всем городам, городкам и республикам, где он что-то строил. В 1947-1948 гг. жила в Москве у старшего брата отца. Училась в 70-ой женской школе на Арбате. Отправили меня в Москву т. к. я болела лихорадкой (заболела еще в войну в Киргизии и нигде не могли меня вылечить). Эти годы в Москве были самыми счастливыми в моем детстве. 7 сентября 1947 г. Москва от-

мечала свое 800-летие. У моей подружки отец был генералом и мы на его машине смотрели вечером праздничную иллюминацию города. Тогда впервые электролампочки появились на всех зубцах кремлевской стены. А на параде 7 ноября видели Сталина.

Десятый класс закончила в 1953 г. в г. Данкове Липецкой области. Городок в верховьях реки Дон. Рядом знаменитое Куликово поле и недалеко станция «Лев Толстой». На этой станции он умер от воспаления легких в доме начальника станции. Там открыли музей. В комнате, где лежал больной все сохранили, даже занавески на окнах.

Документы я подала в Московский институт прикладного и декоративного искусства. Когда приехала в Москву мне сказали, что институт объединяют с каким-то художественным училищем и переводят в другой город. Забрала документы и устроилась работать на химический завод. Отправили на курсы учиться, пришлось пять разных химий сдавать. Цех был с вредными условиями труда, шестичасовое производство. Через три часа работы давали молоко, а после работы талоны на спецпитание в столовой. Проработала 11 месяцев и оказалось, что на таком производстве мне не положено по возрасту работать. Не знаю почему, когда оформляли в отделе кадров, не увидели, что мне только 17 лет. Пришлось срочно писать заявление на увольнение «по собственному желанию». Да я и сама уже собиралась уволиться. Поехала в Ленинград. Решила поступать в текстильный на факультет «Рисунок ткани». Пришла, посмотрела, поговорила, почти все поступающие оканчивали художественные студии или школы. Куда уж мне самоучке. Побоялась рискнуть, и так год потеряла, а зря, всю жизнь об этом жалела. Зато поняла, что лучше сделать и пожалеть, чем пожалеть, что не сделал.

Документы подала в архитектурно-строительный техникум. Приняли сразу на второй курс.

Если были у кого в жизни студенческие годы, думаю это самые прекрасные годы, во всяком случае для меня. Всё с тобой в это время – молодость, красота, энергия. И пусть ты не доедаешь, не имеешь возможности красиво одеться – ничего этого не замечаешь, потому что счастье и радость жизни переполняет тебя, поет и звенит во всем твоём существе. Это я о себе лично.

По субботам все строительные учебные заведения работали на строительстве первой очереди Ленинградского метро, это были первые семь станций. Мы трудились на станции «Автово». Гостевые билеты на открытие получили все участники строительства, храню его до сих пор. Незабываемое, чудесное время, жаль, что оно быстро проходит. После защиты диплома по направлению и по «зову комсомола» помчалась в Иркутск строить большую химию. По окончании техникума отработка была обязательной, если кто отказывался ехать по направлению брал свободный диплом и на работу устраивался сам, где хотел.

Заочно поступила в МСИ (Московский строительный институт), с моим дипломом сразу на 3-й курс. Проучилась два года и решила что мне это не нужно. Все еще мечтала о художественном... Потом работой увлеклась. С 1961 года где только не работала – на Урале, в Сибири, в Средней полосе России, велика и широка родина моя Россия. Замуж вышла в 1961 г. за Самарина О. И., стали ездить всей семьей. У меня и дети родились: один на Урале, другой в Сибири. За границей мне довелось побывать только дважды – в Индии и в Болгарии. А Прибалтика, Украина, Белоруссия, Средняя Азия тогда не считались «заграницей». Мы жили в СССР. В партию не вступала,

хотя меня часто агитировали. Отшучивалась – «Я еще сознанием не доросла». Муж мой был ярый коммунист. Он со своим партбилетом не расстался и после распада СССР. В 1986 году по партийной линии был командирован в Белоруссию на БМЗ (металлургический завод). По специальности он был металлург-технолог. Я приехала в г. Жлобин в 1988 г. Год с небольшим перед пенсией работала в УКСе горисполкома в должности старшего инженера-куратора. За нами приехали и наши сыновья со своими семьями. И сейчас живут и работают здесь. Здесь же родилась моя правнучка, учится в школе. По приезду в Белоруссию мы с мужем вскоре разошлись. Вместе прожили 36 лет. Так бывает.

Теперь насчет моей «писанины», сказать творчество, не решаюсь, это для меня слишком громко. Рисовала и писала стихи я с детства, только никто особенно не обращал на это внимание, ни дома, ни в школе. Правда во всех школах, где училась, всегда оформляла стенгазеты, рисовала по просьбе учителей пособия для занятий. К праздникам украшала рисунками и плакатами залы для вечеров.

А вот со стихами, особенно в раннем детстве, было совсем не так просто. Они почему-то лезли в мою голову и я записывала их на разных клочках бумаги и куда они потом девались не знаю. Ни разу не послала их в какую-нибудь пионерскую газету или журнал. Писала просто для себя. Однажды в 6-м классе сочинение написала в стихах, учительница сделала мне выговор и заставила переписать в прозе, как положено. А прозу начала писать только в 2004 г. в г. Жлобине. Одна моя хорошая знакомая рассказывала очень интересную историю и мне очень захотелось об этом написать. Это был мой первый рассказ «Стреми-

тельный». До этого я, как мама, писала только письма. Писала знакомым, их было много по всей стране, родным и по делу.

В 1954 г., когда жила в Ленинграде, написала очень большое письмо в Москву Климу Ворошилову. Зачем? Чтобы восстановить справедливость. Всю свою сознательную жизнь я за нее боролась, правда редко побеждала.

Мой дядя мамин брат Александр Иванович Клочков, совсем еще молодым работал механиком на пароходе в Ленинградском порту. Началась Финская война, его призвали в армию, потом в 1941 г. – Отечественная, и он опять ушел на фронт. На Украине попал в плен, бежать ему помогла молодая учительница местной школы. Догнал он свою часть и воевал в ней до конца войны. Вернулся не в Ленинград, а на Украину и женился на той учительнице. Устроился работать механиком на небольшом заводе. Но кто-то написал в НКВД донос о том, что он был в плену. В 1948 г. д. Сашу арестовали и загремел он в северный лагерь по 58 статье (политическая) на 25 лет без права переписки. Что это были за лагеря теперь знают все, о них много написано и рассказано. В Москву я писала дважды. Не знаю помогли мои письма или нет, но в это время многих освободили и реабилитировали.

Вернулся в Ленинград А. И. Клочков в конце 1955 г., в телогрейке, без вещей, лицом молодой и с седой головой. В городе его сразу прописали, а через пару недель пришли к нам двое мужчин. Высокие, стройные в гражданской одежде, выправка военная. Пожали ему руку, извинились за ошибку. Когда ушли, я спросила:

– Это всё за эти ужасные 8 лет?

– И на том спасибо. Даже если бы они этого не сделали, я счастлив, что вернулся – сказал Саша. – И еще – ты

знаешь о чем я мечтал в лагере, если вернусь поеду жить на юг, отогреюсь.

И так, с 2004 г. я начала писать не письма, а рассказы. Все переходили на электронную почту, приобрести эту технику я смогла только в 2011 г., но освоить не успела, потеряла зрение и мне стал нужен уже только диктофон.

А стихи я продолжала писать на бумаге, которая попала мне под руку в любое время, в любом месте, поэтому многие из них потерялись. Но однажды случай свел меня с замечательным человеком Белорусской поэтессой и журналисткой Шадукаевой Людмилой Борисовной. Она и посоветовала мне завести общую тетрадь и записывать все, что приходит в мою непутевую голову. Стихов накопилось прилично.

Я не считаю себя поэтом, кто не пишет сейчас стихов? Издать прозу очень хотела, а сборник поэзии это заслуга Людмилы Борисовны, она настояла и я согласилась. До этого печаталась в Минске в четырех частных журналах и десять моих рассказов вошли в сборник «Дыханием единым», выпущенным издательством журнала «Гомон».

Вот коротко моя биография, моя жизнь. Она во многом похожа на жизни и судьбы моего поколения. И хочу сказать, что считаю – я не сумела реализовать в этой жизни данные мне способности.

Не стала ни художником, ни поэтом, ни писателем. Это печально. Но как говорят мои дети и близкие друзья – ты была хорошей, любящей и мудрой матерью. Это радует. Дети – самое большое счастье в моей жизни и они выросли хорошими людьми. Это главное.

О. Самарина-Кикина, г. Жлобин, 2015 г.

НЕМНОГО О ЖИЗНИ

*Бог ставит нас перед выбором,
но сам Он знает, что мы выберем.*

* * *

Я верю в судьбу. Считаю, что у каждого она своя. Лучше или хуже, чем у кого-то, но она твоя и изменить ее ничто не сможет.

Иногда говорят, что какое-то событие изменило мою судьбу. Это не так. Что-то может изменить твою жизнь, но не судьбу.

И еще.

Есть в жизни определенные каноны (правила), следуя которым и соблюдая которые, человек живет легче, интереснее, свободнее, освобождается от лишней суеты, чаще радуется и радуется окружающих.

Если ты не завидуешь никому – тебе легко. А зачем завидовать? Свою-то стезю этим не изменить, ведь у каждого своя жизнь. Если ты искренне, а не по обязанности испытываешь чувство благодарности к людям, сделавшим тебе добро, будет радостно и им, и тебе.

Если ты простишь и не будешь мстить за причиненное тебе зло, тебе будет спокойно. Если ты испытываешь радость, когда делаешь ближнему добро, тогда тебе и самому будет хорошо, и сопутствовать будет тебе удача.

А если все иначе, ты будешь часто раздражен, неудовлетворен, и даже удача может тебя покинуть.

- Это философия?

- Может быть и так.

* * *

Я – БЛИЗНЕЦ

Я – Близнец, и мое настроение быстро меняется. Я бросаюсь из одной крайности в другую и часто не согласна сама с собой. А ведь кто-то сказал: «Счастье – это согласие с самим собой».

Но и в моей «близнячей» жизни были, бывают и, надеюсь, еще будут очень счастливые моменты.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	2
ДВОРНЯГИ	
Сэр.....	4
Чернушка и Лайма.....	7
Чара.....	10
Агай.....	16
МОИ ПИТОМЦЫ	
Мурка и Динго.....	22
Динго и Тюля.....	25
Динго, Киса и другие.....	27
Всё про Дика.....	33
Знакомство.....	33
Похититель.....	35
Телепат.....	37
Кошки-злейшие его враги.....	39
Дик и Ёж.....	40
Дик-гаишник.....	41
Дик-сторож.....	42
Он ушел навсегда.....	43
Сладкая парочка.....	46
Тигра.....	53
Барик.....	57
Итон.....	60
МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ	
Стремительный.....	74
Дорога к храму.....	76
Случай в Майкопе.....	78

Он – просто немец.....	81
Эхо войны.....	83
Невыдуманная история.....	88
Медведевский лес.....	91
Байкал.....	93
Охота с поезда.....	94

ВЗРОСЛЫМ О ДЕТЯХ

О детях.....	96
Прогулка.....	98
Тётя Валя и людоедки.....	101
Пискарёвское кладбище.....	106
Верочка повесть.....	108

СЁМКИНЫ БАЙКИ

Нелюблюждать.....	166
Подарок.....	168
Дюймовочка.....	170
Последняя встреча.....	172

ПРО СЁМКУ

Хотел посмотреть.....	176
Сюрприз.....	178
Страшная месть.....	180

ВКУСНЫЕ ИСТОРИИ

Пирожкипутешественники.....	184
Оладышки с начинкой.....	187
Бяка-кулебяка.....	189
Птичье молоко.....	192

БИОГРАФИЯ

Немного о жизни.....	204
Я – близнец.....	205

Литературно-художественное издание

Самарина-Кикина Ольга

Найди себе друга

Рассказы

Ответственный за выпуск
С. А. Флоризяк
Редактор Ж. В. Жук
Корректор Н. В. Ляндышева

Подписано в печать 18.03.2016 г. Формат 60x84/16. Бумага офсетная
80 г/м². Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,09.
Тираж 100. Заказ 470.

Издатель и полиграфическое исполнение:
КИПУП «Техническая книга».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/228 от 13.06.2014, № 2/86
от 25.03.2014.

Ул. Урицкого, 62, 247210, г. Жлобин, Гомельская обл.,
Республика Беларусь